

ISSN 0869-3129

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

1. 2023

15 декабря 2022 года в Кабардино-Балкарии торжественно отметили 105-ю годовщину со дня рождения народного поэта Кабардино-Балкарии, лауреата государственных премий СССР и РСФСР, лауреата Ленинской премии, общественного деятеля Кайсына Шуваевича Кулиева. Гостями торжественного вечера стала большая делегация писателей и общественных деятелей из Москвы, республик Северного Кавказа – Адыгеи, КЧР, РСО-Алания, Чечни, Ингушетии, а также Чувашии, Татарстана, Башкортостана, Алтайской республики, Ставропольского края, Казахстана, Кыргызстана.

В числе почётных гостей были председатель Парламента КБР Татьяна Егорова, руководитель Администрации Главы республики Мухамед Кодзиков, уполномоченный по правам человека по КБР Борис Зумакулов, министр культуры КБР Мухадин Кумахов, председатель правления Союза писателей РФ Николай Иванов, председатель правления СП КБР Юрий Тхагазитов, вдова поэта, заслуженная артистка КБР Элизат Кулиева, народные поэты Ахмат Созаев, Муталип Беппаев, поэт и журналист Светлана Моттаева.

Юбилейный вечер Кайсына Кулиева завершился большим литературно-музыкальным театрализованным представлением.

12+

**Литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

**Учредители
(соучредители):**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
«КБР-МЕДИА»

Главный редактор – В. М. МАМИШЕВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Адам Гутов
Виктор Котляров
Лариса Маремкулова
Светлана Моттаева
Александр Мусукаев
Юрий Тхагазитов
Мадина Хакушева
Пётр Хатуев (отв. секр.)
Мухамед Хафицэ

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Касбулат Дзамихов
Мурат Карданов
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Хаути Сохроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев

1. 2023 ЯНВАРЬ–ФЕВРАЛЬ

ИСКРЕННОСТЬ И ГЛУБИНА

К 70-летию А. Т. Додуева

А. Т. Додуев

Аскер Додуев – главный редактор журнала «Минги-Тау», народный поэт Карачаево-Черкесской республики, сопредседатель Российского Лермонтовского комитета, член Союза писателей и Союза журналистов России, автор книг, телефильмов и передач – поэт большого оптимизма, умеющий трезво оценивать окружающую действительность. Как отмечают его коллеги, это художник весёлого нрава, доброжелательный и живущий с большой верой в доброту людей. Его произведения вошли в школьные и вузовские учебники.

А. Додуев родился в 1953 году в Казахстане – в с. Тельман Талды-Курганской области. После реабилитации балкарского народа в 1957 году он вместе с родными вернулся из Казахстана в Кабардино-Балкарию. Окончив Шалушкинскую среднюю школу, в 1969 г. поступил в КБГУ на математический факультет. С 1971-го по 1973 г. находился на службе в армии. После окончания университета работал преподавателем математики в Шалушкинской средней школе. В 1983 году Аскер Додуев переходит на работу в журнал «Минги-Тау» редактором отдела поэзии. Работал на Кабардино-Балкарском телевидении в должности редактора художественного вещания, был ответственным секретарём Союза писателей КБР. В настоящее время Аскер Тауканович является главным редактором журнала «Минги-Тау».

В литературу А. Додуев пришёл в конце 70-х годов. Его стихи появляются на страницах журналов и газет. После выхода в 1980 г. первой книги стихов «Къарда баргъан» («Идущий по снегу») он сразу привлёк к себе внимание и критики, и читателей. Этому способствовали ярко выраженный национальный характер творчества и индивидуальность поэтического мышления молодого поэта, отсутствие в его поэзии банальных перепевов, того, что было сделано до него в балкарской литературе. В эту книгу вошло всё лучшее, написанное автором за предыдущие годы. Это лирика, элегические размышления, стихи патриотического звучания. Поэзия А. Додуева отличается глубиной, искренностью, взволнованностью интонаций. Поэт философски осмысливает действительность, и это налагает особый отпечаток на его стихи.

В 1984 году выходит второй сборник его стихов «Жолда» («В пути»). Тематика стихов, вошедших в это издание, разнообразна. О чём

бы ни писал поэт, ему удаётся, никому не подражая, высказать своё понимание жизненных явлений, свой взгляд на суть вещей. Единство формы и содержания – отличительная особенность поэзии А. Додуева. У каждого поколения свои представления о счастье, жизни и любви. Автор чётко и ясно отражает в своём творчестве все устремления народа. У него собственный взгляд на происходящие процессы в жизни как страны, так и отдельных людей. Автор освещает все эти проблемы глубоко и в присущей только ему манере. Его поэтическую речь обогащают неожиданные сравнения, метафоры. Язык его произведений ярок, сочен, колоритен. Размышляя о судьбах людей, об их жизни, Додуев не даёт готовые ответы на неизбежно возникающие вопросы, а приглашает к размышлению.

В 1988 году выходит сборник Аскера Додуева на балкарском языке – «Черек», свидетельствующий о творческом росте поэта. В 1998 году увидел свет ещё один сборник стихов Додуева «Бетден бетге» («Лицом к лицу»), в который вошли стихи и поэма под одноимённым названием. В это издание поэт включил всё лучшее, написанное им за последние годы. Эта книга – свидетельство творческой зрелости автора, ею он ещё раз доказал, что – поэт интересного, неординарного дарования. В книге автор размышляет о своей жизни, о судьбах своей страны и современников.

Любовь к родной земле, к природе занимает большое место в лирике Аскера Додуева. Человек и природа, их взаимоотношения волнуют поэта, он относится к природе как к чему-то живому. И, как у всякого поэта-лирика, многие строки посвящены у него любви, воспеванию женской красоты, её таинству.

Не менее ярко выражены в творчестве Додуева патриотические мотивы. И это не просто заклинания на заданную тему, а действительно чёткая позиция поэта-гражданина.

Конечно, в его творчестве не обойдена и трагедия незаконно депортированного балкарского народа. Он нашёл трагические слова для выражения щемящей и незабываемой боли от этого чудовищно несправедливого надругательства над своим народом. Лирико-философскую поэзию Аскера Таукановича отличают чёткость и новизна формы, взволнованность чувств, своеобразие поэтической мысли, тонкий психологизм. Безусловно, ему предстоит долгий путь в литературе, он в расцвете творческих сил, а значит, придут ещё большие удачи и свершения талантливого балкарского поэта.

*Жанна Кулиева,
кандидат филологических наук*

В «Минги-Тау» создана новая рубрика «Братский очаг», в которой выходят антологии литературы народов Северного Кавказа. Выходят обменные номера с изданиями других республик (Калмыкия, Башкортостан и др.), а также регулярные приложения к журналу. Аскер Додуев переводит на балкарский язык произведения не только российских, но и зарубежных поэтов.

В приложениях к журналу «Минги-Тау» выходили сборники стихов на карачаево-балкарском языке в переводах Додуева: Михаила Лермонтова, Сергея Есенина, Мусы Джалиля, Габдуллы Тукая и др.

Давно звучат романсы на балкарском языке на слова Лермонтова в переводах Додуева по радио и телевидению («Выхожу один я на дорогу», «Парус» и др.).

А. Т. Додуев – автор десяти поэтических сборников и более 3000 телевизионных передач и телевизионных фильмов, также он является автором проекта ТВ КБР «Венок дружбы» (начало 90-х годов прошлого века). Он печатался в центральных СМИ Москвы, Анкары, Казани, Уфы, Ташкента, Баку, Бишкека, Алматы, Софии, Владикавказа, Махачкалы, Назрани, Грозного, Элисты и др.

Удостоен почетных званий «Народный поэт КЧР», (2006 г. Черкесск), «Человек науки, культуры, искусства тюркского мира (2014 г. Эскишехир, Турция), Почетный академик АМАН (Адыгская Международная академия наук, 2016 г. Нальчик).

Награжден высшей наградой КБР (Почетной грамотой Главы КБР), грамотами Правительства КБР, Парламента КБР, СЖ РФ и др.

Лауреат премий Союза журналистов КБР (2004, 2005 г.), Правительства КБР (1998 г.), Четвёртого Международного литературно-музыкального фестиваля Дружбы народов «Белые журавли России» (Москва, 2014 г.).

Избирался депутатом Парламента КБР IV созыва (2009-2014 г.).

НЕ ВИЖУ ДОРОГИ

1

Мне теперь без труда не дается полет,
Потому не завидуй, когда я летаю...
Пусть голодный шакал стороною пройдет,
Пусть минует тебя страхов серая стая.

От того, что устали, отстали друзья
Я не стану добычей лесного зверья.

Все до точки забудь, помни только одно:
Не указ мне холодный, расчетливый разум.
Если полночь поманит однажды на дно,
Я уйду, как солдат, повинуясь приказу,

Ведь заря далека, даль мутна и темна,
И мерцает вдали лишь надежда одна.

Я по горной тропе слишком быстро шагал,
Так бывает, когда не в ладу сам с собою,
И теперь я в теснине один между скал,
Полоненный своею забытой мечтою.

Обойти меня просто, но ты не спеши,
Впереди ни пути, ни огня, ни души.

Кто из нас не гордится своею тоской,
Словно путь к небесам нам с рожденья заказан?
Каждый сам по себе и на ухо тугой,
От того и Всевышний к нам глух до намаза.

Дольше всех оставалась со мною печаль,
И ушла навсегда, но ее мне не жаль.

Моя свежая рана мешает идти,
Моя старая рана поныне опасна,
И в слепую полночь несется «Прости!».
Но, сказав это вслух, я слабею и гасну.

Горький хлеб я от жизни привык получать.
Чем он горше, тем слаще любить и прощать.

2

Я летаю не так уж высоко,
Поднебесье мне не по плечу.
Но врагам не достанусь, как сокол...
И друзьям ближе быть не хочу.

Просыпаюсь по смутному зову,
Поднимаюсь в глухой тишине.
И дорогу ищу свою снова,
Но дорога не видится мне.

Не умел я расчетливо думать,
Просто шёл за мечтой напролом.
Сквозь туманный и призрачный сумрак
Унося её в сердце своём.

Путь в ночи не усыпан цветами.
И мы сами себе палачи.
Мы идём за своими мечтами
И теряемся в чёрной ночи.

Грусть и радость ко мне равнодушны.
Что-то главное я потерял.
Потому даже хлеб мой насущный
И с молитвой нерадостным стал.

Перевел А. Пряжников

ЧЕРЕД

Я утомлённый сел на камень,
Застыл в молчании святом,
Почувствовав родство с цветами,
Травой, дорогой. Но потом
Услышал странный спор с тревогой –
Меж камнем, лесом и дорогой.

За непонятым этим спором
Мне странно было наблюдать,
Но силы не было вставать.
Следя за тайным разговором,
Я только голос камня слышал,
Как будто это голос свыше...

Я понял мудрость мироздания,
Есть в этом мире свой черёд.
Он не зависит от желанья.
Пусть хоть миг, хоть век пройдет...
Сегодня я сижу на камне,
А завтра всё наоборот.

Перевела Г. Гагарина

КАМЕНЬ И ТРАВА

Упал на землю камень со скалы,
Как срубленная кем-то голова.
Теперь в лощине острые углы
Ему ласкает нежная трава.

Трава не знает, кем тот камень был,
Как проводил бесчисленные дни,
И почему лежит теперь без сил,
Без цели, и без каменной родни.

А прежде ледяному ветру брат
И проливным дождям был камень тот,
Поверил, что стал легче во сто крат,
И ринулся в единственный полет.

Он падал вниз, но прежде, чем затих,
Не ведая о том, кто впереди,
Своих не замечая, и чужих,
Всех разметал без счета на пути.

Но здесь, в лощине знать не суждено,
Какой дорогой к ним пришел сосед,

С кем он боролся, с кем был заодно,
И осуждать его – причины нет...

Трава ласкает камня своего,
Траве о прошлом думать нет нужды,
Так с тем, о ком не знаем ничего
У нас не будет никакой вражды.

Перевел А. Пряжников

Не пугай меня адом и болью –
Путь туда я нашел среди скал.
Кто по воле, а кто – против воли,
Всяк из нас в тех краях побывал.

Жили б чище мы, кабы не знали
Про клокочущий ад ничего,
А теперь по нужде ли, со зла ли
Мы творим друг для друга его.

Но жалеет душа неустанно...
Плачь при свете, не дуй на свечу.
Мне откройся – открытую рану
Я быстрее и верней излечу.

Перевел А. Пряжников

ВОЛНА

Кто хочет плыть, тот к праотцам вернется:
Добраться до земли не хватит сил.
Вода со всех сторон, а сверху солнце,
И наш корабль в безветрии застыл.

Кто молится, кто молча строит планы,
Советчиков вокруг – хоть пруд пруди.
На ухо шепчут горе-капитану:
Мы сдюжим, дай лишь голоду прийти.

Что б ни случилось, знает только небо,
Бессмысленным советам – грош цена.
Путь к берегу, откуда б ветер ни был,
Сама отыщет мудрая волна.

Перевел А. Пряжников

ВЕЧЕРОМ

З. Забакову

Однажды горизонт пылал закатом,
А я и не заметил на пути:
Так исчезала молодость куда-то,
Чтоб даже ночью в сон мой не прийти.

Но только сон порой бывает вещей,
А ночь бывает явственнее дня,
И я молчу вблизи красивых женщин –
Их чувствам больше не согреть меня.

В их твердом «нет» – величие покоя,
В их «да» – росток моей постыдной лжи...
Но стоит ли о кудрях нам с тобою,
Как о годах, утраченных тужить?

Не жаль волос – предателей отныне,
Не жаль того, что исцелит вино,
Арбы, когда-то сломанной в долине,
Дождей, упавших озеру на дно.

Не жалко понапрасну время тратить,
Ведь горизонт – не означает край,
И он всегда пылает на закате
Светлее чем заря, ты это знай.

Перевел А. Пряжников

Оделся перевал
В снега и хрупкий лед.
Над гибельной тропой
Свирепствует Борей.
Мой друг, посторонись.
Дай мне пройти вперед.
Я не могу глядеть
На слезы матерей.

Перевел Д. Толстоба

КОРШУН

У вершины, закованной льдом,
Коршун чертит по небу круги,
Здесь его родовое гнездо,
Здесь его не достанут враги.

Солнце – путник, бредущий пешком,
Лишь для тех, кто живет на земле,
А для коршуна в небе живом
Солнце – всадник, сидящий в седле.

Только голода в царстве снегов
Даже коршуну не одолеть,
И тогда завлекает его
Дно ущелья, где падаль и смерть.

Пропасть ныне ему выше гор,
Краше светом залитых громад,
И милей, чем небесный простор
Мертвой плоти назойливый смрад.

Ныне коршун утробой пленен,
И, отвергнув небесную высь,
За добычею легкою он
Как подстреленный падает вниз.

Целый мир перед нами открыт,
Правда, есть упущенье одно:
Тех, чей разум утроба пленит
Ожидает паденье и дно.

Перевел А. Пряжников

ГРАД

Испаряется ручей,
Знать, его весенний зной
Жгучей ласкою лучей
К солнцу манит за собой.

Только холод на пути
Превращает воду в лед,
И ручей к земле летит,
И по саду градом бьет.

Ну а сад раскрыл цветы
В этом мире в первый раз.
Так легко и я, и ты
Раним тех, кто любит нас.

А потом бывает жаль,
Но иными нам не стать:
Посмотри, моя душа
Тянется к тебе опять.

Чем я ближе, тем сильнее
Лютый холод глаз твоих,
И печаль на самом дне
Тихо затаилась в них.

Град растаял на траве,
Пар исходит от земли,
Мы даем тепло и свет
Тем, кто кроется вдали.

Если сбудутся мечты,
Не во сне, а наяву,
Чьи наивные цветы
Вешним градом я сорву?

Перевел А. Пряжников

ИВА

Сметая растаявшим льдом берега,
От века течет по ущелью река,
И корни ломает весной на куски
Той иве, что жизнь провела у реки,

Но иву доверчивой создал Творец,
Неведом ей скорый и близкий конец,
Не верит она, что живая волна,
Вспоившая с детства, быть может страшна.

Но речка давно превратилась с тех пор
В безумный поток с растревоженных гор.
Вода позабыла, кто враг ей, кто друг.
Крушит и смывает теперь все вокруг.

Конечно же, ты поняла по глазам,
Что старое дерево – это я сам.
Как ива на голых камнях я один,
И век мой во власти растаявших льдин.

В реке мои корни однажды срослись,
В реке отражается вся моя жизнь
Здесь я получил в свой положенный срок,
Наверное, самый жестокий урок:

Нам крылья ломает на взлете лишь тот,
Кто сам эти крылья однажды дает.

Перевел А. Пряжников

СПРАВЕДЛИВОСТЬ

В судный день, когда глыбы покатаются с гор,
Не пеняй на людей, не противься судьбе,
Должен стать для себя ты опорой опор,
Потому что никто не поможет тебе.

Ветер северный ливень с собой принесет.
Есть примета у нас, а приметы не лгут,
Он, как глупость твоя, что стоит у ворот,
И откроет их настезь навстречу врагу.

Друга друг предаёт, наше время кляня,
Но мы бросили вызов недобрым летам.
Ты взлетала, крылами касаясь меня,
И негодная ложь не перечила нам.

Сколько б в марте не шел затяжной снегопад, –
Он не выбелит русло проворной реки.
В ней сама справедливость бежит наугад,
И волнами смывает дела и грехи.

Дай Аллах, пусть друзья мои будут всегда,
Пусть мой дом для гостей будет вечно открыт:
Если даже на миг застоится вода,
Тут же морем бескрайним себя возомнит.

Перевел А. Пряжников

РЕКА

Седая речка крутит жернова.
Кипит, бурлит вода ее живая,
Волной врываясь в память, размывая
Виденья, лица, образы, слова.

Два берега. Тут – счастье, там – беда.
Стремлюсь меж ними к чистому истоку,

Но нету сил противиться потоку, –
Он все быстрее несет меня туда,

Где в мутной пене тонут берега,
Где нет уже ни радости, ни горя,
Где вал за валом вольно катит море
И не видать ни друга, ни врага...

Перевел Д. Толстоба

ВОДА И ЛЕД

Высыхает вода, уходя в небеса,
Чтобы воздухом стать, разве это ли смерть?!
А потом поутру выпадает роса,
И ручьи продолжают смеяться и петь.

Лед растаял весной, может быть, навсегда?!
Он под слезы сосулук ушел, но потом
Наступила зима, и пришли холода,
И вода снова стала сияющим льдом...

Перевел А. Пряжников

ДРУГУ – ПОЭТУ

Забывая ли ищу, иль в пути умираю от жажды, –
Друг мой, книгу твою раскрываю с любовью тайком.
Строк тончайшим вином я бывал опьянен не однажды,
Утолен был не раз откровений твоих родником.

Друг мой, солнце взойдет и без нас – так ведется в природе.
Но в напевах твоих животворный пылает огонь.
Не печалься, что пешком идешь, ибо там, где ты ходишь,
Там – на тропах крутых – лишь помеха для путника конь.

Перевел Д. Толстоба

Поэт, прозаик, член Союза журналистов РА, Союза писателей СССР и Союза писателей Абхазии, лауреат государственных премий имени Дмитрия Гулиа и Таифа Аджба, заслуженный деятель культуры, главный редактор литературно-художественного и общественно-политического журнала «Алашара». Автор около двух десятков сборников стихов, рассказов и повестей. Пишет на абхазском языке.

АНУАА-РХУ

Рассказ

Вначале до нас дошел шум, подобный тому, что издает, падая, большое дерево, которое вырвали с корнем... Может, это росшая рядом огромная старая груша упала? Все мы, сидевшие в плетеной из рододендрона амацурте – кухне во дворе, вскочили с мест. Кто-то инстинктивно спрятался под стол, а кто-то даже кинулся в сажистую утробу камина. Мой старший брат Беслан первым выскочил наружу. Он всегда и всюду должен был оказаться в гуще событий, крутился как веретено. Таков был его характер, да пребудет моя душа под его светлой душой...

– Танки, танки! – вскрикнул он, заскочив в амацурту, и кинулся на второй этаж дома.

– Чьи танки, нан, откуда они спозаранку? – спросила мать, побледнев. Эти танки, как внезапно выползшая из норы громадная змея, ползли по трассе. Взгляд не мог вместить в себя их число от начала и до конца. Брат с автоматом в руках сбежал с лестницы. Он не хотел нас пугать, но по тому, как суетился, было видно, что еле себя сдерживает. Потом, взяв себя в руки, повернулся к отцу:

– Видишь, что творится. Собери всех домашних и вези в Джгярдю. А мы, молодежь, мигом соберемся и решим проблему. И не будьте мне дальше обузой! – сказал он твердо, тем самым давая всем понять – ему не до нас.

– Ладно, дад, как скажешь... – отец произнес эти слова так обыденно, как будто заранее знал о том, что все это должно было произойти, и был к такому давно готов. – Дети, женщины и старики должны уйти в горы, негоже нам путаться под ногами тех, кто с оружием встанет...

Беслан, обводя всех нас взглядом, остановился на мне:

– Если ты заартачишься, то я... – и, не договорив, показал мне ку-

лак. Он знал, что мне трудно будет оставить дом. Видимо, по моему лицу можно было это все прочесть. – Не артачься! Выводи всех, Маргяпал!

Секунда – и Беслан уже был за воротами, обогрев меня на прощание как кнутом моим детским именем Маргапал – строптивая.

– Пропали мы, чтоб им света не видать! – мать рыдала, закрыв лицо передником.

Танкам не было конца и края. Они все шли и шли в направлении Сухума.

«Надо в Ануаа-рху подняться. Оттуда дорога как на ладони видна. Надо сосчитать, сколько танков идет» – подумала я.

Бегом кинулась к косогору. С высоты холма, который в Тамыше называют так же, как и поселок, названный в честь живущих там семей по фамилии Ануа, я бы все увидела – сколько танков, машин, людей...

Мы не знали еще, что сгорит пол-Абхазии, что сгорит и наш дом, что сгорят наши души после потери в этой мясорубке моего брата... Видать, такова была наша судьба...

...Задыхаясь, я добралась до самой высокой точки Ануаа-рху. Чтоб не упасть, обхватила руками огромное грабовое дерево, которое, по нашим верованиям, защищает от молнии. Показалось, что дерево, поняв мое состояние, утешая, своими «ручищами»-ветвями погладило меня по голове.

Насчитала с десяток танков, за ними шли большегрузные машины, затем шесть бронетранспортеров, опять танки... еще танки и машины, на которых ехали орудия, в названиях которых я не разбиралась. Всего насчитала около семидесяти штук. «Если все они дойдут до Сухума, то в кашу его превратят», – подумала я. Но потом, отгоняя от себя такие мысли, злясь на себя, что такое вообще могло на ум прийти, подумала: «Наши ребята не дадут вам до Сухума дойти. Не дадут... Если будет чем вас отогнать...»

Шум танков, как затихающие раскаты грома, все дальше и дальше уходил на запад. Через какое-то время дорога мне показалась прежней, если не обращать внимания на то, что местами асфальт был поврежден гусеницами танков. «Бедная ты, наша дорога, – пожалела я ее, как одушевленную, – было бы в твоей власти, всех их бы здесь закопала, ради нас, ради тех, кого любишь. Наверняка виноватой себя чувствуешь за то, что разрешила им проехать по тебе?.. Наверняка стыдно тебе смотреть нам в глаза?..».

Дома меня уже ждали мои, собрав наспех кое-какие пожитки.

– И что? Целая армия? – едва слышно спросила мать. Было видно, что она уже выплакала все слезы и даже громко говорить у нее не осталось сил..

– Как пришли, так и уйдут! – твердо сказала я, чтобы младшие сестры не падали духом. – Не так давно они здесь побывали. Помните, как

зимой дошли до Псоу и выпили воды из реки. Но, видать, она им впрок не пошла, решили вернуться.

Через некоторое время, как когда-то махаджиры, мы, несколько семей, живших рядом с трассой, собрав пожитки, уходили из родных домов к родственникам в предгорных селах.

... Дней через десять мы с матерью решили пойти домой, посмотреть, что там. Многие так делали. Ушедшие впопыхах люди старались хоть какую-нибудь одежду, обувь забрать. Да и грузины в самом начале не так зверствовали. Мы это задумали больше всего для того, чтобы увидеть Беслана или кого-нибудь из его группы. Они обитали недалеко от нашего дома, в лесу. Время от времени совершали вылазки, уничтожая живую силу противника и его технику. Многим удалось подобным образом вооружиться.

Вначале мать категорически была против того, чтоб я с ней пошла:

– Ты пока маленькая, не могу рисковать... Все может случиться. Не дай бог им в руки попасться.

– Не бойся, если даже что-то не так пойдет, скажу, что я только в восьмом классе учусь и мне нет дела ни до каких войн.

– Откуда знаешь, кто может нам на пути попасться... Эти иоселианиевские сваны, как лесные медведи, никого не жалеют...

– Не переживай, – повторила я опять, как будто была разумнее ее. Я надеялась на то, что к нам ни у кого претензий не должно быть. Мы всего лишь проведать дом идем.

Долгое время мать не соглашалась, но я все-таки сумела ее уговорить. Если встретим Беслана и его друзей, если осталась кое-какая живность в доме, покормим их по-людски, сказала я ей. Отец сильно переживал и не одобрял нашу затею...

– Боже, на тебя уповаем! Пощади нас! Сделай, чтобы мы встретили Беслана, просим тебя! – молилась мать всю дорогу.

Мы дошли до Тамыша часа через четыре. Уже смеркалось. То тут, то там слышались выстрелы. Шеварнадзевское воинство в основном было занято тем, что грабило дома и квартиры в Сухуме. Им было не до нас. Только тогда, когда наши налетали на них, как коршуны, командиры силком привозили гвардейцев сюда. Но они по большей части боялись приблизиться к селам и обстреливали их издалека.

Группа Беслана, как ветер, носилась по нашим селам. Про них говорили: то они в Маркуле, то в Кындыге, то в Тамыше. Уничтожали врагов, главным образом думая о том, чтобы завладеть их оружием.

К вечеру усилились рев коров, лай собак. Руины некоторых домов еще дымились. «Гвардюки», переночевав в одном из пустующих домов, наутро грабили его и поджигали.

Мы с матерью, боясь дышать, приблизились к нашему дому. Внимательно прислушались, но стояла тишина. Ни абхазской речи, ни грузинской не было слышно. Несмотря на темень, мы заметили, что второго

этажа дома уже нет. Он был из каштана и, видимо, сразу сгорел. Слезы градом пошли у матери. Всю свою жизнь она трудилась ради этого дома, ради этого очага. Мне самой хотелось реветь белугой, но взяла себя в руки. Испугалась, что голоса своего не сдержу.

– Перетерпим и это. Лишь бы был жив мой единственный сын, нан, Шаризан, – едва слышно подала голос мать.

– О чем ты говоришь?! Прикуси язык!

– Эх, нан, боюсь, если он видел, что с домом сотворили, мог напролом пойти.

– Не бойся, он не так глуп, напролом не пойдет.

– Раз уж пришли, заглянем в амацурту, посмотрим, что там, – голос у матери совсем ослаб. Не только голос, но и руки дрожали. . .

Затаив дыхание, мелкими шажками подошли к задней стене амацурты. Вокруг была темень, но мать привычным движением открыла дверь и, преграждая мне путь, первой зашла сама.

– Зажги коптилку, поставим в камин, чтоб через окно не было видно света.

– Если коптилка осталась, – я присела на тахту, что рядом с камином.

– Чтоб ты, Шеварднадзе, тоже так в свой дом зашел! – сказала мать, зажигая коптилку и ставя ее в чрево камина. Блеклый свет едва озарил комнату. Все было перевернуто. Постельные принадлежности были распороты чем-то острым. То тут, то там ключьями валялась вата, напоминая барашка, побывавшего в зубах у шакалов. Диван стоял в самом центре комнаты, рядом валялись стреляные гильзы.

– Бог знает, кто отсюда стрелял. То ли наши, то ли грузины. . . – глянула на меня мать. Я по лицу прочла, что она думала – это Беслан. – Если это он, то дом, в котором он вырос, стал бы для него крепостью. Здесь качалась его колыбель, здесь он сделал первые шаги.

– Он сейчас наверняка в Ануаа-рху. Они там оборону держат. Я по дороге сюда слышала пулеметные выстрелы. Говорят, что Беслан сейчас пулеметчик.

– Что из себя представляет этот пулемет, нан?

– От Ануаа-рху до трассы цель поражает. Много машин с гвардейцами были уничтожены пулеметом.

– Ануаа-рху, да благослови своих сыновей!

– Не бойся, – повторила я, – он уже привык воевать. Грузины пока, как буйволы, сообразят, что к чему, наши, как коршуны, их настигают, окружают и вмиг уничтожают!

Такое я слышала в доме, где мы нашли приют, от соседских мужчин. Теперь решила с видом знатока утешить мать.

– Да обойду я вокруг тебя, – долгим взглядом она обвела помещение.

– Может, он какую-нибудь грязную одежду тут оставил, может, простирнуть надо бы...

В это время со стороны огорода послышались какие-то голоса. Я встала и подошла к окну. У самого начала огорода под ветвистым грабом приметила двоих. Один из них негромко свистнул. В ответ послышался еще один свист, но уже со стороны ворот. Это, видать, означало «мы здесь».

– Перекликаются, – мать сжала мою руку. – Дай бог, чтобы это были наши, но если эти шакалы, то как нам быть?..

– Уже ничего не можем сделать. Если будет плохо, будем кричать. Там, в Ануаа-рху, точно услышат нас, если что...

– Ах, что мы наделали, что мы наделали... Куда я тебя притащила, чтоб света белого мне не видеть...

В это время до моих ушей дошла грузинская речь. Я поняла, что ничего хорошего нас не ждет, но побоялась сказать об этом матери. Могла закричать. Но и не сказать не могла. Если откроют дверь и она заговорит на абхазском, они могли сразу же выстрелить.

– Успокойся, могут с перепугу стрельнуть. Это они!

– Ун-нн-ан, чтоб я провалилась. Смерть свою здесь нашли. Я-то ничего, но с тобой что будет? Что же я, несчастная, наделала?.. – она так сильно сжала мою руку, что она вмиг онемела.

– Послушай, что говорят, ты же немного грузинский понимаешь.

Она приложила ухо к двери и стала внимательно слушать, потом приблизившись к моему лицу, зашептала: «Двое подошли со стороны ворот, но они ждут еще двоих, те должны подойти с задней стороны амацурты».

В эту же минуту опять повторился тот же свист.

– Пришли... – сказала я, глядя матери в лицо. Она опять прильнула к двери.

Раздался скрежет, кто-то передернул затвор автомата. За ним еще один... Они наготове, с трех сторон подходили к амацурте. Не прошло и минуты, как кто-то из них прикладом ударил по двери, распахнув ее настежь.

– Пастушье отродье, есть тут кто-то?! – задал один из них вопрос. ... Позже мать мне пересказала все, о чем они говорили.

– Да, нан, я с ребенком пришла, кое-какую одежду хотели забрать. Не стреляйте, нан, не стреляйте!

– Если так боитесь, что вы в лес подались? Выйдите и сдайтесь нам! Все люди к цивилизации пришли, а вы обратно в леса подались!

Поняв, что опасности нет, трое заскочили внутрь. Включив фонарики, обвели нас глазами. Коптилку нашу тоже на стол поставили. Все трое были заросшими, как дикобразы. С ног до головы были увешаны оружием. Двое все еще не опускали направленных на нас автоматов. Третий подошел поближе.

– Притворяетесь, как будто еду, одежду ищете. Потом возвращаетесь

и докладываете своим, что тут видели – о технике, сколько здесь солдат. А они ночью нагрянут! Но великие воины Джабы Иоселиани знают, как с вами надо поступать!

Сказав эти слова, он сорвал с матери шаль и глянул ей в лицо.

– Ваши все, что угодно, себе позволяют. Могут и в женской одежде заявиться. Да и ты, женщина, будь у тебя оружие в руках, пристрелила бы нас, не мешкая. Когда вы не понимаете или не хотите понять мудрых слов нашего Иоселиани, автоматом надо дать, да так, чтобы вы их проглотили, или чтобы они застряли в ваших мозгах навечно!

Сказав это, он с размаху ударил ее прикладом по спине. Мать рухнула, как мешок, наземь. Я с криком кинулась к ней. Он опять размахнулся, и я с силой сжала веки, чтобы не видеть удара... Но удара не последовало.

– Если цыплята подросли и от матери отделились, то с ним надо иначе поступать. Ты тоже оружие ищешь?! Или где наши позиции выведать хочешь? Потом пойдешь и своим дикарям, наверное, и расскажешь. Чтобы они козлиным пометом со своих охотничьих ружей по нам стреляли. Как жаль, что ты еще дитя. Была бы постарше, мы смогли бы с тобой такое проделать, что ты навек бы нас запомнила...

Я навзрыд плакала, наклонившись к матери. Она так вцепилась в мои ноги, что никакая сила не смогла бы отодрать меня от нее.

– Делайте со мной что хотите, только ребенка не трогайте, – позабыв про себя и про свою боль, молила она их.

– Ты нам еще нужна! – обратился к ней ударивший ее гвардеец. – Там в курятнике кур заперли. Они, в отличие от вас, дома остались. Зарежьте их и приготовьте нам ужин. Сварите мамалыгу. Все твои закрома мы уже обыскали. Видать, ты неплохой хозяйкой была. Много чего предназначенного гостям нам досталось.

– Если б не это, то здесь ты больше не задержалась бы. К праотцам отправили бы, – глухо засмеялся долговязый бородач, размахивая автоматом перед носом матери. – Может, деньги и кое-какое золотишко перед уходом спрятала? Но об этом после хорошего ужина поговорим. Как десерт. Не только животы нам надо набить, но и карманы...

Бедная моя мама встала с моей помощью. Из курятника мы вытащили кур, зарезали их, почистили. В камине разожгли огонь. Сели по обе его стороны, медленно поворачивая над углями вертел с курами... Трое охраняли дом, трое сидели за столом. Водку пили, как чистейшую воду из родника. Бесперывно чему-то смеялись. Все время Шеварднадзе и Ардзынба упоминали. Упоминали и Иоселиани, но тогда не смеялись. Осторожничали, как идущие по минному полю, – видимо, боялись, что даже здесь, в тишине, кто-то их услышит. Может, друг друга тоже боялись. Мало ли что...

Когда еда была приготовлена, мы накрыли стол. Они позвали еще двоих с улицы, а одного оставили в охране.

– Не бойтесь, – сказал один из них, будучи в прекрасном расположении духа, – в такое время абхазы «коз доят»! Ха-ха-ха! Вы ведь понимаете, почему я при девочке сказал «коз доят»?!!

– Да, да, поняли. Пусть «доят»! Нам тоже бы здесь кое-кого «подоить»!

– Я сейчас подниму тост за всех тех патриотов, кто любит свою землю, – поднял стакан с водкой тот, кто вел себя как командир, – даст бог, совсем немного – и мы сотрем с карты Грузии название «Апсны». Шеварднадзе одним пальцем своим придавит его, как клопа. Только кровь на этом месте останется. И то, если богу будет угодно, пойдет ливень и смоем все! Ничего не останется!

– Аминь! Аминь! – довольные его словами подняли свои стаканы, громко чокаясь, остальные.

– Даже эти стаканы Мгеладзе доказывают, что здесь аборигенами являемся мы, грузины, мегрелы и лучшие из лучших – сваны. Сами стаканы здесь аборигены. Никогда не расколуются. Не только чокаются ими можно. Можно и по абхазской голове с размаху ударить, ничего с ними не будет.

– Абхазская голова и так пуста, ударишь стаканом – совсем все выветрится! С гор спустится, на море пойдет. Тогда кто все море очистит?! Ха-ха-ха!!! Смех стоял гомерический.

– Где мы раньше были? Что в Цаленджихе потеряли, вместо того чтобы на этой райской земле жить? Спасибо Шеварднадзе. Если он сейчас здесь был бы, я, не побрезговав, поцеловал бы его зад! Да, да! Зад!

– И про Иоселиани не забудь. Это он подарил Гагру сванам! И здесь неплохо, но Гагра – это особенное. Лучшие рестораны, кофейни, девушки, автомобили, дома. Грузину на этой земле раздолье. Ничего с ним не случится, если от радости не умрет.

Иногда они кидали свои взгляды в нашу сторону, но заниматься нами пока им было некогда.

«Где интересно, наши ребята? Одно хватило бы, чтоб всех их здесь положить. Ах, Беслан, Беслан! Ты, наверное, сейчас в Ануаа-рху. Тебе неизвестно, что мать с сестрой тут в руках этих нечестивцев ждут своей участи...»

– Позовите сюда Гию тоже. Нечего нас охранять. Не от кого. Нас здесь сам бог под своим крылом держит! – допив полный стакан, главарь поставил его на стол. – Пусть Гия тоже поднимет тост за грузин. За князем Кавказа! И эта земля уже навсегда будет грузинской!

Они были настолько пьяны, что Гию позвали свистом.

– И вправду, нечего и некого бояться. По-моему, после вчерашнего в живых никого не осталось, – подсаживаясь к товарищам, поставил автомат в углу тот, кого называли Гией.

«Ануаа-рху, Ануаа-рху, да обойду я вокруг тебя! Прислушайся к ночи, прислушайся к ветерку. Передай нашим ребятам, что здесь нелюди нашу пищу едят, в нашем доме сидят. Если нет другого пути, то пусть и

нас не пощадят. Пусть вместе с нами сожгут этот дом. Самое главное, чтобы они отсюда живыми не ушли...»

– Да здравствует наша славная Грузия! Да здравствует наш славный Иоселиани! Если бы не он со своими сванами, грузины дальше Гали не пошли бы. Наша кровь всегда была особенной! Героической! Еще не родился тот, кто как мы управляет с оружием!

– Если бы эти несчастные абхазы не встали против нас, если бы не вытащили бы свои доисторические ружья – палки-копалки, если бы сказали «и вам, и нам хватит этой земли», если бы не стали размахивать попугайским флагом...

– Кто сказал, что они несчастные? Разве не слышали, что вчера сдělали с автобусом из Цаленджихи? На Тамышском мосту скинули в реку. Все оружие забрали.

– Посмотрим, что они сделают с пятью автоматами. На их автоматный выстрел мы ответим танковым выстрелом!

«Ах, ребята, как вы сейчас нужны! Как удобно одним махом их тут прикончить... Ануаа-рху, если у тебя есть какое-то сверхъестественное начало, то примени его. Скажи нашим воинам, что удобнее случая не будет. Скажи им, что в нашей маленькой апацхе свили гнездо шершни. Надо их здесь же сжечь!..»

– Мы не правы! – один из пришельцев оглядел товарищей, – мы тут едим, пьем, а эти две кошки со слюной во рту за нами наблюдают. Хоть кость какую-нибудь им бросьте!

«Пусть последим куском эта кость тебе будет. Слышали бы наши братья, показали бы тебе, кто тут кошка...».

– Не достойны они курятины. Побросали своих кур голодными, если б не мы – пропали бы. Вот водкой угостить можно. Может, расслабятся и расскажут нам кое-что интересное.

– Мы не пьем, нан. У меня головные боли, она еще мала... .

– Тут вы не правы, – сказал тот, кто помоложе, с глазами бешеного вола. – Если хочешь напоить эту женщину водкой, то зачем ей ее же чачу предлагаешь? Все, что имеют абхазы, – для нас, грузин. Что еда, что выпивка, что земля. Бывало, приходилось, насилу это у них отбирали, но думаю, уже так не будет никогда... Эта женщина нам свою хлеб-соль показала, и мы ей свою покажем. Если даже не такую, как водка второй перегонки, но свою... .

– Как же ты прав! – обрадовался рядом сидящий. – Только чья будет крепче? Своя-то должна быть такой крепости, что и у птички голову сне-сет.

– О чем они? Хотят нас напоить? – я прильнула к матери.

– Успокойся. Я сделаю все, что велят. Главное, чтобы с тобой все было нормально... .

– О чем говорят?.. Убить нас хотят?

– Пока решают.

Я знала, что хорошего от них не стоит ждать, но такое...

– Гия! – крикнул все тот же парень, – принеси мне мгеладзевский стакан!

– Мигом! – вскочил тот. – Мне прополоскать?!

– Я сам. Только если она до дна не выпьет мою «водку», то на глазах ее котенка придушу! – С трудом поднявшись на ноги и, повернувшись к стенке, наполнил стакан тем, что он называл «моя водка»...

Меня как будто током ударило. Зарывшись головой в колени матери, разревелась.

– Твоя водка нам по душе. Теперь ты нашу должна попробовать. Подними тост за все, что хочешь. Имеешь право выбора. Только стакан должен опустошить. Водка сванская. Чиста как слеза...

Один из сидящих направил на меня дуло автомата, но другой, отодвинув его, вытащил нож со сверкающим лезвием.

– Если в течение трех минут ты не выпьешь, вместо этого кровь своей пигалицы попробуешь. Сама выбирай, что тебе будет во благо!

– Пусть лучше убьют, но не смей! – застонала я.

Она, вырвавшись из моих рук, схватила стакан.

– Всевышний, покарай тех, кто меня, женщину, мать, заставил испытать такое! Ели ты есть на свете, то громом и молнией разорви их здесь же!.. – выпалила она на абхазском и, выпив содержимое стакана, кинула его в огонь.

Думаю, их гомерический хохот достал все уголки села, с таким удовольствием они это восприняли.

– Теперь вы свободны, – подошел поближе к нам молодой парень, – только там, куда вы придете, расскажите всем, что каждого, кто придет к нам, мы будем поить такой «водкой», или же вниз головой в землю зароем. На выбор. Тебя мы ради этого крысенка пожалели. Пошла по «легкой статье». Сваны всегда хлебосольны. Да будет тебе это в угоду! – с силой распахнул дверь, давая нам выйти наружу.

Я рывком потянула мать, и мы выбежали из амацурты в темноту ночь. Пробежав по огороду наискосок, начали подниматься вверх. Мать, прижав меня крепче к груди, прошептала: «Сердце подсказывает – наши ребята за все отомстят... Отомстят...»

...Мы обо всем рассказали нашим, которых встретили по дороге. Когда добрались до верха холма, нашему взору предстало то, что оставили позади. Наша амацурта светилась тысячами огней среди ночи – так она горела.

– Попали, попали!!! – до меня донесся знакомый голос.

– Это Беслан, Беслан! – мать с силой сжала мои пальцы, – если бы тебя эти шакалы сожрали, то куда мне было деться?!

...Позже мы узнали, что это действительно Беслан из гранатомета

спалил нашу амацурту. Он не разрешил своим бойцам окружить «иоселиановских воинов-героев», побоявшись, что будут жертвы с нашей стороны. Сказал: «Закончится война. Построим еще лучшую. Нынче наш дом – это Ануаа-рху». Сам и произвел тот единственный выстрел.

Спустя всего лишь месяц он погиб, защищая свой «новый дом – Ануаа-рху». Мой единственный брат... С того места, где он похоронен, видна сопка Ануаа-рху, израненная «Градами», минометами, пулеметами, всеми видами оружия. Весной эти раны затягиваются зеленью, травой. Кажется, что здесь никогда никакой беды не было. Сколько раз переходила она из рук в руки! Сколько раз прекрасное местечко Ануаа-рху становилось настоящим адом для завоевателей. Сколько раз наши мальчики пролили здесь свою кровь ради свободы. Когда они отвоевывали его у врага, то радости было столько, как будто всю Абхазию отвоевали!..

У всех у нас, у матерей, сестер, отцов есть своя боль. Мы стараемся ее унять и не показать, но не получается. Сколько боли у Ануаа-рху! Вершина холма, тоже старается, укрывшись весенней зеленью, спрятать свою боль. Старается выглядеть красивой, как первоклассница в белоснежных бантах. Все ждет, когда же возьмут ее за руки и поведут туда, где нет боли и слез...

РОДИНА – ОДНА...

Никогда не забуду, Алхас, как ты вскочил после этой зловещей вестии, как будто тебя окатили кипятком. Это когда друг твой Дима сообщил, что грузинские войска вошли в Сухум на танках. Меня тоже будто опалило огнем. Ты это заметил. Сказал мне всего несколько слов, но с таким нажимом: «Уезжай как можно скорее!» Я даже не спросила, с кем ты, куда. Сразу догадалась, что вместе с друзьями пойдешь туда, где стоит Абхазская гвардия, что будешь искать оружие. «За меня не беспокойся!» – сказала я твердо, боясь, что моя суетливость может тебя задержать. Ты вылетел из дому, как стрела... Следом за тобой, собрав попавшие под руку вещи, и я выбежала на улицу. Соседи будто ждали моего появления – разом высунулись из окон. Большинство из них были грузинами. Позже мы узнали, что многие были в курсе грядущих дел, но молчали, а потом встречали госсоветовские танки с цветами и радостными криками. Но нам-то откуда было это тогда знать? С самого начала, с того времени, как мы поженились, они делали вид, что безумно нам рады. И твоя, и моя родня были в восхищении оттого, что у нас такие хорошие соседи. Не знали они, что эти улыбки были показушными, а души этих соседей – черными от ненависти.

... Ушел ты, ушла и я, оставив наш любимый дом, нашу квартирку.

Слезы душили, потому что эту квартиру ты получил от работы, спустя месяцев пять после нашей женитьбы. Она была однокомнатной, но своей. Это был наш очаг. С каким трудом квартира тебе досталась! Была мала, но мы говорили, что пока нам и такой хватит.

...Из города я выехала с подругой. В Гудауте была среди своих, но на сердце не было ни минуты покоя. Моя мать все время говорила, что мое беспокойство вредно малышу в утробе больше, чем мне самой. ...Почему богу было угодно оставить его без отца, почему не тебе его пришлось воспитывать?..

Почему?.. Почему тебе и твоим друзьям ценой собственных жизней пришлось искупать вину тех, кто тогда стремглав удрал от опасности? А когда война вошла в свою завершающую стадию, когда стало ясно и понятно, они начали присылать в качестве гуманитарной помощи муку, сахар и кое-какие копейки, таким образом, открывая себе путь домой.

...Дней пятнадцать после грузинского вторжения я о тебе ничего не знала. На шестнадцатый день нам сказали, что ты находишься в Нижней Эшере, сидишь в окопах. И что несколько раз переходил на ту сторону Гумисты – как ты говорил, «давал покой сердцу». Но разве несколько походов в стан врага тебя могли успокоить, когда долгожданный дом твой и любимый город твой были осквернены, когда ко всему, что ты любил, прикасались руки чужаков.

Большим беспокойством для тебя и твоих друзей было то, что у вас не было достаточно оружия. Даже то, что вас было немного, вас не так тревожило, как отсутствие оружия. Сколько раз с грустью вспоминали о том, что оружия вам было обещано в достатке. Однако...

Однажды, когда казалось, что ночь никогда не закончится, ты пришел домой с друзьями. «Можете побыстрее сварить нам мамалыгу?» – отозвав меня и сестру, спросил ты шепотом, так чтобы твой голос не услышали старшие.

«Мигом», – сказала сестра и выбежала.

Ты и твои друзья ели поспешно. Зная, почему вы так торопитесь, мы быстро собрали вам в дорогу кое-какую снедь. У дверей ты так поглядел на меня, что поняла: хочешь что-то сказать. Вышла за тобой во двор. Если бы за те шесть месяцев, что я с тобой прожила, не привыкла к твоим интонациям, то не смогла бы расслышать шепот, которым ты говорил: «Старайся не переживать, это ЕМУ мешает!..». Чтобы подбодрить тебя, я улыбнулась. На самом деле мне хотелось расплакаться. Но вытерпела, пока ты не вышел за ворота. Хотела сказать, что твой наследник вот-вот появится на свет, но сдержалась.

«Должен быть сын!» – улыбнулся мне ты, быстрым шагом уходя от меня. Я, почувствовав, что ты сказал не все, что хотел, догнала тебя. – Придумай ему хорошее имя!»

Меня как будто ошпарили кипятком. Видать какое-то чувство хотело

что-то подсказать мне. Потом взяла себя в руки и шепотом, так чтобы твои друзья не услышали, сказала: «Зачем это я должна ему имя давать? Вместе имя придумаем!» Ты смотрел на меня, как будто не ты эти слова только что сказал, а кто-то иной, но твоими устами. Потом, видать, до тебя дошло, что надо ответить на мои слова, вымолвил с трудом: «Это тебе решать. Время покажет, время покажет...» Зачем ты это сказал, да и повторил два раза. Почему не приходило тебе на ум какое-либо имя?.. Целый день я думала тогда об этом, да и после всего что случилось, после войны тоже эта мысль не покидала меня. Может, ты нутром чувствовал, что погибнешь, может, хотел чтобы сына твоего твоим же именем назвали... Может, ты хотел, чтобы каждый раз, произнеся это имя, мы тебя вспоминали... Может быть... Кто знал, что ты настолько наперед думал.

Помнится, как тогда наша соседка, провожая тебя, вместе с нами сказала: «У матери с отцом ты один, нан, тебя никто не упрекнет, если ты останешься дома...» Ты, услышав эти слова, обернулся как стрелой сраженный. Возможно, если эти слова тебе мужчина сказал, ты бы ответил, но женщине, да еще родне жены, только так ответил: «Ди, я один, но и родина одна!» Эти слова меня вначале расстроили, но потом такая гордость в душе проснулась. Потому что там было немало и остальных соседей, особенно женщин было много. Знала – они мигом по всей деревне эти слова разнесут. Да и потом, ты был с очамчирской стороны. Только раз в месяц заезжал к нам. Остальное время на передовой пропадал. Принимал участие во всех операциях. Они и об этом знали. Знали, когда наши пойдут в наступление, сколько их будет, да какая техника должна быть задействована. Иногда говорили: «Если не будет выхода, пускай весь Сухум сожгут». Но вспомнив, что и я тут сижу, сразу поправлялись. «Со стороны вашего дома грузины не стреляют, значит и в ответ ничего туда не попадет», – говорили. «Там наши соседи – хуже осинового гнезда», – отвечала я со злостью, хотя квартиру, жизнь в которой мы не успели насладиться, было очень жаль. Но ее потерю я бы пережила, только чтоб духа этих соседей больше не было. «Вы знаете, что они говорили друг другу, когда я уезжала? “Обратно в свои горы вернутся, там им и место!”».

«Уннан! Чтоб им всем подохнуть! – вскричала одна из соседок. – Когда твой отец в Сухуме занимал высокие посты, ходил как хозяин города, где они сами были? Думаю, в Зугдиди где-то, или лопату держали, или тяпкой махали!» – «Да, да, эти недавно сюда приползли!» – «Много вины и на наших лежит. Деньгами многих купили. Все лучшие земли им достались!»

«Это все временно, – сказала та соседка, которая знала все мыслимые и немыслимые стратегические планы и тайны наших военачальников, – если ветер их сюда занес, то унесет ураган, вот увидите!» – «Золотыми словами ты говоришь!» – на радостях вскочила другая, да так рьяно, что я, испугавшись, что она упадет, схватила ее за талию...

После того случая целый месяц ты не показывался. Наши соседи неделями менялись на передовой. А ты очень хотел улететь в Очамчиру, на Восточный фронт. Но все это у тебя не получалось. То вертолет улетал внезапно, то им не до тебя было – на борт брали оружие, топливо и гуманитарку. Разозлившись, ты сказал, что все равно туда попадешь, хоть через Сухум. И решил, как и многие мужчины вокруг, не брить бороду, пока любимый твой город в руках у врага...

А я вспомнила, как мы с тобой познакомились. Моя подружка работала в парикмахерской, и я к ней порой заходила. В один из дней ты с другом туда заскочил.

– Мне б с лица пушок убрать! – с хитрецей глянул ты на нас.

– Мигом обчекрыжим! – в тон ему ответила подруга.

– Но мне надо быть таким красивым, чтобы сидящей рядом с тобой девушке захотелось все про меня разузнать!

– Ты еще не успел войти, когда она тобой заинтересовалась, но я сказала, что не знаю тебя!

– Чтoб заглохла! – сказала я, краснея, – откуда ты все это берешь!

– Посмотрим, так ли это, – сказал ты, глядя на меня с улыбкой...

И вправду, после этого ты появлялся везде, где я была. Если вдруг мои подруги тебя не замечали рядом с нами, то между собой в шутку говорили: видать, сегодня его запретный день, из дому не выходит. Одним словом, все, что было дальше, казалось сном – сном красивым, сказочным. Только проклятая война вырвала нас из него.

...Приближался тот проклятый март. Как же я любила раньше этот месяц, сколько желаний всегда с ним связывала!

Накануне наступления ты с друзьями посетил нас. Как всегда, спешно проглотили предложенную еду, выпили по три рюмки чачи. Твои друзья, как и ты, тоже думали, что если оставить Эшеру хоть на день без вас, то там не справятся... Как будто там мир мог перевернуться... Боялись, что враги пойдут в наступление, или же ваши без вас войдут в город... «Если вступлю в Сухум, даже буду знать, что меня убьют, шага назад не сделаю. Будет обидно, если меня убьют до этого...»

...Погода плакала кровавыми слезами. Будто погода знала, что эти мартовские дни не наши.

...Перешли вы Гумисту. Гумисту, которая вела себя, как враг. Гумисту, которая вмиг ошетибилась против вас... Как позже рассказывали выжившие, многие из вас успели отомстить за нашу боль. Тебя ранило в бедро, но ты, притаившись за деревом, держался и стрелял. Однако еще одна пуля тебя нашла. Ты упал. Все равно стрелял. Закрыв собой отступающих. Хотел себя подорвать, чтобы с собой из этого мира забрать как можно больше врагов. Но тебя пленили. Целых два дня ты прожил после этого. Обо всем, что было позже, нам рассказал армянин, парень, который своими глазами видел все это. Ты кричал: «Ваши дни сочтены! Сожжем

вместе с Сухумом!» Они издевались над тобой. Плевали на тебя, тушили окурки на голое тело, раны посыпали солью... Потом, решив сломить ваш дух, на узкой ачадарской дороге положили в ряд до сорока убитых наших бойцов и вас напротив, чтобы испугать их участью. Среди вас были наши братья, те, кто прибыл к нам на помощь, – северокавказцы, казаки. К каждому из вас подходили и, ткнув автоматом, спрашивали: «На чьей вы земле?» Говорят, вы все как один отвечали одногипно: «Это земля абхазская! За нее мы готовы сложить головы!» Это бесило их еще больше. К тебе подошли последним. Решили, что ты истекаешь кровью и ради жизни скажешь, что эта земля грузинская. «Чья эта земля?!» – спросил тебя один из их главарей, носком сапога приподнимая твою голову. «Эта моя земля и она мне как пух. Вот для тебя она будет стекловатой», – ответил ты. Он рывком отбросил тебя. Ты, ударившись головой об асфальт, выхаркнул кровь. Один из гвардейцев хотел тут же пристрелить тебя, но ему не дали, решив, что такая смерть слишком легка. Вас всех, полуживых и мертвых, закинули в грузовую машину и повезли туда, где уже бульдозером вырыли общую могилу. Вначале туда кинули мертвых, потом вас, тех, кто еще мог им крикнуть, что они тут пришлые, что их ждет здесь ад земной. Вас, по одному, ударами прикладов сталкивали в яму и засыпали землей. И так, чтобы вы подольше мучились, – понемногу. Затем бросали опять мертвых и поверх них опять живых. Как слоенный пирог... Когда очередь дошла до тебя, спросили: «Слева Абхазия, справа – Грузия. Что ты выберешь?» – «И слева и справа – везде Абхазия. Моя родина. Это для вас она ад, а для меня она рай!» – сказал ты. И ты повторил участь остальных. Со связанными руками бросили в это месиво живых и мертвых. Говорят, ты сумел перевернуться на спину, так, чтобы оказаться лицом к небу. Заметив это, один из гвардейцев дал знак бульдозеристу, чтобы он быстрее засыпал яму землей... Они будто боялись, что ты насытишься видом неба, настолько ненавидели нас, настолько хотели отнять у нас нашу землю и наше небо... Из-под земли, говорят, такие стоны слышались, что волосы дыбом вставали... Такого зверства не видела наша земля, хоть и раньше здесь происходили большие беды... После всего разве возможно, чтобы братья и сестры этих извергов жили здесь, в твоём бесконечно любимом Сухуме, рядом с твоим домом, по соседству со мной и твоим сыном?..

...Алхас тебя знает по фотографиям. Рассматривая альбом, указывает на твои фото и говорит «папа». А ты на всех фотографиях улыбчив, как будто хочешь улыбкой своей обмануть сына, как будто позовет тебя он и ты тотчас выйдешь к нему...

...Каждое утро вместе с ним идем в садик. Каждый вечер вместе домой возвращаемся. Иногда его взгляд цепляют дети, за которыми приходят или приезжают на машинах отцы... Я, заметив этот грустный взгляд, стараюсь разговорами отвлечь его от недетских дум. Начинаю рассказы-

вать, что куплю ему машину, когда он вырастет, и что он тоже будет своих детей привозить в детсад или школу на машине, что будет с ними в село ездить. Я научилась так отвлекать его, чтобы грусть по тебе не успевала его как «ливень с головы до ног намочить»... Пока надо отвлекать... Со временем сам привыкнет. Твое отсутствие будет его сопровождать. Многого ему не хватает. Нам обоим не хватает. Но все это мы сваливаем на войну, на врагов... Мы не позарились на чужое добро. Мы с сыном живем в нашей квартирке. Там, кажется, твой дух до сих пор витает. Кажется, что и ты рядом с нами. Иногда дверь настежь открытой оставляем... Кто знает... Ты или кто-то из друзей, который бы нам о тебе поведал... То, что ты сюда больше не войдешь, мы знаем, но, видимо, Богу хочется, чтобы мы верили, ждали... Чтобы мы ждали кого-то, кто о тебе будет говорить, того, кто будет вспоминать твои слова, твои геройства... Алхас с таким вниманием слушает эти рассказы, что даже ночами потом долго ворочается в постели, или во сне начинает говорить. Сколько бы я ему разных сказок ни читала, он во сне видит только то, что о тебе рассказывают, видит только твои истории...

...Алхас... знай, что мы не ходим с опущенной головой... Мы, я и твой сын Алхас, носящий твое имя, знаем, что ты сложил голову за Родину, за Апсны... У нас есть она, сбереженная тобой... Да, твой сын – единственный у меня. И ты был единственным. Единственной была и твоя Родина. Ты защищал ее, не давая ей знать, что ты один у своих родителей. Ты оставил свой след на этой земле. Я воспитаю твоего сына так, чтобы и он стал защитником этой земли. Потому что Родина всегда одна. Алхас... Только так ты считал всегда. Алхас... Только так считаем и мы. Только так мыслим мы, те, на кого ты надеялся. Разве не видишь, что каждое утро, проходя мимо парка, где покоятся ты и твои друзья, мы гордо поднимаем головы... За твоей спиной не осталось тех, кто ходит с опущенной головой. Ты вошел в Сухум впереди нас не для того, чтобы мы жили с поникшими головами... Мы с твоим сыном это хорошо понимаем, Алхас... Это хорошо понимали и другие, кто сложил головы. Нет, ты не был единственным, и сын твой не единственный, и Родина твоя не единственная... Один-одинешенек тот, кто живет на чужбине... Если не веришь, посмотри завтра, как мы проходим мимо тебя... С поднятыми головами... Ведь ты все сделал для этого. Мы не грустим, Алхас... Сам ты увидишь, что это так... Завтра увидишь...

Перевел с абхазского Виталий Шария

Инвер Шеуджен – российский и адыгский поэт, родился 22 февраля 1970 года в г. Краснодаре. Получил высшее экономическое образование. Писать стихи начал довольно поздно – в свои сорок четыре, но уже через три года вышел в свет его первый поэтический сборник, а ещё через год адыгский поэт стал дипломантом IV Всероссийского литературного фестиваля «ЛИФФТ» в Тюмени.

Поэзия Инвера Шеуджена представлена в журналах и альманахах «Свой вариант», «ЛиФФт», «Славянская лира», «Родная Кубань», «Литературная Адыгея», «Аргамак», «Камертон», «Невский альманах», «Берега»; антологиях «World Poetry Anthology Vol 2020» (Непал) и «World Poetry Yearbook 2021» (Китай). Его стихи переведены на сербский, болгарский, немецкий, киргизский, словенский, абхазский, таджикский языки.

В ближайших творческих планах нашего автора – работа над новым сборником стихов, организация и проведение поэтических вечеров в Майкопе и Нальчике, участие в международных литературных проектах, запись новых песен на его стихи...

ВЫЙДУ В ПОЛЕ, ВРЕМЯ ЗАКАТНОЕ...

Выйду в поле, время закатное,
Ветер кудри рассыплет линиялые.
Всё, закончилась жизнь перекатная,
Я вернулся на родину малую...
Степь пылает полынью взерошенной,
Небо тучи закрыли суровые.
Я по миру бродил, гость непрощенный,
В уголки забредая бедовые.
Рвутся с повода кони ретивые,
Эх, пустить бы их вскачь, позабавиться.
Чуть поодаль, стоит белогривая,
Как невеста, береза-красавица.
Даже дышится здесь мне особенно,
Все тропинки до боли исхожены.
Дом отцовский, кустами смородина,

И погосты родные ухожены,
Но не мною, простите, не хаживал,
Поклониться бы в пояс, покаяться.
Постоять пред могилою каждого
И поплакать, душа коли мается...
Выйду в поле, время закатное,
Ветер кудри рассыплет мне, балуя.
Воля вольная, степь перекатная
Я вернулся на родину малую...

О ЧЁМ МОЛЧИШЬ, ПОЭТ ПОЛНОЧНЫЙ?..

О чём молчишь, поэт полночный,
Когда затихший город спит?
О ком в час этот неурочный
Душа уставшая болит...
И над строкой склонясь устало,
В какие думы погружён?
Иль память обнажила жало,
Или тоской опустошён?..
А может, раздираем болью,
Ты вспомнил в тишине о ней,
О той, кого назвал Ассолью,
Любя в дни юности своей...
О той, что подарила счастье
И нежности безумной пыл.
Не в божьей даже это власти –
Вернуть то время, где любил...
Об этом ли в час неурочный,
Когда затихший город спит,
Таясь в раздумьях полуночных,
Душа твоя, поэт молчит...

Я КРИТИКАМ ОТВЕТИТЬ НЕ БЕРУСЬ

Я критикам ответить не берусь
Расхожей фразой, божьею искрою
Отмечен ли, когда писать сажусь,
За белый лист, закатною порою...
Когда душа не смела, не могла
Молчать, в плену нахлынувшей печали,

Касалось вдохновение чела
И лиры пыл я мог сдержать едва ли...
Ну как презреть дарованное мне,
Ведь если решено там кем-то свыше,
Чтоб в наступившей лунной тишине
Строки моей был миру голос слышен.
Поэт иль нет – дилеммой не томим,
И в тронном зале не найти меня
Средь мэтров, кто богемой так любим,
Мелькая на ТВ, день ото дня.
Но верю я, моя звезда взойдёт,
Она, быть может, притаилась где-то,
Ко времени украсит небосвод
И в окна постучится первым светом.
Когда любовь как пламень опалит,
Как возвеличить страсти пыл словами.
Когда строка, как колокол, гремит,
Не ведая границ между веками.
Не может быть всё зря, читатель мой,
Я бросил на весы судьбы, в азарте,
Всё, что имел, оставшись лишь с сумой.
Забилось время, кофе на Монмартре...
Коснулась ли создателя рука,
Талантом одарив, сказать не смею.
Но я богат, как Крез, когда строка
Моя струится, лирою хмелея...

Я ПРИКОСНУСЬ К ТЕБЕ ЩЕКОЙ...

Я прикоснусь к тебе щекой.
«Колочий», – скажешь ты устало,
Коснувшись тонкою рукой
Волос, где седина упала.
А мир привычно будет тих,
И непривычно гулко сердце.
В руках укрыться бы твоих
И толикой тепла согреться...
Закат набросив, словно фрак,
Прохладный вечер тихо тает.
Блюз на виниле, полумрак,
И упоенье нарастает...
Я прикоснусь к тебе щекой,

Колючий, хмурый и уставший.
Остатки дня смахнув рукой,
Иного счастья не искавший.

СВЕТИЛА МАЛАЯ ЛУНА...

Светила малая луна
В моё окно кристальным светом.
В каких глубинах рождена
Строка, подобная рассвету,
Что озарила полумрак?
В пылу признаний тают свечи,
И вдохновенье, как пиджак,
Мне будто кинул кто на плечи...
И я в порыве, не таясь,
Отмечен ли небесной лирой,
Пишу, стихов сплетая вязь,
За этот миг отдать полмира
Не жаль! За хлопоты ночей
Всё скажет за поэта слово,
За то, что в тысячах речей
Оно потом воскреснет снова.
За то, что ближе мне печаль,
И я душой распахнут думам.
За то, что прошлого не жаль,
И выбор музыки был обдуман...
А время потеряет счёт,
Светает, за окном багряно.
Звезда последняя падёт,
Казавшаяся безымянной...
Погаснет талая луна,
Восток забрезжит первым светом.
И откровения полна
Строка затихнет пред рассветом....

НЕБО НА ЛАДОНИ, ШАПКИ ГОР СЕДЫ...

Небо на ладони, шапки гор седы,
Вьется змейкой речка, чище нет воды.
Девушка с кувшином, чёрные глаза,
Гордые мужчины, янтарем лоза...

В яблонях долины, хоженной тропой
Кони с черной гривой мчат на водопой.
Шелковые нивы в росах поутру,
Здесь детей с рождения учат лишь добру...

Вековые скалы памятью полны,
На стене кинжалы, с давней той войны.
Здесь народ адыгский издавна живёт,
За столом лишь старший голос подаёт...

Кружит в поднебесье беркут, взгляд остёр,
Как молитвы песни, а в груди костер.
Танец – отраженье жизни, без прикрас
Честь и уваженье, так живет Кавказ...

Горы-исполины, как века, седы,
А в Лабе хрустальной чище нет воды.
Девушка с кувшином, чёрные глаза,
В виноградных бусах алая лоза...

ВЫ СЛЫШАЛИ АДЫГСКУЮ ГАРМОНЬ?

Вы слышали адыгскую гармонию,
Что огласила радостно округу?
С аульской тишины срывая броню
И в танец пригласив гостей по кругу.
Вы слышали благовую весть в устах?
Машуков Мурадин привел невесту
В отцовский дом, дай счастья им Аллах!
И многие года в любви и чести!
Сегодня каждый тост – за молодых,
Красавицу-черкешенку Динару!
Всю ночь, не умолкая, будет лих
Лезгинки ритм под старою чинарой...
И небо залп ружейный разорвет,
И разлетится эхо, оглашая.
Играет свадьбу древний горский род,
Радушию хозяев нету края.
Вы слышали адыгскую гармонию,
Что радость разнесла по всей округе?
С аульской тишины срывая броню
И в танце свадебном собрав гостей по кругу.

АДЫГ ПОЧТЕННЫЙ УМИРАЛ

Адыг почтенный умирал
В тиши кунацкой.
Он боль свою от всех скрывал,
Была что адской.
В сухих и жилистых руках,
Нет прежней силы,
Но негасим огонь в глазах
Судьбой хранимый...
У изголовья сыновья,
Склонились рядом,
Им пред отцом никак нельзя,
Поникнуть взглядом...
Закашлявшись, старик привстал,
Все понимая.
И тихо сыновьям сказал,
Чтобы внимали:
«Я ухожу, своё пожил,
В душе нет страха,
Законы наши сердцем чтил,
И чтил Аллаха...
За родину не раз свою,
Смерть презирая,
Я бился в воинском строю,
Клинок сжимая.
Как кунака, я гостя чтил,
Так жили деды.
Лепешку на двоих делил,
Делил и беды...
Отцовский вам наказ один:
Держитесь вместе.
Не посрамите вы седин,
И горской чести...»
Закончив речь, он замолчал,
Иду, Всевышний!
Адыг достойный умирал,
Слова излишни...
Нет, не сломила жизнь его
Боль не сломала,
Темно в кунацкой без него
Внезапно стало...

МУХАМЕД КЕРЕФОВ: О ЮБИЛЕЯХ И ПАМЯТИ

Есть в юбилеях одна несомненная польза. Они помогают вспомнить тех, кто незаслуженно забыт. 100-летие нашего героя промелькнуло для литературной и общественной среды совсем незаметно, если не сказать, что не мелькнуло совсем.

Все его творчество уместилось в трех изданиях. Если совсем точно – в двух повестях и в десятке рассказов. Почему же это имя – Мухамед Керефов (1922-1993) – осталось неизвестным для большинства читателей. Уж точно не потому, что его произведения не заслуживали внимания и даже поклонения.

Писать он начал в ранней юности, однако, как вспоминают потомки, в какой-то момент взял и сжег все написанное. Зачем? Никто не знает. Видимо, слишком высокую планку он ставил перед собой в писательском труде. В 92-м году, за год до ухода из жизни, он напишет в своей автобиографии: «С тех пор, как я стал что-то понимать в жизни, я всей душой и сердцем проникся литературой, искусством, творчеством. И вот теперь, на склоне лет, это стало главным делом моей жизни».

Из интервью 1992 года:

«Сейчас каждый пребывает в больших раздумьях: как быть дальше, как жить дальше? Что будет со страной? Нам, адыгам, тоже есть о чем призадуматься. В первую очередь о том, как бы не растерять остатки нашей культуры, хабза, национального характера. Потеря этих ценностей означала бы гибель нации. И какими путями нам сохранить духовность и творческие силы адыгского народа?»

Первая книга Керефова увидела свет через десятилетия, в 1987 году, когда писателю было шестьдесят пять. А до этого была первая публикация в журнале «Йуашхьэмахуэ» (повесть «Лъэужь е лъэужь»), за ней вторая, третья... Все, что приносил в редакцию этот скромный, чересчур скромный и самокритичный писатель, принималось редкой легкостью без слов и ставилось в печать.

В той же автобиографии по одной строке обозначены главные вехи трудовой жизни Мухамеда Керефова:

*Учитель родного языка и литературы в Шалушкинской школе.
Параллельно – учеба в пединституте.*

Директор школы в родном селе.

Директор института повышения квалификации (ИПК) учителей.

Заместитель министра просвещения КБАССР.

После министерства, не слушая ничьих уговоров, ушел с госслужбы и вернулся методистом в ИПК.

Опять директор школы, на этот раз 13-й, в г. Нальчик.

За этими скупыми строчками – «одна, но пламенная страсть», точнее, две – к просвещению и творчеству. Про Мухамеда говорили: он достойный сын своего отца. Жанхот Керефов тянулся к знаниям, а это редко кому было свойственно на рубеже веков. Керефов-старший вообще был уникальным человеком. Искусный плотник, он своими руками построил большой добротный дом, часть которого отдал под школу для сельских детей. Школа так и называлась – школа Керефова Жанхота. Сам он, кстати, был безграмотный, не умел ни читать, ни писать, зато сумел понять, что без грамоты впредь не будет пути. И еще он понял, что молодому поколению нужно учить русский язык. И здесь он нашел выход: поселил в одной из своих комнат русскую семью, чтобы дети в общении с ними научились говорить. К ним ходили дети со всей округи, и Мухамед не отставал от них. Благодаря этому общению и мудрости отца будущий писатель свободно владел русским языком, как родным.

Из интервью 1992 года:

«Что сейчас происходит? Страна сломя голову, без всяких на то навыков, ринулась в мировой рынок. И это может тяжело отразиться на культуре в первую очередь. После заботы о хлебе насущном нет большей заботы для нации, кроме как о спасении своей культуры. История не знает примеров, когда культура, духовность какой-либо нации, великой или малой, выиграла от товарно-денежных отношений. Это путь в никуда. Понятно, что сейчас нет ни у кого средств, да и желания, на поддержание культуры, языка, даже нравственных основ – хабза. Что за прок, например, если издашь книгу, или разработаешь культурный проект? И невольно люди уже задумываются: почему и здесь нельзя извлечь выгоду, если всё вокруг перешло на рыночные отношения? Это ошибка. Никогда культура не приносила денежной прибыли. А с рынком без этого не договоришься. Нам нельзя тягаться с рынком, пытаться жить по его законам».

Так вот, возвращаясь к началу. Писать он начал рано, потом вдруг уничтожил все написанное. Зачем? Понятно, что произошла авторская переоценка своих творений. Но ведь наверняка не все было так печально. В итоге писатель «созрел» для первой публикации в шестьдесят с лишним лет. Хорошо, что тогда ему не отказали в редакции журнала и в издательстве. Ведь мы могли так и не увидеть его чудесные «Рас-

сказы старика» («Шыжь хыбархэр»), повести «След или наследие?» («Лъэужь и лъэужь»), «Отцовским наследством никто не богат». («Адэ шэин мылькы хьурэ»).

В последнем интервью за год до ухода Мухамед Жанхотович говорил: «Писатель не должен огорчаться, если его книгу не издадут сразу. Чем больше лежит произведение, тем лучше. Вернешься к книге через год – и на многое смотришь другими глазами, многое замечаешь и исправляешь».

Язык Мухамеда Керефова – отдельная тема. Редко у кого в нашей литературе встречается такое богатство оттенков. С первых страниц его описательность, пейзажность поражает, где-то и вызывает недоумение, а где-то – неловкость: почему я не знаю таких слов и оборотов?

Из интервью 1992 года:

«Выход есть всегда. Культуру и судьбу народа творит и сохраняет сам народ. Всякий, кто выбрал путь духовности, пусть найдет в себе силы не отступить, не сойти со своей стези. Придется перетерпеть эти несколько лет, а потом все наладится, все прояснится. Если ты писатель, не стоит сетовать на то, что твою книгу не издадут сразу. Пусть книга полежит, она не сгорит и не сгниет, только лучше станет. Перечитываешь написанное год назад – и находишь массу недочетов, на многое смотришь свежим взглядом».

У него нет ни строчки без глубокого смысла. Если герой просто идет по дороге и любит природу, он не просто посвистывает и озирается по сторонам. Нет, он размышляет о смысле жизни, о добре и зле, о гармонии всего сущего. Понятно, что обычными словами этого не описать. Оттого речь его являет собою россыпь жемчужин.

Трепетное отношение героя к окружающему миру высказано в нескольких словах: «Природе нужно помогать, а не исправлять». Вечная тема. «Кто я, что я в сравнении с огромным миром? – рассуждает автор словами своего любимого героя – простодушного философа Сафара. – Букашка, не более. И как же возможно не ценить, не оберегать это Божье творение, что позволяет небосводу не обрушиться, а малой букашке – жить на земле?»

Такой глубокий, талантливый писатель присутствовал на литературном поприще прискорбно мало, всего-то 4-5 лет. Почему он не посвятил писательству хотя бы половину своей не такой уж короткой жизни? Скромность? Чрезмерная занятость? Или все силы душевные были отданы попыткам разгадать тайны бытия? Возможно, он только под конец жизни осознал, сколь сладостен и в то же время тяжок писательский хлеб. А время ушло.

Приходят на ум предсмертные слова одного из его литературных

героев – старика Долета: «О Аллах, почему ты уводишь меня в мир иной, если я еще не нарадовался на моих любимых людей?». Это о себе? И о том, что он хотел еще сделать и уже не успел? Одному Богу известно.

Из интервью 1992 года:

«Наш народ – один из древнейших. Судя по нартскому эпосу, адыгской нации не тысяча и не две тысячи лет. Самые старые из современных стран имеют не более чем тысячелетнюю историю. Взять государство российское – оно не так давно отметило тысячелетие. А наша история уходит корнями в три-четыре тысячи лет. О глубине его корней свидетельствует фольклор. Вот слова из малоизвестной, почти забытой старинной песни:

*Дэ дызыщыщыр умыщIэмэ
Сэ къызэуццIи бжесIэниц.
Рамзесышхуэр джатэпэкIэ
Бгым щыхьдзахэм дарейц.
Если не знаешь, откуда мы родом,
Спроси меня – я скажу.
Мы из тех, кто Рамзеса Великого
Копьями сбросил с горы.*

И сколько же лет назад могло случиться это событие? Рамзесышхуэ (Рамзес Великий) – так адыги именовали Рамзеса II. Много ли найдется на Земле народов, оставивших такой след в истории? Отсюда и огромная ответственность на нас – всеми силами, непрерывно работать над сохранением и продвижением национальной культуры – традиций, искусства, творчества в целом».

Книги Мухамеда Керефова надо читать и вчитываться. Хотя бы для того, чтобы окунуться в мир чистого народного языка. Языка наших мудрых дедушек, языка отца самого писателя – безграмотного Жанхота Керефова, открывшего сельским детишкам путь к грамоте. А нам – путь к истокам.

ВОЛКУ – ВОЛКОВО

Рассказ

– Ну что, друг Кяго-Куцый, куда сегодня направимся? – спросил Сафар.

Верный охотничий пес понял хозяина с полуслова, подхватился и завил хвостом, насколько позволял куцый обрубок, заволновался, готовый тут же отправиться в путь.

– Ладно, ладно, я понял тебя. Говоришь, нам сегодня нечего ловить ни на Щелястом кряже, ни в подлеске. А пойдем мы с тобой вдоль реки к Ягнячъему долу, а там вверх по лесистому склону. Ты ведь не прочь полакомиться свежим фазаном? Не прочь, я это знаю, дружище.

На том и сговорились верные друзья-охотники. Сафар ступал неспешно, спускаясь к ущелью. А вот Кяго такая нерасторопность явно раздражала. Он так и крутился вокруг хозяина, поскуливая и требуя прибавить шагу. Наконец его охотничья душа не выдержала, и он побежал вперед, словно опаздывал куда-то. Надо же разведать заранее, что там да как, а если увидит что – будет сидеть и сторожить удачу, чтобы не упорхнула. И бежал он именно тем путем, что оговорен был с хозяином. Сафар не стал торопиться вслед псу, он-то знал, что верный попутчик пойдет куда надо. Спустился к самому берегу и стал подниматься к верховью. Идти вдоль извилистой реки было непросто. Не раз приходилось перебираться с берега на берег, смотря какой крутизны попадалась излучина.

Он знал наизусть каждый изгиб и каждый камень, от его пристального внимания не ускользала ни одна точка в этой тысячелетней книге природы. Только умей читать ее, и познаешь множество истин, недоступных многим мнимым мудрецам. Сафар читал эту книгу, перебирая взором ровные, словно срезанные острым ножом пласты прибрежной земли. Его глаз выхватывал обугленные сгустки пород, некогда сожженные подземным огнем и выплунутые землей наружу, и серые пласты гранита, и слой известняка... Земля напоминала слоеный хлеб, покрытый сверху черной плодородной коркой, дающей жизнь всему живому. И отдельным миром воображали себя вырвавшиеся некогда из земляного плена валуны, поросшие мхом с тенистой стороны, а где-то даже позволившие чахлам деревцам пустить корни в их расщелинах.

Сафар удивлялся красоте, подобно ребенку, хотя видел эту картину сотни раз. Вот удивительно, чуть выше по склону разрослись грабы, чинары, дубы, а тут примостился только низкорослый ивняк и ольшаник. Каждому дереву, каждому творению божьему отведено свое место

на белом свете. И с каких пор существует все это? Когда появился тут первый камень, первый ручей, первое дерево? Какие времена переви-даны ими? Умей они говорить, сколько бы всего могли рассказать. И где край сущего? На земле ли, или на воде? А может, край восходит к солнцу, к звездам?.. Он понимал своим простым разумом, что этой загадки ему не разгадать, да он и не ломал голову особо. Есть оно все, именуемое бесконечностью, – и слава Богу. Вот оно, во что он верит свято, как богомольный человек верует во Всевышнего. И он – малая частичка сущего, счастлив быть таковым. А большего человеку и не надо.

И все же мысль о своей малости нет-нет да приходила Сафару. Что он являет собой в сравнении с бесконечным в своей громадности миром? Букашка, не более. И вот этот огромный мир позволяет жить и ему, и всякой букашке жить и добывать себе пропитание, и не обрушивается на него небосвод. Отчего же не должен человек вечно благодарить высшие силы за это благо? Отчего не бережет каждую пядь земли, каждое деревце, каждый камень? Отчего не живет по совести, по доброте?

В который раз перебирая в уме вечные свои вопросы, Сафар опять перешел на другой берег и пошел ровным ивовым и ольховым подлеском. Однако тут же вернулся к кромке воды, словно не в силах расстаться с рекой. Сквозь прозрачную воду просматривались белоснежные гладкие голыши, тысячелетиями обкатанные волной. Он присел на корточки, набрал в ладони воды и напился, несколько раз обдал лицо студеной влагой. Не вытираясь, направился к ивняку. Его дождался Кяго. Теперь он не суетился, а сидел тихо, уставившись в подсыхающий осенний бурьян под колючими кустами и время от времени поглядывая в сторону, откуда должен выйти охотник. Унюхал что-то? Едва появился Сафар, пес поднял лапу и задержал в воздухе, словно говоря: тихо, не шевелись.

Охотник взял берданку наизготовку. Пес не шевелился, ожидая команды. «Взять!» – отрывисто сказал Сафар, и пес сорвался с места. Мгновенно затрепетали крылья и крылышки в кустах, раздались крики потревоженных птиц, тут же вразбежку устремились в чашу фазаниха и едва оперившиеся птенцы. Пес застыл на месте, ожидая, что хозяин выстрелит. Но тот отчего-то медлил.

– Дурак ты, Кяго-Куцый. Это же насадка с цыплятами. Ну уьем мы ее, детки же погибнут. Думать надо!

Кяго обиженно поджал куцый хвост и лег мордой на передние лапы. Еще бы не обижаться! Этих людей не поймешь, все у них непонятно. Вот за что он лишил его лакомого куска? Даром, что ли, он высматривал добычу, стерег, пока хозяин не подоспел. Лучше бы не ждал. Найди их теперь, жирных курочек. Не поймешь этих двуногих...

Именно так можно было истолковать поведение верного пса, если

хорошо присмотреться. Кяго теперь не торопился вовсе, не суетился, казалось, безразличны стали ему хоть животные, хоть птицы. И даже когда Сафар продолжил свой путь, четвероногий друг только покосился на него, но с места не двинулся. Пришлось даже окликнуть его:

– Кяго, ты чего, заснул? Догоняй уже!

Пес неохотно поплелся за хозяином. Не бросать же его, пропадет без пригляда. Ох уж эти двуногие... Правда, настроение было вконец испорчено, и всю дорогу Кяго никакой дичи более не вынюхивал, показывая полное безразличие. Не стоили его высокого внимания ни белки, занятые пополнением запасов на зиму, благо в лесу довольно фундука и чинарных семечек, ни трещащие в кронах сороки, ни распевшиеся лесные птицы. Но что это? Белка перед его носом скакнула вниз по стволу и бесстрашно уставилась на него глазками, сверкнувшими сквозь густой мех черными шелковыми пуговками. Ну это уж слишком! Кяго возмущенно рванул за ней, но противный зверек в два прыжка скрылся в дупле. Фу, нужна ты больно! Там хвоста больше, чем мяса! На один зубок не разживешься...

А Сафару было не до метаний охотничьего друга. Он шел себе и шел, не сбавляя шаг. Надо добраться до ночлега, пока не стемнело. Едва выйдешь из леса, тропа устремлялась вниз по пологому склону. Достигнув дна, снова вверх по такому же пологому склону, и так до самой лесистой верхушки кряжа. Ни дать, ни взять – громадный корабль, построенный руками самой природы. Оба склона с лощиной занимали не меньше двух с половиной тысяч десятин и служили тучным пастбищем и сенокосными угодьями. На дне лощины расположилась кошара, где Сафар собирался остановиться на ночь.

Завидя знакомые места, Кяго приободрился, побежал вперед и появился на кошаре раньше Сафара. Здешних волкодавов он вовсе не боялся, собаки давно уже состояли в приятельских отношениях – не впервой хозяин гостит у чабанов. Да и не было нигде видно четвероногих друзей, овец еще не пригнали с пастбища. Только состарившаяся на кошаре псина, притулившаяся в тенечке, твякнула лениво, но даже не привстала при виде старого знаконца.

Солнце уже заваливалось за гору, только последние лучи цеплялись за зубцы кряжа и остроконечные сосны на вершине. Сафар с наслаждением оглядел давно знакомую и любимую округу. Завтра день обещает быть погожим. Облака не свинцовые, легкие и перистые – первый знак хорошей погоды. Отсюда, от давних знакомцев, он будет день за днем отправляться на охоту и возвращаться с добычей. А если и пустой – тоже ничего, тоже часть жизни.

– О-о, Сафар, давненько тебя не было. Неужто другими тропами ходить стал! – радушно приветствовал гостя появившийся из шалаша старший чабан. – Кяго первым добежал, сообщил, что ты пожаловал.

Вот и отару пригнали, пристроили по загонам. Посохи и герлыги поставили рядом возле шалаша и дружно занялись ужином: кто огонь разводит, кто котел готовит, кто воду подносит. Отдельного повара на кошаре не было, всё делали сообща. Хотел было Сафар подключиться, да хозяйева зашумели: как же так, ты гость, а гостя даже шалаш приветить должен.

В горах темнеет рано, едва солнце скроется – вот и ночь. На темно-синем небосводе высыпали мохнатые звезды, сверкающие, словно их только что помыли и вытерли досуха краем суконной черкески. В селе звезды не такие яркие и большие. А здесь, да и везде в горах Кавказа, воздух прозрачен, как хрусталь, оттого и звезды кажутся больше. Выступила полная луна, сияющая, подобно новенькому серебряному рублю.

Чабаны сидели в кругу за сытным ужином.

– Кого на ночь в караул поставишь, Жансу? – спросил один.

– Сам и постерегу, – ответил старший.

– Что ты, негоже это, – зашумели чабаны, а их было тут немало – Лю, Антон – местный парень с русским именем, Нахо, Харун и другие. У каждого было свое небольшое поголовье, и они пасли их вместе, объединившись на одной кошаре. Был и конюх Гиса с соседнего стойбища. Здешние пастухи все знали друг друга и часто зааживали в гости к соседям. – Мы же не из тех, у кого старший за повара.

– Давайте я покараулю, – живо отозвался Сафар.

– И я готов, – обрадовался конюх. – Тут к нам один зверь повадился, никакого спасу нет. Что ни делаем – уходит, гад, и непременно хоть одно животное успеет задрать. И нападает в одно и то же время, после полуночи, когда лошади в дреме. Я уже за парней боюсь, не то что за лошадей.

– И у нас собаку ранил. Не ест, не пьет. Подохнет скоро, видать, – горестно покачал головой Жансу.

Сафар вспомнил, что видел у стенки шалаша изможденного пса. Выходит, не в старости дело...

– А что за зверь? Волк? Медведь? А может, рысь? – Сафар оживился, в нем загорелся охотничий азарт.

– Да кто его знает! Появляется в ночи, как призрак, глазищи горят двумя желтыми фонарями, сам черный и огромный, как телок. Никакого волка или медведя мы не встречали такого неуловимого!

– Ночью все черны.

– Много всяких тварей по свету ходит. Только такого в наших краях не встречал, – отозвался Харун, и в голосе его слышался испуг. А чему удивляться, всякая живая душа ведает страх перед неизвестным. «Напуганный шайтаном в Аллаха не верит», – вспомнил поговорку Сафар, но вслух не произнес, боясь обидеть бывалых мужчин.

– А вот и поглядим, – сказал он. – Мы с моим Кяго постережем.

– Нет, одного тебя не пушу, – возразил Жансу. – Разве что со мной на пару пойдешь. Если сможешь взять свирепого зверя, окажешь нам большую услугу.

– Да что большую, – подхватился Гиса, – это будет дороже всякой твоей добычи на охоте.

А Сафара не надо было уговаривать. Ему уже самому не терпелось идти в караул и поймать это самое чудище. Мужчины посидели еще, поговорили, поспорили, что это может быть за тварь кровожадная. Кто-то склонялся к медведю, кто-то к волку, а кто-то спорил, что всякие медведи да волки против чудища – что твои кошки. В конце концов, сошлись на том, что о появлении невиданного зверя сказано было в предсказаниях ясновидящего Лиуана Бжихатля, и говорит это о скором конце света...

Толки о ночном кошмаре пастухов напоминали снежный ком. Подобно тому, как на него по мере качения налипают пласты снега, слух по мере повторения обрастает самыми невероятными подробностями и красками. Так было и здесь. Многие уже склонялись к тому, что не зверь это теплокровный, а нечто сродни джину, шайтану, и разумно ли выходить против него с ружьем или кинжалом? Может, лучше взять дуа-оберег от эфенди, а то и вовсе сняться и уйти в другое место.

Сафар не участвовал в споре, а только слушал, пытаясь извлечь из сказанного хоть какую-то точность – что же это за напасть? Он, веривший только в вечные законы природы, был чужд страхов перед сверхъестественным, но лишнее знание никому не вредит. И потому внимательно слушал чабанов.

– Нет, это не волчьи повадки. Он конины не ест, – сказал один.

– А для чего тогда лошадей задирает, если не ест? – возразил другой.

– Вот и не ест. Режет животину по горлу, как ножом острым, и кровь высасывает, даже следов крови не оставляет. А мяса не ест.

– Бараниной зато не брезгует, – подал голос Жансу. – И есть что попало не станет. Выбирает только барашков не старше года. И что удивительно, если волк нападет на отару, он перережет кучу овец без разбору. А этот выхватит что ему надо, словно свою долю забирает...

Помолчали.

– А что, Сафар, – снова заговорил Жансу, – мы тут со своими заботами и спросить забыли, как там в селе? Какие новости?

Поговорили еще немного о том, о сем, о сельских новостях, об общих знакомых. Наконец утомленных пастухов стало клонить ко сну.

– Интересно, куда падают звезды? – спросил, зевнув, Антон, самый молодой из чабанов.

– Да никуда падают, они сгорают в небе, – ответил Гиса и встал,

потягиваясь. – И они не падают, а гаснут. Это же души людей.

– Это как же? – удивился Антон.

– А так, – серьезно заключил старший чабан. – У каждого своя звезда. Пока жив человек – звезда светит. Как отлетит душа – так и звезда гаснет. Все, отдыхайте, доброй ночи.

Жансу встал, показывая, что разговор окончен.

Жансу и Сафар остались у очага, остальные расположились на ночлег. Огонь почти догорел, верх его подернулся невесомым слоем пепла, легкое дуновение ветерка сдувало его и открывало взору остатки жара. Недогоревшие головешки начинали поигрывать искорками, готовые снова загореться. Жансу хотел было раздуть пламя, да Сафар возразил:

– Не надо, лучше в темноте подождем.

– Если огонь не палить, зверь и вовсе осмелеет, – сказал Жансу.

– Не надо. Нам нужно не отпугнуть его, а приманить.

Старший чабан промолчал. Видно, охотник знал, что делать.

Они пристально всматривались в ночь, но ничто не шевелилось в открытой взору долине и на пологих склонах. Огороженный высоким частоколом загон прижался прямо к шалашу, и любой шорох был бы слышен. Дальше в сотне шагов находился глубокий лесистый овраг с журчащим ручьем на дне. Место так и называли – Псынэжьыкьуэ, что означало «родниковое ущелье». Пастухи остерегались спускаться туда, и овец не пускали, полагая, что именно оттуда наведывается к ним по ночам то самое страшилище.

Ночь была на исходе. Луна уже клонилась к закату, ковш Большой медведицы развернулся и достиг зенита. Это была пора, когда сон у людей и животных особенно глубок.

– Глянь-ка, Жансу, что там, – нарушил вдруг тишину Сафар.

– Где?

– Вот там, – охотник указал рукой в сторону ближнего склона.

Жансу вглядывался в полутьму, но ничего не видел. Глаз чабана зоркий, но у охотника он более наметанный. Наконец, он разглядел на освещенном пригорке темное пятно, схожее с ошметком грязи на белёной стене. Что это? Может, коряга какая или большой камень?

Охотник словно прочитал его мысли.

– Ты здесь видел где-нибудь корягу или отвалившийся валун?

– Не видел, не было там ничего, могу побожиться.

А пятно не шевелилось. Вдруг на мгновение блеснули два желтых пятна и тут же погасли. Потом опять. Сомнений не было, их опять навестил ночной разбойник, наваждение всех окрестных кошар.

– Надо стрелять, – подхватился Жансу и поднял берданку.

– Погоди, сначала я, – остановил его Сафар. У чабана ружье было однозарядное, потому охотник стал целиться из своего ружья. Прогрел выстрел, эхом раскатившись по горам и ущелью. Зверь не шелохнулся, только нагло сверкнул желтыми глазами. Словно смеялся над ними. Снова выстрел, и снова темное пятно со сверкающими глазами осталось на месте. Что за диво! Сафар никогда еще не промахивался. Он уже начал верить в чабанские страхи о потустороннем существе. Да и как тут не верить? Неуязвимое существо какое-то. И ведь не мог он промахнуться!

Выстрелил теперь Жансу, пока Сафар перезаряжал двустволку. Ничего не изменилось. Разбуженные собаки брехали, но с места не двигались. Лишь Кяго рвался в бой, но команда хозяина «стоять!» сдерживала его. Проснулись чабаны и высыпали из шалаша.

Охотник снова прицелился и выстрелил, пока Жансу заряжал берданку:

– Держи, Сафар, тебе сподручнее, а я в ночи не очень хорошо вижу... Стой! Кажется, он шевельнулся.

– Как шевельнулся?

– Вроде привстал после твоего выстрела и снова сел.

– С ним по-другому надо, значит. Ты понял, что он сам следит за нами? У него ночное зрение не в пример нашему...

Черная тень, наконец, поднялась, еще раз сверкнула глазами и, поняв, видимо, что этой ночью добычи не видать, большими прыжками пустилась вверх по склону и скрылась за голыми скальными камнями. Ночное чудовище и в ущелье не ушло, и в лес не забежало.

– Зверь и вправду мощный, – выдохнул потрясенный Сафар. – Видал, какие у него прыжки?

– Мощный и хитрый, – кивнул Жансу. – Пуля его не берет, собаки сладить не могут. Капкан ставили – бесполезно, только лисица попала...

На вторую ночь невдалеке от загона охотник развел костер из корневых старых деревьев, которые могут тлеть хоть до утра и не прогорать. Справа – загон, слева – Родниковое ущелье. Выбрал место так, чтобы свободно видеть всю округу. С собой никого не взял. Попросил старшего чабана проследить, чтобы ни человек, ни собака не высовывались, если только он не позовет. И своего верного Кяго строго-на-строго предупредил, чтобы знал свое место.

Сафар захватил с собой самую большую бурку из тех, что были на кошаре. Свой войлочный кафтан гуэбэнэч, надетый поверх черкески, он вымачивал весь день, чтобы войлок схватился и стал плотнее. Ружья с собой не взял, только кинжал.

Чабаны недоумевали: что он задумал?

– Ему виднее, Сказано вам отдыхать спокойно, вот и отдыхайте, – только и отвечал Жансу, пожимая плечами. Сам, однако, был начеку, хотя мешать ночной охоте и не думал.

Все утихомирились на кошаре, люди и животные. Глубокая ночь нависла над миром. Тлеют без пламени коряги в костре, щедро отдавая свой жар. Мокрый кафтан и прохлада осенней ночи холодят тело, и охотник невольно придвигается к огню. Согревшись, чувствует желание зевнуть. Но нельзя поддаваться соблазну, звездочки на небе еще яркие, до утра далеко, они перемигиваются, словно знают некую тайну, но ни за что ее не выдадут. Время за полночь, луна устало клонится вниз, боясь не успеть скрыться за горой до конца своей смены. «И мне на покой пора», – сказал охотник и стал стелить себе пахучее ложе из мягкой подвяленной травы, в изголовье положил здоровенный чурбан. Распустил завязки на бурке и улегся, накрывшись ею по всей длине. Только лег он к изголовью не головой, а ногами. Посмотреть со стороны – нипочем не угадаешь, что вместо головы на этом ложе расположился чурбан. А в той части, где лежала голова охотника, ее вообще не было видно. Как же неудобно так лежать, – думал он, тихо вздыхая. Но что делать, на то была веская причина. Он должен как бы из засады наблюдать за зверем, когда он посмеет приблизиться. Сафар лег так, чтобы обозревать оба склона. Прикрыл голову краем бурки и оставил малый зазор. Вот так ждешь, зная: что-то должно случиться, а что – поди угадай. Это будоражит охотничье сердце, наполняя его тревогой и радостью одновременно. Вот оно, охотничье счастье. А то что же – нажраться с утра до отвала и развалиться на тахте, раздумывая, чем же попотчуют тебя на ужин? Ради этого стоит жить? Нет, думал Сафар, жизнь – это когда живешь в единении с природой, шагаешь в ногу с ней, разгадываешь ее тайны, и она в ответ одаривает тебя новыми откровениями и красотой своей. Порой страшной и жестокой красотой, с которой надлежит сладить. Ну и что с того, если не всегда охотнику улыбается удача? И что люди недалекие, дремлющие у теплого очага, посмеиваются над ним, когда он возвращается с пустыми руками? Невдомек им, что сердце у охотника иначе бьется, и кровь иначе бурлит, подобно чистому горному ручью, а не усыхающей луже.

Это все ладно, но что за шорох в бурьяне у края оврага? Вот еще, едва слышно. Эх, ему бы еще глаза на затылке, чтобы глянуть в ту сторону. Но шевелиться нельзя. Зверь хитер и умен. Надо позволить ему подойти ближе. Охотник весь обратился в слух – и сердцем, и ушами. Скосил глаза насколько мог. Вот вспыхнули два желтых глаза. Помедлив, зверь бесшумно показался из кустов всем телом. Прислушался и стал медленно приближаться. Присел, снова прислушался, потом под-

нялся и стал подкрадываться. Оглушительная тишина вокруг, только цикады посвистывают в траве.

Вот он подошел совсем близко. Огонь отразился в его желтых глазах, отчего они вспыхнули еще сильнее. Прислушивается, принюхивается. Не поймешь, какого он цвета – черный или серый. Но размеры и впрямь внушительные. Он смотрит на огонь, на черное продолговатое тело рядом, на загон с овцами. Кто там, под буркой? Спит вроде? Хотя нет, люди коварны, может вскочить и выстрелить. Волк вдруг отпрыгнул назад столь же бесшумно и скрылся в овраге, откуда пришел. Спустя время появился снова, но теперь шел еще осторожнее, даже стал казаться меньше, будто курица, которую окунули в кипяток перед ошпикой. Мягкий шаг у него, воровской. Сафар и раньше понял, что неведомый зверь – это волк, а теперь увидел его воочию...

Волк подошел близко к огню, всмотрелся в бурку и то, что под нею. Не шевелится. Это лучше. Не то придется нападать или убегать. Принюхался. Вот он, дух овечьей шерсти и человека! Зверь отряхнулся, и капли ручья на шерсти попали на огонь, – п-ф-ф-ф, огонь притушился. Теперь он пристально вглядывался в спящего под буркой человека. Спит, не шевелится. Тогда волк прыгнул на него и жадными железными челюстями вцепился в то место, где должна находиться шея. Сафару только того и надо было. Он резво поднялся за спиной зверя, вгрызающегося в скрытый под войлоком чурбан, и накрыл его буркой. Оставалось оседлать волка и задушить мощными ручищами. Уж силой Бог наделил Сафара сполна. И даже при такой силе он ощутил мощь зверя. «Еще бы собаки с ним сладили!» – удивлялся он, глядя на бездыханное тело противника. Вот только... бурку пришлось долго отмывать. В минуту смертельной опасности зверь ли, человек ли одинаково слабеют животом...

Перевод с кабардинского Ларисы Маремкуловой

РАССЫПАВШИЕСЯ БУСЫ

Рассказ

Сегодня он должен был закончить портрет, который давно начал. Утром настроился на работу. Его сердечная рана бередит, болит, однако боль прозрачна, светла... Но, посмотрев на натянутый холст, он вновь погрузился в печальные воспоминания. «Не надо было начинать работу над этой картиной, – сказал он сам себе, – ведь мне никогда не завершить её». Женщина, прошлым летом подарившая спокойствие и благодать сердцу Зекерии, теперь напоминает ему лишь о канувшем счастье и сладости жизни. «Или вкус жизни и счастье – это облако в небе? Дунул ветерок – оно поплыло, заблудилось... Неужели и женщина – птица, садящаяся на колени каждого, от кого услышит красивое слово?»

Он не мог понять, почему сердце, словно тая и съживаясь, не даёт ему покоя. Может, он попросту обижен на себя. Зекерия был человеком наивным, который быстро влюблялся и легко увлекался. Много женщин повстречал он. И в каждой из них видел ангела.

Нет, Зекерия, любил не всех, с кем сталкивался на жизненном пути и кому говорил красивые слова. Однако женщина оставалась для него символом чистоты и порядочности. Он сам верил в это, и не хотел видеть в женщине ничего порочного.

Зекерия человек немолодой, скоро ему будет сорок лет. Он среднего роста, худощавый. Черные кучерявые волосы... Его задумчивые, грустные глаза, замечающие всё, видели многое. Тогда почему он так быстро увлекался, а потом страдал? Или его никто не обманывал, зря себя мучает?

Не много ли он ожидает от женщины?

– Ты человек не нашего времени, – сказал однажды ему его друг.

– Почему? – удивился художник.

– Верить в давно отгоревшее, копаешься в сердце, как в остывающих углях. Сегодня очень мало тех, кто верит в любовь.

– Это разве плохо? – ответил Зекерия, шедший вместе с другом по городской улице.

– Почему плохо, говорю же, ты счастливый человек. Сейчас мало кто верит в любовь.

– А ты веришь?

– В любовь верю, но в верность женщины нет,

– Возможно, ты говоришь эти слова, потому что не уверен в себе?

– При чём тут я, сейчас мы говорим о другом. О том, что женщины двуличны.

– Тебя, наверно, женщины часто обманывали. – Зекерия не по-

нравились слова друга. Почему-то ему показалось, что намекают на Зайнаф, и он почувствовал раздражение.

– Как можно обмануть того, кто и так не верит, – продолжал его собеседник, не обращая внимания на изменившийся голос художника.

– Ты грех на душу берёшь. Судишь наших горянок. Конечно, если женщина увидит, что у мужчины нет крепкого слова, нет жёсткости, она не будет рядом с ним. Любовь женщины – в уме и значимости мужчины.

– Так ты надеешься на свой ум? – улыбнулся друг. – Мол, умного, а тем более талантливую художника женщина ни на кого не променяет... Так думаешь?

– А ты в этом не уверен?

Друг ничего не ответил, лишь тихо засмеялся.

– Пора уже с неба на землю спускаться, – сказал он, наконец. – Женщина, в первую очередь, выбирает сильного мужчину. Потом оценивает его кошелёк и власть.

– Ты на женщину смотришь как на животное, мой друг, – вырвалось у художника. Затем Зекерия замолчал – старался скрыть, что друг его обидел. Но небольшая царапина не могла повлиять на его настроение в целом. Любовь и радость заполняли его душу, и он не мог, да и не пытался сдерживать это двойное чувство. Сомнения со стороны – не для него. Он любит Зайнаф, а Зайнаф его. За ум, талант, жизненную силу. Именитого художника Зайнаф не променяет на кошелёк и большого начальника. Это её счастье. А если женщина обманывает мужчину, значит такой он мужчина. Для всех таких у Зекерии ничего, кроме жалости и осуждения нет.

– Понимаю, – сказал его друг художника, после долгой паузы. – Ты меня считаешь несчастным. Любовь – это большое счастье и богатство. Сила и крылья. Но женщине я не могу доверять, как ты.

Оба долго шли молча. Возможно, из-за того что солнце насквозь прогревало город, от стен домов и тротуаров исходило тепло, бившее в лица прохожих. По разговору определив, что встречные миновавшие их девушки – балкарки, собеседник Зекерии остановился и обернулся на прошедших.

– Смотри, ты сможешь сказать, что это балкарки?! – сказал он.

– Время берёт своё, с этим ничего не поделаешь. – Одежду девушек, их боевой раскрас Зекерия тоже заметил. Эти излишества и ему не нравились. Но что с этим поделаешь, жизнь меняется, её не остановить. Особенно в это время, когда люди устремляются вон из родных сёл. Прямо сейчас, в эти дни, яд сочится и проникает в кровь многих и многих... Как с этим бороться? Запретить им приезжать в город, не выходить в общество?

– Исчезает само понятие любви. Умирает то, что рождает это чув-

ство. Такую чистую любовь, что была прежде у настоящих горянок, найти трудно – понять по лицу и тону собеседника, как он относится к сказанному им же, было невозможно.

– Но есть, конечно, есть и те, которые умеют хранить любовь, – в памяти, сознании, в сердце художника постоянно присутствовала Зайнаф. Вот и сейчас тоже он говорил о ней. Друг это понял и многозначительно улыбнулся.

– Сильно любишь Зайнаф?

Зекерия промолчал.

– Ты знаешь, кто до тебя был её любовником? Кто её содержал?

– У неё не было любовника, – сказал художник изменившимся голосом.

– Да уж, сидела и ждала тебя... Я этого мужика очень хорошо знаю.

У Зекерии какое-то время словно звенело в ушах. Не думал он услышать о своей любимой такое. Другие женщины, конечно, позволяют себе лишнее, увлекаются и обманываются мужчинами. А кому жизнь не диктует свои условия? Но Зайнаф не должна была быть похожей на них. Та, которую любит Зекерия, не могла растоптать свою честь и не должна была без любви класть свою голову на одну подушку с другим женщиной. Художник, ошеломлённый словом друга, стоял, не в силах принять услышанное. Но было понятно, что спутник не лгал.

– Может, не содержал... Может, они любили друг друга, не думаю, что она такая, – в конце концов произнёс Зекерия.

– Нет, этого плосколицего увальня, которого я знаю, Зайнаф не любила ни на грамм.

– Не верю.

– Ты и впрямь живёшь с мыслью, что звёзды загораются не на небе, а на земле.

– Не знаю, как на небе, а земные звёзды это женщины, – Зекерия не мог понять своё состояние, испытывая неопределённое чувство то ли злости, то ли тяжёлого раздражения.

– Конечно, звёздочки, только потухают бесславно, честь свою обесценивая...

Зекерия опять смолчал. Слова друга, сказанные о Зайнаф, смутили его душу, заставили сердце биться сильнее. А друг, не умолкая, говорил и говорил. Однако художник уже почти ничего не слышал и не был в состоянии чётко понимать его слова. У него не было ни сил, ни желания слушать пространственные речи товарища.

Под каким-то предлогом расставшись с другом, он поспешил к Зайнаф. Ему не терпелось посмотреть в глаза любимой, будто в них может отразиться вся правда. Чего хотел художник? Успокоения? Желал вновь обмануться, закрывшись своим чувством от всего мира? А может, ему хотелось разглядеть смущение в прозрачном взгляде Зайнаф?

Художник не мог ответить на вопросы, терзающие его душу. Он чётко понимал одно: на Зайнаф он смотрел по-особенному, как на загадку, как волшебную скрытую сказку. А сегодня он раздавлен. Он не может поверить, что всё, что он знает о девушке, – ложь. Нет, Зекерия не дурак, не обиженный Аллахом полудурок, ему ясно, что жизнь – не сказка и не песня. Тогда чего же он ищет? А если это любовь, то в чём тогда вина Зайнаф? Возможно, она просто обманулась, увлеклась. Ей показалось, что любовь, построенная из белой крепости, не разрушится никогда? Если женщина не любила бы, то вряд ли смотрела бы так нежно и ласково, – подумал Зекерия, вспомнив красивые переливчатые глаза Зайнаф.

Художник утешался мыслью, что этот увалень был с Зайнаф до него. Но сердце не унималось. Он не мог признаться себе, что есть жизнь Зайнаф-женщины, а женщина рано или поздно уступает своей природе.

С тяжёлым грузом на сердце он зашёл в дом Зайнаф. Она была уже дома. У неё двухкомнатная квартира. Раньше она жила с матерью, но три года назад мать вернулась обратно в село. Да и сама она только пять-шесть лет, как перебралась из маленького балкарского села в город. В сельской школе она работала учителем балкарского языка и литературы и была хорошим преподавателем – во всяком случае, в глазах своих коллег, учеников и их родителей. И в городе она продолжила работу в образовании.

Вновь вспоминая всё это, художник долгое время сидел молча. Красивая женщина покинула своё село и живёт одна – в любом случае печально.

– Сегодня не твой день, – сказала Зайнаф, садясь на край топчана. Одна рука её лежала на коленке, другая нервно перебирала пуговицы кофточка. Она с беспокойством посмотрела на художника.

– С чего ты решила? – спросил Зекерия, не отрывая глаз от женщины. Его взгляд прошёлся по Зайнаф с ног до головы, словно её пальцы, длинные пшеничного цвета волосы, красивый стройный стан поведают о всех её секретах. Но они ничего не сказали, не развеяли сомнения художника, ничем не помогли унять сердечную боль. Зекерию снова накрыла обида и ревность. Ему было тяжело представлять эту красивую женщину с плосколицым ухажёром, просто жалко, не жалко – его накрывала жадность! Она не для этого морального и физического уroda!

– С чего решила? А чего я о тебе не знаю? – сказала Зайнаф. Все написано в твоём взгляде и лице.

– А у тебя?

– А что у меня?

– В твоём взгляде ничего не написано?

– И у меня читается, – сказала женщина.

– Что, любовь?

– Разве не видишь?

Зекерия видел многое. Природный уют и ласку взгляда Зайнаф, принятые им за настоящую любовь. Этот взгляд был его пристанищем, покоем и тёплым очагом, делающим его счастливым и одухотворённым после городской суеты и трудного рабочего дня. Сидеть и смотреть в безмятежные красивые глаза Зайнаф – другой радости ему и не нужно было. А сегодня он услышал, что глаза Зайнаф нечестны. И эти слова сегодня все время раздаются в ушах назойливым эхом. Как ему теперь поступить: сделать вид, что ничего не слышал и спокойно жить дальше или все же открыть завесу? Если человек в конечном итоге ищет спокойствия и удобства... Зекерия улыбнулся про себя, настораживая Зайнаф; от женщины не ускользнули горечь и печаль этой улыбке.

– Можно, спрошу, если не обидишься? – сказал художник.

– Спрашивай, не обижусь.

– Может женщина глазами любить одного, а телом желать другого?

– Не испытала. Что это за вопрос? – ответила Зайнаф безапелляционно, не меняя позы, в которой находилась. – Или хочешь написать портрет такой женщины? Трудно не будет?

– Кого называют «плосколицым Алауганом»? Ты такого человека знаешь?

Зекерия не желал прекращать разговор. Зайнаф же не была готова к такого рода расспросам. Однако сумела скрыть своё удивление и не стала поспешно отвечать. Она была умной женщиной, которая быстро понимала и чувствовала каждое биение сердца художника. Если бы она засуетилась, ответила бы в запале торопливо, Зекерия мог насто- рожиться.

– Откуда я знаю, у нас в селе много таких. Моего старшего брата тоже называют «Алауган».

– Я спрашиваю о твоём коллеге. – Зекерия понимал, что поступал неэтично. Но, с другой стороны, чтобы он ни о чем не спрашивал в подобной ситуации, нужно было быть абсолютно равнодушным к Зайнаф. Но равнодушие и любовь не могут вмещаться в одно сердце, тем более – в сердце художника.

Зекерия заметил, что плечо Зайнаф дёрнулось, а рука, находящаяся на коленях, нервно заёрзала.

– Почему бы не знать? Мы же односельчане.

– Он старше тебя на двадцать лет, – почему-то вставил он.

«Ушёл из педагогики и работает на хлебном месте, он намного старше тебя, «широкоскулый» косолапый мужлан, как ты на него вообще посмотрела?» – хотел уколоть Зекерия.

Но промолчал. Ещё он не смог сказать, что она делила с ним по-

стель. Нет, он не опасался разрыва. Наоборот, сейчас ему больше всего хотелось, чтобы женщина разозлилась и накинулась на него со скандалом и оправданиями. Он хотел услышать, что она в жизни, кроме него, никого не знала... Наверное, сложно вычеркнуть из жизни минувшие дни, как ненужный груз.

– Нет, он не на двадцать лет старше меня, – возразила женщина раздражённым голосом. Она и сама не ведала, почему не хотела, чтобы о Мусе говорили плохо. Какая теперь разница, что будут болтать о нём, ведь его в её жизни уже нет. Зекерия же – радость сегодняшнего дня.

– И зря обзывают его косолапым, – неожиданно добавила она, тихо качнув головой. Её взгляд, полный любви, омрачился.

– Я его знаю, он тебя на двадцать два года старше, – буркнул художник, сам не понимая, отчего он привязался к возрасту «Алаугана».

Женщина обиделась и долго молчала, думая, что Зекерия таким образом решил унижить и оскорбить её. Молчал и художник.

– Каждый видит то, что хочет. Имеешь право, – вымолвила Зайнаф.

Да, она многое могла сказать, вспоминая о времени, проведённом с Мусой. Кем он был сейчас для Зайнаф – прошедшими, сгоревшими днями или сладкими, приятными воспоминаниями? Сейчас она и сама не понимает, как она связалась с ним.

Он был человеком, который находился на виду и выполнял государственную работу. Многие женщины хотели с ним дружить, но он предпочёл Зайнаф. И что делать женщине в такой ситуации – играть с судьбой, испытывать её? Годы быстротечны. Вот и Зайнаф уже было двадцать шесть лет. Женщина не успевает расцвести, как тут же увядает. Расцвела – увяла. До каких пор она будет отказывать своей женской природе? Нет, Зайнаф пришла в этот мир не только для того, чтобы хранить свою гордость и честь. И даже усохнув, лишив себя обычного человеческого счастья – от кого она услышит похвалу и признание за отказ от женского счастья любви и материнства?

Жизнь в селе скучна и однообразна. Потенциальные сельские женихи рассыпались с раннего утра по ближним турбазам, уезжали в город и возвращались поздним вечером. Сидеть дома, целыми днями вслушиваясь в тишину села, не очень легко. И в один из таких дней Муса пригласил её на зелёную поляну, за верхней окраиной села. Из соседнего городка туда приехали ещё трое-четверо мужчины, которых она не знала. Все были с любовницами. Как поняла Зайнаф, они считали себя счастливыми женщинами. Пили водку, смеялись, наслаждались природой. Зайнаф в тот день впервые попробовала водку. А что тут такого, разве женщине, у которой нет мужа, нужно умирать? До сегодняшнего дня Зайнаф видела одну сторону жизни, а теперь она открыла другую сторону – светлую, радостную и кто её за это может

осудить? Каждый человек хозяин своей судьбы, и никто не может навязывать ему то, что сам не хочет.

Ты стесняешься сельчан, народа, а потом что? Сельчане с лёгкостью могут судачить об оступившейся женщине, но редко вспоминают о её достоинствах. Это очень задевало Зайнаф. Честь, которую она хранила с детства, после того как побывала на поляне, соседи утопили в реке, бросили в огонь и сожгли. Что такого они видели, чтобы так болтать о ней? Разве сельчане, взрослые люди, не должны оберегать честь молодой девушки? А вместо этого они сравнивали её с землёй, растоптали её, приравняв её к падшим. Из-за одного неосторожного шага, и теперь, после этих разговоров, она больше не боялась пересудов, хуже не будет – с обидой решила она тогда.

Любила ли Зайнаф Мусу – вряд ли. Женщина недовольно бросила взгляд на художника: «Как он говорит, “широкоскулый”, большой, как верблюд, косилапый. А о его человечности он знает? Знает ли Зекерия о его щедрости? Где городским до него. Вот на что способны городские!» Женщина почему-то поддела пальцем круглые красные бусы, которые были на шее. Это был подарок Зекерии.

– Вместо кольца дарю, будешь носить от моего имени, – сказал художник.

– Хорошо, считай, что подарил кольцо, – ответила Зайнаф. – Разницы нет.

Женщина через некоторое время расслабила палец и освободила бусы. Она была недовольна тем, что художник заговорил о Мусе. Как бы там ни было, он стал для неё на какое-то время скрытой, но надёжной опорой. Не один день вместе делили хлеб-соль, скрываясь от народа и семьи Мусы. Что скрывать, от себя все равно не убежишь – вместе согрели постель. Вспоминая обо всем этом, женщина встревожилась, будто Зекерия может прочитать её мысли.

Да, правда, перед Мусой Зайнаф проявила слабость, увлеклась. Ну и что? Нисколько не жалеет об этом. Человек не должен сожалеть о прожитом. Даже сейчас дорожила памятью о Мусе и вовсе не хотела оборвать все связующие их ниточки. Однако ей не хотелось, чтобы об этом знал Зекерия. Зайнаф разозлилась – пришёл, устроил допрос! Бедный человек, который ищет на свою голову проблемы и душевную боль. Кого он любит, Зайнаф или её прошедшие дни?

– Сегодняшняя, вчерашняя Зайнаф для меня одна, я их не хочу разделять, – сказал художник, будто читал её мысли.

Зайнаф вздрогнула, насторожилась. Потом взгляд её вдруг смягчился – девушка почувствовала свет глаз Зекерии, и как-то странно встрепенулась душа. То, что она прочла во взоре художника, обрадовало и одновременно расстроило её. Но в причине расстройства Зайнаф не признавалась даже себе.

– Никто не вправе упрекать меня за минувшие дни, – сказала она. – Любящий человек не будет копаться в моей прошлой жизни.

– Возможно, ты и права, но прошедшие дни – это не проходящие дожди, они всегда возвращаются к человеку, – сказал художник мягким голосом.

Зайнаф погладила щеку ладонью, и на её лице отражалось задумчивость. Нужно ли ей отвечать ему второпях: ведь она дорожит любовью Зекерии и не хочет его обижать. Сейчас их любовь находится между небом и землёй, неизвестно когда улетит прочь. А у женщины всегда должна быть опора и место, куда можно вернуться, когда испепелится от любви. У Зайнаф на лбу не написан её прошедший грех. Не иссохнет, не стоскуется, потерпит... Взгляд девушки отвердел.

– То, что говорю, я говорю не для того, чтобы обидеть тебя. Возможно, я возлагаю большую ответственность на женщину. Просто мне нравятся честные горянки, потому я, наверное, говорю лишнее, – сказал Зекерия после долгого молчания грустным и осипшим голосом, стоя у окна.

– На женщину возлагать обязанности очень легко, труднее жить, – сказала Зайнаф.

Она часто с благодарностью вспоминала Мусу и дни, проведённые с ним. Легко было с «плюсколицым», не было у него никаких излишних претензий. Или Зекерия прав, когда говорит, что любовь и безразличие не живут вместе? Может, Муса вовсе не любил Зайнаф и потому был безразличен к минувшим дням. Получается, что в сердце Мусы эти два чувства как-то умещались. Если сердце мужчины не согревает женщину, как он может согревать её постель – разве это не унижительно для неё?

– Для себя или для народа должен беречь свою честь, достоинство человек? – спросил Зекерия и посмотрел в глаза Зайнаф.

– Ты почему это спрашиваешь у меня?

Художник пожал плечами – если бы знать!

– Зря спросил.

– Наверное, надо стесняться людей, народа, – проговорила Зайнаф с сомнением в голосе.

– А себя?

– Если делает то, чего просит душа и тело, почему он должен стесняться? – по лицу женщины было видно, что она искала подтверждения своему, в общем-то, риторическому вопросу.

– Это разговоры, – отрезал художник. – Ты это понимаешь лучше меня. Если человека побеждают его инстинкты, то он не многим отличается от животного.

Здесь Зекерия был, конечно, прав. Зайнаф очень хорошо понимала всё. Она знала, к чему ведёт мужчина в итоге и молчала именно поэтому.

– Если женщина любит мужчину, то она должна любить, невзирая

ни на что, – сказал художник. – Сгорая, нужно гореть до конца, чтобы не осталось закваски.

«Почему же он боится такой мелочи? Закваска! Или себе не доверяет? Закваска – капля, которая помещается в ложку. Какой вред может принести любви мужчины и женщины? Или он думает, что если сохранить корень, то в этом обманчивом мире закваска может понадобиться ещё раз?.. Наивный. Что ж, доверчивая голова – камень, покотившийся в ущелье. Вольно рассуждать им, мужчинам. Смотрите на него, на этого капризного парня.

«Плосколицего Алаугана» знаешь, говорит?! Да уж, знаю. Но кто найдёт женщину, отвечающую на все вопросы?»

Зайнаф и Зекерия переглянулись. Оба молчали. Было понятно – женщина не открыла своего сердца. И художник не решился дальше спрашивать. Он многое понял, но не хотел этого показывать Зайнафу – любовь была сильнее обиды.

С тех пор прошло много времени. И вот Зекерия вновь, в сотый раз вспоминает этот разговор, тихо сидит перед мольбертом, рассматривая портрет, работы над которым осталось на один день, но нет решимости, нет воли на последние движенья кистью. Взгляд его прикован к картине, словно если он отведёт глаза в сторону, то красивая и статная женщина, запечатлённая на холсте, обидится и исчезнет.

Она стоит, потянувшись вверх, держа правой рукой ветку лещины, вся устремлённая ввысь. На ней белая кофточка и чёрная юбка. В траве еле видны туфли на каблуках. Её гладкие ноги цвета мёда, по спине мягко, как бурка, лежат волосы. Все это словно символы чистоты, красоты сливались с самой природой и становились неотъемлемой частью её. Эта гармония удивляла даже самого художника.

В картине – радость, грусть, ещё какие-то неясные ощущения, неразличимые и неопределённые и для самого художника, но ожидание одно: сейчас эта женщина взмлет в небеса. Но не летит. Она часть природы, воплощение природы, вся её благодать, сконцентрированная в драгоценный алмаз, льющий прозрачный свет на травы, ветви, листву, на каждый отдельный листок... Так стоит эта женщина. Даже чистейший звук бегущего вниз ручейка, его ракушечное журчание и щебет напоены светом её красоты. Красоты и радости лёгкой фигуры, взятой у неё торопливой водой, спешащей донести их до любящих сердец.

Зайнаф, наклонив голову к плечу, смотрит с портрета на Зекерию. Всё удивительным образом складывается в этой картине: еле заметная улыбка женщины, высокое чистое небо, зелёная сказочная поляна, парящие высоко в небе пернатые и голубоватые горы вдалеке – всё здесь, в почти законченном полотне.

Глаза Зайнаф переливчаты и чисты. С небольшой поволокой, горящие о многом и многое умеющие скрывать. «Думаешь, ты меня понимаешь и доволен собой, жди!» – таилось в зрачках женщины.

Зекерия хорошо помнит, когда и как он начал писать портрет Зайнаф. Это был незабываемый день, который остался в памяти навсегда. Своей неизбывной сладостью, чувством довольства... А почему – Бог весть, Зекерия не знал.

Зекерия и Зайнаф родились в одном селе, правда, он был старше на двенадцать лет. Когда Зайнаф переехала в город, художник, случайно встретившись с ней, неожиданно познакомился с совершенно новым для него человеком, со взрослой девушкой, знающей себе цену и осознающей свою красоту. И днём, и ночью он ждал встречи с ней, не упускал возможности поговорить, долго ухаживал за ней, чтобы узнать её заново. Ещё прошлым летом он понял, что ему трудно будет жить и работать без Зайнаф. Он ощущал её своей надеждой и судьбой. Ему казалось – эта женщина рождена для Зекерии и совместной жизни с ним. Природа наделила Зайнаф красивой фигурой, собранностью. Бог дал Зайнаф тонкую белую кожу лица, красивые брови и чистые глаза для Зекерии. Да это было так. И по-другому не могло быть. Её судьба – быть его крыльями. Свободными, гордыми крыльями.

А в тот день художник встретил её в центре города:

– Пойдём, на малиновую поляну,

– Я не знаю малиновую поляну.

– Сегодня узнаешь, – пообещал Зекерия.

Зайнаф не отказалась. Небольшая поляна, куда они пришли, находилась между двумя небольшими холмами. Когда-то здесь, действительно, росло много малины. Теперь даже побегов нет. Если и есть – женщина не увидела, но всё равно место почему-то напомнило ей родное село, её словно накрыло волной тёплых, сладких чувств.

– Всех женщин, которые нравятся, сюда приводишь?! – Зайнаф, держа ветку орешника, стояла тихо и настороженно. Она сначала улыбнулась Зекерии, потом взгляд её устремился куда-то вдаль.

Даже не обернулась на ответ Зекерии.

– Нравится поляна? Разве не удивительно, что красота поляны сохранена, – сказал художник.

– Если сохранилось, тогда где малина? – спросила женщина. «Была у меня поляна в верхней части села. Муса водил меня туда», – хотела добавить она.

Зайнаф на минуточку показалось, что она увидела на той стороне гор поляну, которую подарил ей Муса. Она сняла туфли и босиком шагнула в колышущую траву. В этот миг поляна заполнилась запахом

малины. Пальцами ног почувствовала какое-то тепло, но не поняла, на что наступила и вышла обратно.

– Хочешь, подарю эту поляну тебе?! – сказал Муса, сделав вид, что не заметил, что у Зайнаф пальцы ног выкрашены в малиновый цвет.

«Надо было сказать, пока я не раздавила малину, – мелькнуло в голове девушки, но она тут же отмахнулась от этой мысли – Ладно, не велика потеря...» Какие-то неясные картины, разговоры, мечты вдруг охватили её, и она пару мгновений стояла в полузабытьи, пытаясь взглянуть в прошлое.

Размышления женщины нарушил Зекерия. Он медленно подошёл к женщине и осторожно взял под руку, словно хотел почувствовать её тепло.

– Эту поляну я очень люблю, – сказал художник. – Пусть теперь это поляна будет общей. Общей любимой.

Он слышал сердцебиение Зайнаф и замер, радуясь возможности и поводу почувствовать тепло её плеча, возможности понять, ощутить свою спутницу. Женщина ничего не сказала. Эти слова она уже слышала. Давно. Только почему ей вновь повторяют их? Кто из них льстил и обманывал – Муса или Зекерия?

– Я не против, у каждого человека должна быть своя зелёная поляна, – сказала Зайнаф, просто, чтобы нарушить затянутые секунды молчания и подумала, что поляна, которую ей подарил Муса, была полна спелой малины.

Хотя когда она снова пришла туда – малины не было... Зайнаф запнулась – может она обманывает сама себя, принимая желаемое за действительность? На следующий год, когда туда поехали, малины не было. Травы было мало, а местами земля была даже голой. Потом ещё ездили, надеясь, что поляна вновь расцвела. Не расцвела и не восстановилась. Шумела там не трава, а жёлтая пыль, наметённая ветром из соседнего городка. Вспомнив об этом, Зайнаф опечалилась. А сейчас она не знает радоваться или огорчаться тому, что Зекерия подарил ей новую поляну.

– Эта поляна пусть будет не только твоей, а нашей, – сказал художник.

– Малиновая поляна без малины. Почему высохла? – спросила Зайнаф, присев в тени дерева и поправив подол юбки, чтобы колени оказались прикрыты.

– Не беда. Поляна опять станет ягодной. Земля – как человек. Художник сел на корточки и двумя руками раздвинул траву.

– Если не веришь, посмотри сюда.

Зайнаф подошла и нагнулась. Словно крылья мух, тонкие листочки ещё не похожи на ростки малины, но женщина узнала их: зелёные треугольники, с пушистым покровом, запутавшиеся и приклеенные к листочкам.

– К следующей весне наберут сил и заполонят ягодами нашу по-

ляну. Тогда наша поляна будет похожа на женщину в белом, – сказал Зекерия.

– Ладно, если ты эту поляну так любишь, пусть будет так, как ты хочешь. И полюблю её.

– Полюбишь или любишь? Ответ женщины художник ждал, затаив дыхание. Но она не спешила с ответом. Снова она вспомнила поляну, куда ездила с Мусой и задумалась. «Почему, интересно, высохла та поляна за селом», – спросила она себя. Зекерия заговорил, словно знал, отчего, когда, как зацветёт эта поляна. Как получилось, что Муса не знал то, что знает Зекерия? Женщина долго стояла и не могла прогнать печаль, неожиданно толкнувшую сердце. Вдруг та поляна жива. А Зайнаф? Разве она не покинула своё село, родные места, подумав, что всё высохло и осталось без единого побега? И если село, родное место остаётся без ростков, то это не может быть причиной покинуть его. Женщина стояла, упорно прислушиваясь к себе, испытывая незнакомые переживания, дотоле ни разу не касавшиеся сердца. Сейчас, прямо в этот миг она поняла, что не хочет забывать ту, прошлую поляну, посвящённую ей Мусой. И то, что всё это время она лгала себе, делая вид, что память её пуста. А если так – что она могла сказать Зекерие?

– Как только пришла – полюбила твою поляну, – сказала Зайнаф мягким голосом.

Художник потихонечку приблизился к женщине.

– Правду говоришь? – спросил вкрадчивым голосом

Однако чистые глаза Зайнаф, её взгляд говорили без слов. Сердце художника успокоилось, открылось. Зайнаф отошла в сторонку и остановилась у прозрачного извилистого ручейка, который, как сверкающая плетёная тесьма, тянулся куда-то вниз. Зекерия вновь подошёл к ней.

– Поляне нельзя льстить, обидится и не расцветёт больше, – сказал художник. Женщина молча сняла туфли. Одной рукой держась за плечо Зекерии, своей белоснежной ногой прикоснулась к поверхности – водичка, забеспокоившись, запенилась на ноге Зайнаф и заеребрилась.

Зекерия, лёжа на топчане на спине, не двигался и, не желая двигаться, лежал долго. В его единственной комнате нет порядка. Картины, которые он написал, висят на стенах или собраны по углам. А посредине комнаты – холст, натянутый на подрамник, с портретом высокой тонкой женщины, похожей на взлетающую птицу. Взлетела ввысь и заплутала в облаках – нет теперь у Зекерии малиновой поляны. От одной весны до другой не дотерпела: дала побеги, но не зацвела. Чуть

раньше художник сходил туда. Один без Зайнаф. Трава, растоптанная чьей-то обувью, была редкой. Малина еле-еле расцветшая то тут, то там, бессильная и безмолвная скрывалась от глаз.

Зекерия нехотя встал и немного походил по комнате. Потом снова сел на топчан. Словно доселе непонятная сила водила его далеко, высоко, окрылила, а потом уронила и оставила без сил. Сначала окрылила, потом обрезала крылья. Парящее сердце тоже оказалось в пропасти и теперь все старается выбраться оттуда и никак не может.

Художник сидит, не двигаясь, смотрит на телефон, лежащий на краю топчана. Разве виноват безъязыкий телефон, что Зекерия не слышит голос Зайнаф?

Зекерия знал, что чувства женщины не остыли к нему. Тогда что мучиться? Он был уверен, что если сегодня, сейчас, без предупреждения пойдёт к Зайнаф, то двери её дома открыты для него. Он вновь обретёт покой, благодать, станет вновь счастливым. Почему он выбрал страдание и обиду, а не любовь? Иногда для душевного покоя нужно уметь забывать увиденное и услышанное. Никто не предъявит тех претензий, которые ты сам себе можешь предъявить. Не предъявишь – свободен, только что даст эта свобода? Человек не свободен только от своего достоинства и чести. «Если хочешь знать, то каждый человек хозяин своей судьбы и жизни», – сказала Зайнаф однажды Зекерие. Да уж, поторопилась выдать сокровенную тайну! У Зекерии в тот момент и в мыслях не было читать ей мораль.

– Правильно говоришь, – сказал Зекерия, на самом деле обидевшийся: «Я, дурак, не так думал. Думал, что мы друг перед другом несём ответственность». Зайнаф ответила лишь своим молчанием, впрочем, вполне понятным молчанием.

В тот день Зекерия зашёл к Зайнаф рано утром, без предупреждения. Спешил побыстрее встретиться и завершить портрет. Женщина не сразу открыла дверь. А Зекерия ещё с порога застыл на месте.

– Что с тобой случилось? – спросил он взволнованно.

Зайнаф встала посреди комнаты растерянно, накинув на себя тонкое летнее платье. Волосы растрёпаны. Под глазами синяки, лицо и губы бескровны. Будто всю ночь на спине мешки таскала.

– Вчера вечером ты красотой ослепляла, а сегодня что случилось? – спросил художник с тяжёлым сердцем.

– Что может случиться, все хорошо, – ответила Зайнаф поглаживая ладонью скулы. Будто спрашивая, что не так с её лицом. Зекерия, успокоившись, шагнул вперёд. Но тут же его взгляд почему-то зацепился за кровать – художник сам не понял, почему он так сделал, просто загнулись глаза, и он замешкался. Никогда Зекерия не видел на кровати

Зайнаф две подушки. Помятые белоснежные подушки, готовые рассказать о слабости женщины, были свидетелями того, что здесь гостил сторонний человек.

Подушки-доносчицы. И женщина заметила, что взгляд Зекерии остановился на них.

Она вздохнула, обняв плечи голыми руками, и затихла так. Тяжёлая тишина комнаты угнетала их, и они стояли некоторое время растерянными. Поведением, внешностью, беспокойными глазами, руками, не находящими себе покоя, Зайнаф просила «уходи». Художник понял это, но не ушёл. Присел на мягкий стул там, где стоял, и пристально посмотрел на женщину.

Зекерия был из тех, кто умел доносить свои мысли до собеседника глазами. Но затем он отвёл взгляд от Зайнаф, склонил голову и наткнулся на мужские туфли. Стоптанные туфли, напоминающие большие лодки. На них осел жёлтый песок, на каблуках застыла грязь. А рядом другие туфли – шпильки Зайнаф, напоминающие ложки, косточки, выкрашенные в коричневый цвет. Туфли, похожие на лодки, косолапые, стоптанные на одну сторону, стояли, прижавшись друг к другу, как телата, прижавшиеся к коровам.

Зекерия не мог оторвать взгляд от них и поднять голову, и долго сидел, не желая показывать своё вспотевшее лицо женщине. Смотрел вниз, словно взглядом хотел испепелить обувь или желая, чтобы они от стыда спрятались дальше под кровать. Однако они не стеснялись, не убегали от мужчины, даже не шелохнулись. И красивые маленькие туфли, похожие на ложки, ещё больше прижались к «косолапым лодкам».

– Вечером брат из села приезжал, – сказала Зайнаф, злясь на туфли-предатели, выдавшие её.

– Зря своего брата отправила босым на улицу, – сказал художник, боясь увидеть или услышать в другой комнате широкоскулого Мусу.

Зайнаф смолчала, незаметно бросила осторожный взгляд на дверь другой комнаты, а потом на Зекерию. Сейчас она ненавидела его задумчивые глаза, талантливые тонкие длинные пальцы, умелую речь. Ей почему-то стало холодно. Чтобы не показывать Зекерии свою дрожь, она ещё сильнее обняла себя. Серые глаза её, так часто рассказывавшие художнику о любви – говорящие о любви – погрустнели.

– Оказывается, я не умею выбирать бусы. Кто мог подумать, что каблуки туфель могут так легко раздавить бусы, – осипший голос Зекерии не сумел скрыть того, что сердце его плачет. Художник наклонился вниз, собрал в ладонь камни бус, раздавленных каблуком «косолапой лодки». «Камешки от моих бедных бус», – шёпотом произнёс Зекерия. Чуть дальше тоже краснели ещё две бусинки. А затем Зекерия увидел их под столом, кроватью. Их было много. Словно разбросан-

ное, рассыпанное просо. На той стороне кровати, словно веретенница с оторванной головой, желтела шёлковая нить с девятью-десятью зёрнами. Зекерия встал и взял её в руки – хотел собрать бусы, но его пальцы дрожали, он не смог нанизать ни одну бусинку.

– Я сама нанижу их на новую нитку, – сказала Зайнаф, почему-то прижимаясь к окну.

– Теперь, ты их вряд ли это сделаешь, – тяжело вздохнул художник. – Однажды рассыпавшиеся бусы невозможно собрать, так же, как раньше.

Зайнаф резко повернулась к окну. В её осанке, спине, плечах, в том, как стояла женщина, художник читал явную готовность к ссоре. Что ж, он сам виноват, нечего с утра пораньше врываться без предупреждения. Жил бы себе счастливый и довольный – ничего не увидевший и не узнавший. Мужчина долго стоял посреди комнаты, затем шагнул и вновь приостановился у порога. Подождал, когда женщина повернётся к нему.

– Я пошёл, будь счастлива, – стоя в дверях, сказал Зекерия.

Зайнаф спешно повернулась назад. Тело в одно мгновение ослабело, стало немощным. Она не верила, что Зекерия сможет уйти так запросто, тихо... Не сказав и не услышав слов утешения. Как можно было так быстро взрастить крапиву на тропинке, по которой ходили, любили, были счастливы. «Разве нет у тебя мужества простить ошибочный шаг женщины?» – говорили страдающие глаза Зайнаф.

– «Нет у меня такого мужества», – чётко и категорично ответил взгляд Зекерии.

Женщина не вышла его провожать. Зекерия направился верх по улице, ступая жёстко и торопливо. Он никого не видел, не слышал городской суеты. Никогда он не спешил так, как сегодня, завершить портрет Зайнаф. Однако вскоре ясное, чёткое решение – быстро прийти домой и закончить портрет своей мечты, чтобы портрет не растаял и не исчез, как снег, – вдруг потеряло определённую, развеялось.

«Зачем мне теперь её портрет, какой в нём прок», – подумал Зекерия, замедляя шаг.

Всё было смутно. Он не понимал себя.

Много ли, мало ли прошло с тех пор – Зекерия каждое утро начинает с желания завершить портрет Зайнаф. Но не получается. Вот и сейчас сидит, не двигаясь, на краю топчана и вспоминает дни, проведённые с Зайнаф. Неужели это время должно было уйти, исчезнуть, улететь прочь, заблудиться в облаках?

Зекерия посмотрел на портрет Зайнаф. И Зайнаф тоже смотрела на него. Одну руку женщина протянула к орешнику, даже не понятно

– взяла она ветку или нет. На ней белая кофточка, юбка, обтягивающая фигуру. Сквозь траву видны туфли на высоких каблуках, выкрашенные в коричневый цвет. Медового цвета гладкие ноги, тяжёлые волосы, рассыпанные по спине. Повернув голову через плечо, смотрит она на Зекерию.

Солнечные лучи, пробиваясь сквозь листву лесного ореха, касаются её бус, пуговиц, рассыпаются, словно золотая вода, в мягкую траву. Слепя глаза женщины, лучи солнца играют на верхушках деревьев, на молодых листьях, чуть подальше – в песне и журчании ручейка.

Зекерия не знает – свет солнца или тепло женщины согревает окружающее. Почему-то портрет вновь разбередил его душу, сердце остро царапнула тоска, и как-то странно пересохло горло. Что не даёт ему покоя, что торопит? Как будто женщина в рамке, действительно может улететь. Улететь, не вернуться, потеряться, не найдя поляны Зекерии.

– На поляне – нашей общей поляне – ты была такою! Ты помнишь, это, Зайнаф? – прошептал художник. «Я и сейчас такая, мужчина видит женщину такую, какой хочет видеть», – ответили ослепительные солнечные глаза девушки.

– Ты осиротила нашу поляну.

– И кто в этом виноват?

– Ты испепелила траву на поляне, теперь там не будет расцветать малинник.

– Не слышал: «Жизнь – это гора, жизнь – скала». Разве виноват тот, кто не предвидел, когда он оступится, когда его крылья запнутся на утёсе?

– Разве не каждый человек знает свой утёс? – прошептал Зекерия.

Перевела с балкарского Лариса Ахаева

ГОРЬКАЯ ДОЛЯ МАТЕРИ

Рассказ

Жизнь в стране становилась изо дня в день всё лучше. Даже небольшие изменения в сельском быте казались настоящим прорывом к светлому будущему. Люди были уверены в завтрашнем дне и двигались вперед с особым энтузиазмом. Создавали в новой стране мирную жизнь и в мечтах, и в реальности, когда началась война. Она принесла горе и разруху, голод и потери.

Мусабий создал семью с Аминат, и казалось, что их счастьем не будет предела. Однако все планы разрушила жестокая и беспощадная война, которая варварски вторглась в их молодую жизнь.

Мусабий ушел на фронт в числе первых защитников Родины, и Аминат, рано познавшая сиротскую долю, вновь осталась одна. И теперь смыслом её жизни было ожидание: она ждала Мусабия и писем от него. Аминат получила всего два письма. Только перечитывая их, она находила успокоение для своей души и продолжала жить дальше.

Жить в селе стало трудно. Теперь и мужскую работу приходилось выполнять женщинам. Всё село погрузилось во тьму печали и бытовые тяготы. Редко можно было встретить на улице улыбающегося человека, словно все лица окаменели. Да и зима не пощадила людей. Всем без исключения в селе было тяжело и безрадостно. Старики и женщины поддерживали друг друга как могли.

С фронта начали поступать похорожки, что ещё больше подавляло людей и усугубляло общее горе. Страх поселился и в душе Аминат. Она боялась получить горькую весть о Мусабии и потерять нить надежды.

Трудно, но село пережило суровую зиму. Наступила долгожданная весна. У Мусабия родился мальчик. «Хоть бы сейчас он увидел своего сыночка», – тяжело вздыхала Аминат. Соседи зашли проведать мальчика и принесли в подарок кто что мог. После всех благопожеланий в адрес новорожденного соседи наперебой добавляли: «Боже, как ребенок похож на отца!»

Келимат, тётя Аминат по матери, часто проводывала их, стараясь поддержать племянницу в трудную минуту. «Если бы моя бедная сестра была жива, порадовалась бы появлению внука», – говорила она, еле удерживая слёзы.

Это тяжелое время проходило в тревогах и волнениях не только

для Аминат, но и для всей страны. Чтобы прокормить своего ненаглядного сыночка, Аминат трудилась днем и ночью, не покладая рук. От Мусабия уже три месяца не было вестей. Подавленная горем и страхом Аминат постоянно обращалась к Всевышнему с просьбой: «О Всемогущий Аллах, прошу, сохрани для ребенка отца, для меня мужа, убереги Мусабия от моих плохих мыслей, которые лезут в голову».

Как-то, заметив, что в доме Аминат все продукты перевелись, Жансурат принесла им ведро картофеля. Аминат благодарила свою благодетельницу: «Пусть Бог вернет тебе сторицей твою доброту. Я никогда не забуду твою поддержку».

Наступила осень. Азретик начал уже ползать. «Радость моя, солнце моё, что бы я делала без тебя?» – радовалась сыночку Аминат и продолжала жить дальше. Хамит, муж тети, заготовил ей на зиму дров. Не знала и не думала Аминат, что первые ноябрьские дни принесут ей горькие вести.

Она смотрела не отрывая глаз на своего спящего ребенка и мысли её витали где-то далеко, когда в дверь настойчиво постучали. Со словами: «Аллах, Аллах, что за пожар?» – открыла дверь и остолбенела. По выражению лица пришедшего сразу поняла, что он принес недобрые вести. «Боже мой, оказывается, зря говорят, что день сироты позже придёт. Мой день, наверное, никогда не настанет. А сегодня он померк навсегда», – запричитала она и горько заплакала.

Прошли годы. Весной 1944 года судьба ещё раз испытала балкарский народ. Всех от мала до велика депортировали в Азию. Народ не сломался. Люди поняли, что их спасут присущие им качества: трудолюбие, честность, человеколюбие, терпение...

Аминат, собрав себя в кулак, оставляя сыночка одного, вместе со всеми ходила на работу. Сила духа помогла соплеменникам не только подняться над ежедневными трудностями, но и возродиться для новой жизни.

Людям, много лет тосковавшим по горным просторам, ледяным бурлящим рекам, серебряным водопадам, новость о возвращении принесла огромную радость.

Аминат вместе с сыном Азретом тоже вернулись в родное село. Но их домик был разрушен и не было никакой возможности там жить. Их приютила семья тети Келимат.

Аминат сразу начала работать на ферме, где за трудолюбие и показатели была отмечена наградой. Силами колхоза ей построили домик из трех комнат – как семье фронтовика, не вернувшегося домой. Радуюсь, что у неё есть собственный дом, Аминат занялась обучением сына. Его стать, походка, лицо – всё напоминало об отце, так он был похож на него. Сестры Мусабия были рады, что у покойного брата рос достойный наследник. Азрет был воспитанным и прилежным учеником, успешно окончил школу.

«Сынок, в школе тебе было интересно и учился ты хорошо. Если продолжишь образование, я буду очень рада, да и жить тебе будет легче», – наставляла мать. Мечта её сбылась, Азрет поступил в университет. Теперь Аминат почти не спала, ночами напролет вязала, а в субботу и воскресенье отвозила товар на рынок. Так жила в течение пяти лет. За заботами о сыне Аминат забыла о себе. Перестала следить за внешностью, здоровьем, волосы поседел, да и лицо приняло старческий вид.

После окончания учебы Азрет пошёл работать прорабом на стройке. В один из вечеров мать говорит сыну: «Сядь, пожалуйста, рядом со мной, послушай. Много горя хлебнула я в жизни. Самой большой радостью для меня был ты. Я всегда старалась делать всё для твоего счастья. Если я увижу тебя семейным, то счастливее меня никого не будет на этом свете».

– Мама, немного поработаю, встану на ноги, только потом исполню твоё желание, – ответил Азрет.

– Вместе с женой будешь строить жизнь. А я помогу, чем смогу. Москва тоже не сразу строилась.

Подумали, посоветовались и остановились на кандидатуре дочери Адилгерия из своего села. Золовка Аминат сказала: «Дочка Адельгерия – работающая и воспитанная девушка. То, что мы искали на небесах, нашли на земле. Если вы не против, я сама договорюсь с ними».

Азрет женился в последние дни осени. Чтобы сироте поднять настроение, родственники отца, да и сама Аминат сделали большие затраты и справили пышную свадьбу на удивление всем. В доме жениха дочери Адильгерия оказали большие почести. «Теперь, если даже умру, ни за что не переживаю», – говорила Аминат.

Не успели оглянуться, как год пролетел. В семье родилась девочка. Сноха целыми днями была баклуши. Даже посуду мыла Аминат. У невестки всегда сдвинуты брови, со свекровью не разговаривает целыми днями, не подпускает её к ребенку. Не ест то, что приготовила свекровь. Пока Азрет на работе, невестка не выходит из своей комнаты. А в один день Азрет матери говорит: «Ты готовишь еду как-то невкусно, пусть сноха твоя готовит».

Так это было обидно матери, что слезы подкатили к горлу, бедная мать ушла в конец огорода и долго плакала. «Правду говорят, что собственный ребенок может возвыситься до небес, но также может сравнять с землёй. Как жить-то дальше? Я совсем не нужна им. Где я упустила воспитание сына? Неужели забота и любовь дали такие плоды? Что мне делать? Говорит – не готовь. Наверное, не буду готовить», – успокаивала себя.

Аминат не подходила к плите целый день. Еды нет, снохи тоже нет. Вечером вышли, себе приготовили ужин, поели, а об Аминат даже не вспомнили.

Однажды Аминат вошла в комнату снохи. Та даже не привстала.

«Невестка, моя дорогая, я у тебя хочу спросить. Что плохого я тебе сделала, что ты меня так чураешься?»

– Ни видеть тебя, ни жить с тобой не хочу, – сказала та, глядя прямо в глаза свекрови, словно хотела уколоть побольнее.

Аминат от обиды не знала, что сказать. Выбежала из комнаты и безудержно плакала. Что о снохе говорить, её сын Азрет тоже изменил отношение к матери. Разговаривал холодно, с подчеркнутой сдержанностью. За стол с матерью вообще не садился. Жили как чужие.

В тот год весна была ранняя. Аминат подоила корову и выгнала пастишь, зашла домой, села выпить чашечку чая. Как-то на душе у неё было светло. «Мама, ты пришла?» – спросил Азрет и сел рядом с матерью. Она так обрадовалась, что сын, наконец, заметил мать, что не смогла сразу ответить.

– Я и твоя сноха решили переехать в город. Здесь нет работы по душе. Если хочешь, поедem с нами, – сказал вдруг сын.

Долго молчала Аминат от неожиданности. Потом собралась с духом и ответила: «Азрет, свет моих очей, чтобы все твои болезни перешли ко мне, дом у тебя есть, работа хорошая. Зачем переезжаешь? – спросила, еле сдерживая слезы. – Я не могу оставить очаг твоего отца». – «Мама, не плачь, буду приезжать часто», – сказал сын и ушёл в свою комнату.

Через две недели подъехала машина, остановилась возле ворот. Погрузили вещи. Сноха и Азрет сказали: «Давай, с Богом оставайся!» – и уехали.

Аминат смотрела за ними, пока машина не скрылась за холмом. Сегодняшний день заставил её вспомнить о том, что она была сиротой, вдовой, изгнанной из своего края.

Забегала домой, сняла со стены портрет Мусабия, прижала к груди и горько в голос заплакала. С кем разделить боль, нанесенную единственным сыном?

Первое время Азрет с женой навещали мать. А потом начали приезжать всё реже и реже. Состояние Аминат ухудшилось. Сердце часто болело, да и душа не была спокойна.

Пришла зима. Выпал глубокий снег, настали холода. «Упаси Аллах умереть в такой день, люди замерзнут на холоде», – переживала она. Попросила соседей: «Если утром не будет клубиться дым из дымохода моего дома, занавески будут не отодвинуты, не поленитесь, пожалуйста, придите и посмотрите. В последнее время мне не нравится моё состояние. Сегодня долго не могла встать с постели, сил не хватало, даже языком трудно было ворочать».

...Она сидела у окна и смотрела на улицу. Кто знает, кого она ждала и кого хотела увидеть перед смертью. Так Аминат и покинула этот мир, сидя возле окна.

СОЛНЦЕ ЛЮБУЕТСЯ, КОГДА ЛАСКАЕШЬ СИРОТУ

В то время мы не понимали, что наше детство было счастливым и беззаботным. В каждой семье было по шесть-семь детей. С утра до вечера мы играли то у нас, то у соседей. Я не видел ни одной мамы, которая не встречала нас радушно.

Мой отец был спокойным и благородным человеком. Когда ему было восемь лет, его отец умер от удара лошади. Тогда он учился в первом классе. Их было четверо братьев. Бабушка Забитхан, младший брат отца Алиймырза, его жена – злющая женщина и двое детей – мальчики. После смерти матери не было возможности продолжить учёбу. Так я и остался с образованием в один класс. Два старших брата окончили школу и уехали поступать в город. Самому младшему из нас было шесть лет. Он был самым шустрым.

Как только мне исполнилось двенадцать лет, брат отца начал упрекать меня:

– Теперь ты большой парень, надо начинать работать. Есть кош и для баранов, и для скотины. Есть кому за ними смотреть. Что сиднем сидишь дома? Иди паси моих овец».

С каждым днём наша жизнь становилась всё сложнее и сложнее. Жена Алиймырзы не любила нас и не давала нам покоя.

Не знаю, сколько времени прошло после смерти отца, но мать вышла замуж за пожилого мужчину, оставив нас. Бедная моя бабушка, спокойная и добрая женщина, старалась никого не обижать и никого не осуждать. Чтобы утешить нас, бабушка говорила:

– Я сама выдала вашу мать замуж, зная, что здесь ей жизни не будет, но предупредила её, что детей не отдам, пока я жива.

Всё же мне сложно понять женщину, которая бросила четверых сыновей и вышла замуж. Какое сердце должно быть у такой матери? Как ему тяжело ни было, отец до самой смерти не простил её. Детство отца тоже было безрадостным. В двенадцать лет стал работать на дядю Алиймырзу, пас овец. Переживал, что жена Алиймырзы, у которой лицо было чернее сажи, а возле носа была огромная бородавка, плохо относилась к бабушке. Такою осталась в памяти моего отца жена дяди.

Алиймырза построил в конце огорода деревянный домик. Бабушку и нас поселил туда.

Через некоторое время неожиданно, долго не болея, младший братик покинул этот мир. Никто не понял, что случилось.

Старший брат Назир закончил вуз и работал учителем. Второй брат Хизир работал бригадиром на кондитерской фабрике. А я всё, что зарабатывал в кошаре, приносил и отдавал бабушке. Моя красивая и милая бабушка ещё больше постарела и ослабла.

И неудивительно – ведь старший сын, которого она любила

больше жизни, умер безвременно, а младший, её надежда и опора, выпроводил её на улицу вместе с сиротами. Внучок, который бегал и играл, вдруг неизвестно от чего умер. Повидавшая столько горя в своей жизни, конечно, она плохо выглядела, конечно, у неё было грустное сердце. Жизнь её не пощадила, пропустила через тяжёлые свои жернова.

Я не мог часто спускаться с коша в село. Даже если приду, то некому постирать вещи мои и залатать одежду. Как-то голодный зашел к брату отца в надежде, что пригласят сесть покушать. В тот день у них собрались женщины и сообща ткали сукно. Сноха увидела меня и говорит: «Как хорошо, что ты пришёл, – и, обращаясь к женщинам, добавила: – Вы говорили, что вам осёл нужен, вот пусть он потаскает вам дрова». Я ушёл из дома родного дяди не только голодным, но и оскорбленным и униженным.

А однажды я зашел как раз в то время, когда они трапезничали. Одна из женщин предложила: «Этому сироте тоже дайте еду». На что хозяйка Алиймырзы сказала: «Чем ему давать, лучше дайте дворовой собаке». Я тогда с горечью подумал, что дети, которые не нужны родной матери, не нужны никому. Если мать не ласкает родных детей, их никто не обласкает.

Моей родной матери не было до нас никакого дела. Она продолжала весело жить без нас. У неё было три дочери и один сын. Летом у меня не было обуви, и я ходил обычно босиком. Однажды деревянная заноза застряла в моей пятке. Сколько ни старался, не смог вытащить. Через два дня нога так распухла, что я не мог ступить на землю. Всю ночь мучился от боли. К кому обратиться? Рано утром пошёл к бабушке и показал ей распухшую ногу. «Аллах, Аллах, бедный мой мальчик, пойдем сейчас же к твоей матери, она что-нибудь придумает», – сказала бабушка и повела меня к маме. Пришли, а она ткёт сукно. Посмотрела, увидела нас, даже не спросила о цели нашего визита и не пригласила войти в дом.

– Чтоб твоя душа оказалась в этом сукне, почему не смотришь на ребенка? Нога у него загноилась, – ругала бабушка свою дочь.

Даже с места не встала, не посмотрела. А я так надеялся, что мама отодвинет мою боль...

Вот такие вещи не мог простить мой отец.

Назир женился на кабардинке, у них родился мальчик и жили они счастливо. Хизир женился на своей коллеге, детей у них не было.

Плохие вести быстро разносятся. Гитлеровская Германия напала на нашу страну. И стар, и млад потеряли покой. Большая работа развернулась в военкомате. Всех, кто мог держать оружие в руках, отправили на фронт. Два брата моего отца в один день ушли защищать Родину. Некоторое время письма приходили от них. Но письмо, которое полу-

чили в последний раз от Назира, было другим. Насторожившись, я прочитал его бабушке. Это было извещение о его геройской гибели.

Бабушка и я горько плакали, обняв друг друга. От Хизира писем не было. Через год и мне вручили повестку. Мне было жалко оставлять бабушку. Я не представлял себе, как она будет жить одна. Ведь она уже ничего не видела. Эти мысли нарушали мой покой.

Я попал в трудовую армию. Дошёл до Ростова.

– Отправьте, пожалуйста, меня на фронт, – попросил однажды я.

– Нет, здесь тоже нужны сильные ребята, – отказали мне.

Ещё большее горе постигло не только меня, но и весь мой народ. Когда я слышал, что балкарцев депортировали, земля ушла из-под ног, я себя чувствовал ещё несчастнее, чем в детстве, когда разлучали меня с матерью. Моё горе и боль отягощалась ещё и тревогой за бабушку.

Закончилась война, а мне идти-то некуда. Со мной были еще два сельчанина. Решили втроем поехать в Киргизию. К сожалению, один друг по дороге умер от тифа. Мы боялись, что тоже можем заразиться. В итоге я заболел, но почти ничего не помню. Когда очнулся, друг очень обрадовался: «Оллахий, напугал. Ещё больше испугался, что в чужом краю останусь один», – сказал он искренне.

С каждым днём мне становилось лучше. В нашей палате лежал парень, которого мы не знали. Его часто проводывали родственники. Когда в очередной раз пришла сестра этого парня, то поинтересовалась, из какого мы села. Мы назвали село. Она повернулась ко мне и говорит:

– Меня зовут Лейля. У тебя есть родственники?

– Да, бабушка и брат, только не знаю, живы ли они. А родителей уже давно нет.

С этого дня, даже после того, как брат её выписался из больницы, Лейля приходила ко мне и приносила еду. Когда выздоровел, я не знал, куда идти. Вышел на улицу и стоял, как памятник, не зная, куда направиться. Вдруг увидел Лейлю и обрадовался несказанно. А она говорит:

– Я пришла специально к тебе. Мать настояла, чтобы я тебя привела к нам домой.

– Мне как-то неудобно.

– Возьми с собой друга и без лишних разговоров пойдём к нам.

Но друг мой уже нашел, кто его приютит, и отправился к ним.

Мать Лейли, симпатичная женщина, встретила меня радушно. Они оборгели меня, одежду где нужно заштопали и постирали.

«Бог мне дал их в награду. У меня нет родственников. Буду держаться за них», – подумал я.

– Не обессудь, пожалуйста, у меня есть сестра. Если ты не против, я устрою вашу совместную судьбу, – сказала Жансурат, мать Лейли.

Про себя я подумал радостно, что мечты могут сбываться. «Если она похожа на них, почему нет», – подумал я и дал своё согласие.

Когда первый раз увидел невесту, она мне показалась маленькой и страшненькой. Без всяких торжеств стали жить одной семьей. Но вскоре я убедился в правдивости поговорки, что день сироты позже наступит. Я был счастлив со своей воспитанной, мудрой, трудолюбивой женой. Благодарение Богу, который дал нам шестерых детей. Вся моя семья живёт, понимая, уважая, почитая друг друга.

Наши сельчане попали в Павлодарскую область. Видит Бог, я искал бабушку и брата, но не нашел их.

Как-то мой сельчанин приехал в совхоз, где мы жили. Встретился с ним, чтобы поговорить. Но он меня не обрадовал. Моя бабушка ушла в мир иной еще до переселения, а брат пропал без вести.

Алиймырза и его хозяйка не выдержали климатических условий Казахстана. Слышал, что один сын жив, а второй не вернулся с фронта. Мать с отцом очень горевали.

Когда вышел указ о возвращении депортированных, то нашей радости не было предела. Мы были в числе первых, кто возвращался на родину. Была осень. Наш деревянный домик давно пустили на топку. В связи с тем, что нам негде было жить, временно поселились в доме того, кто ещё не вернулся. Благодаря Богу весной хозяин дома пришел в село. Спасибо большое ему за то, что, пока мы не закончили стройку, он не попросил освободить дом. Жили все вместе, как одна семья.

С тех пор, как мы вернулись сюда, прошло сорок два года. Все эти годы я работал в колхозе пастухом.

В один из дней неожиданно я получил письмо: «Здравствуй, сынок, возможно, это письмо тебя удивит, но я осталась одна. Три дочери вышли замуж за казахов и остались там, единственный сын умер. Я состарилась и нуждаюсь в твоей заботе, забери меня к себе. Если сможешь, пожалуйста, прости».

Мать просила, чтобы я нашел и привез её к себе... Я не смог этого сделать, но письмо нарушило мой покой. Я сильно переживал. Ночами просыпался и думал о ней.

Я искал семью Назира, но не нашел. Родственники сказали, что Назир и его сын умерли от голода.

Так и прошла моя жизнь...

ОДИНОЧЕСТВО

Когда слушаю разговоры старших, то завидую тем, кто жил во времена Советского Союза. Колхозы, совхозы. Во всей стране изобилие, люди были опорой друг для друга, на завалинке сидели старики и решали проблемы села, говорили о своих горестях, радостях, двory полны детей, с утра до вечера весело проводят время.

Счастливые времена! По разговорам, тогда люди были здоровее. И стар и млад были благодушными, верили в завтрашний прекрасный день. А в колхозах парни и девушки играючи работали на трех фермах с дойными коровами, пасли пять отар овец, водили табуны лошадей. С южной стороны села выращивали фруктовые деревья, овощи, кустарники. Много земли выделялось для злаковых. Парни целый день косили, девушки собирали сено.

Вечером после ужина пели песни и рассказывали смешные истории. Играя красивую мелодию на гармошке, Аслижан глазами показывала, чтобы начинали танцевать. И запевала:

Пошла к берегу я от тоски,
Посмотреть твой дом у реки.
Просила у судьбы я себе,
Чтобы гладить волосы тебе...

Председатель колхоза Магомед, человек с глубокими знаниями, знал и любил своё дело и пользовался большим авторитетом, был настоящим коммунистом. По указанию председателя старикам в селе не только выделяли дрова, но даже рубили и складывали во дворах. Из-за трудолюбия и преданности своему делу Магомед даже не заметил, что жизнь мимо него проходит. Сначала его избрали депутатом села, а потом и района.

Зулийхат же не только в своем колхозе, но и во всем районе была лучшей дояркой, её наградили орденом Ленина. Жила она с пожилыми матерью и отцом, единственный брат её жил со своей семьей в центре города. В свободное от работы время Зулийхат всё время забегала к родителям, приносила продукты.

У Зулийхат была приятная речь, красивая фигура, но она не была писаной красавицей. Тем не менее многие мечтали о ней. Она познакомилась с Аубекиром в Казахстане во время переселения. После их возвращения на родную землю прошло немало времени. Зулийхат тянула с ответом. «Мать с отцом старые, как их одних оставить? Дом нужно привести в порядок, сарай построить, чтобы старики были спокойны», – говорила она. Вот так у молодой девушки не было времени выйти замуж за любимого, который ждал её столько времени. В один прекрасный день Аубекир встретил Зулийхат: «Пока ты меня обнадеживаешь, кормишь обещаниями, заставляя ждать, мы станем глубокими старцами. Что ты скажешь, если завтра к вам домой отправлю сватов?» – спросил Аубекир.

– Пусть будет так, как ты говоришь, – ответила Зулийхат, смущаясь.

На следующий день родственники парня в количестве четырех человек пришли просить руки невесты и договариваться о свадьбе. Но бывает же так – сторона девушки даже слушать их не захотела, в особенности мать. «А кто за нами будет смотреть? Если хочешь идти,

иди! Ниткой не помогу!» – сказала она категорично. Один из сватов, родственник матери Зулийхат, убеждал: «Моя уважаемая сестра Бислима, единственная твоя дочь может стать очень несчастным человеком благодаря вам. Сейчас не о себе нужно думать, а о будущем своего ребенка. Слава Богу, пока вы не такие немощные, чтобы не могли ухаживать за собой. Бог даст, внуки родятся, дочка будет приходить, ведь они будут жить в селе». – Так говорил сват и с надеждой смотрел на Бислима.

– Нет, этому не бывать! – сказала мать как отрезала и недовольно вышла из комнаты.

Когда сваты ушли, Бислима своей дочке говорит: «Я с его матерью не смогу мирно существовать. Не могу с ней родство поддерживать, плохой она человек, злой. Да и сама видишь, что отец и я состарились и нуждаемся в твоей помощи. Если хочешь выйти за него, то удерживать не буду. Но, честное слово, тебе никакой помощи оказывать не буду».

После того как семья Зулийхат отказала сватам, вскоре украли невесту для Аубекира из соседнего села и сыграли большую свадьбу. Услышав это, Зулийхат заперлась в своей комнате, долго и горько плакала. Что делать, жизнь продолжается. Зулийхат старалась выполнять прежнюю работу, но как раньше уже не получалось. Какая-то опустошенность сковывала её тело.

Содержать сельский дом тяжело, нужно за скотиной смотреть, сено заготавливать, за огородом следить и ещё много других забот. Всё это она делала в одиночку, кроме того старалась помочь брату, который жил в городе. А годы летят.

Неожиданно для всех Зулийхат сильно заболела и слегла. Не поняв причину болезни, сельский доктор посоветовал отвезти её в город. Соседская девушка сразу позвонила брату и сказала: «Приезжай скорее, сестра твоя тяжело заболела». Хамит вместе с женой незамедлительно приехали и хотели забрать сестру. А Бислима, мать Зулийхат, запаниковала: «Как теперь нам быть?» Плача, она просила у Бога помощи, пока машина не исчезла из поля зрения.

В больнице женщину осмотрела доктор и сказала: «Повезло тебе, вовремя обратились, но без операции не обойдётся. Начиная с завтрашнего дня, будем наблюдать». Зулийхат погрузилась в горькие размышления: «Господи, как я бездарно прожила жизнь, даже не выполнила те обязанности, которые возложила на меня сама природа. Я не стала женой, не стала матерью, я никому не подарила жизнь. Чтобы угодить родителям, осталась дома. Даже если останусь жить, кому я нужна? Родители не вечные, брат тоже редко бывает в селе. Дырявая моя голова, сколько раз советовали мне, чтобы устраивала свою жизнь. Никого не послушала».

Вновь зашла в палату приятная женщина-доктор: «В течение трех дней мы не увидели причины, из-за которой нужно откладывать опера-

цию. Завтра операция, готовься. С помощью Бога всё преодолеем. Всё будет хорошо!» – сказала, подбадривая больную.

В день операции почти все родственники собрались во дворе больницы. Зулийхат было приятно видеть такую поддержку с их стороны. Теперь она не боялась даже под нож ложиться. Слава Богу, всё обошлось. В это время её отец был постельным больным, поэтому Зулийхат очень переживала и спешила домой. Через две недели её выписали.

Теперь она поняла, что не в силах смотреть за скотиной, и решила оставить только одну корову в хозяйстве. Весна была дождливая. Люди в переживаниях, дороги слякотны, скотине трудно, нет возможности пасти.

Уже год, как отец болел. А сегодня его состояние ухудшилось. Бислимаг от него не отходила. «Дочка, пусть Далхат, племянник отца, срочно придет», – сказала Бислимаг.

Только Далхат прибежал, а отец уже отошёл в иной мир. Теперь Зулийхат коротала жизнь вместе с матерью. Матери сто лет, у неё слабое здоровье, теперь они стали зависимы от родственников и соседей. Пришло время, вслед за отцом и мать заболела. Зулийхат до последнего дня заботилась о матери, но Бислимаг всё же покинула этот мир, выбрав дорогу своего мужа.

Зулийхат осталась одна в четырех стенах. На похоронах плакала безудержно: «Нет человека несчастнее меня, одиночество – страшное испытание. Если упаду и умру, никто не узнает. Дай Бог счастья моим соседям, хорошие они люди». С каждым днем годы всё больше давали о себе знать.

В один из дней неожиданно вернулся домой её брат Хамит. «Развелся с женой. Теперь буду жить дома. С тех пор, как сын женился, мне в том доме нет жизни», – сказал он и прибавил забот сестре.

С одной стороны, Зулийхат обрадовалась, что брат будет жить с ней, помогать во всём, а с другой – расстроилась, что семья брата развалилась.

– Хамит, мой дорогой брат, если есть хоть одна возможность, постарайся сохранить семью. К старости все люди слабеют, болезнь может неожиданно прийти. Именно в старости нужна семья. Конечно, мне с тобой лучше, хоть будет с кем поговорить, но... – сказала Зулийхат, сидя с братом.

– Поверь, сестра, с тех пор, как вошла в наш дом невестка, холод поселился между домочадцами. Я никогда не курил в доме, только на улице. Самая большая причина – не может терпеть запах моих сигарет. Не открывай дверь балкона, туфли сюда не ставь. Нескончаемые упреки. Последней каплей стало, когда сменили замок и я не смог зайти домой после работы. А жена верит тому, что говорит сноха, и поддерживает её.

Так Хамит прожил в родительском доме шесть лет. Обидно было

Хамиту, ни о такой старости он мечтал. Сигареты курил одну за другой, да и выпить был не прочь.

– Совсем потеряешь здоровье, – часто журила его сестра.

Словно беду накликала. Вскоре он начал жаловаться на суставы. Когда он кашлял, казалось, что сейчас вылетят его лёгкие, а обращаться к врачу не соглашался. Только когда совсем скрутило его, вызвали врача. Доктор ничем не обрадовал.

– Поздно пришли, недолго жить осталось ему. Болезнь полностью охватила внутренние органы.

Зулийхат не передала больному слова доктора, а сама втайне от брата плакала со словами: «За что мне такое наказание?».

Не зная о своей болезни, Хамит, заглядывая в глаза сестры, говорил:

– Лекарства, которые мне дали, абсолютно не помогают. Ты от меня что-то скрываешь? Что со мной случилось?

– Нет, Бог даст, скоро выздоровеешь, – говорила, обнадеживая брата, Зулийхат.

Он прожил в мучениях три месяца и умер в благоухающий весенний день.

– Ой, бедный мой брат, на кого ты меня покинул, как ты мог со мной так поступить?! – причитала убитая горем сестра.

На похороны Хамита пришли жена, дети и сноха. Зулийхат ничего не сказала им. Вместе справили поминки. После всех обрядов все разошлись по домам, осталась в пустом доме Зулийхат одна. После смерти единственного родного человека, казалось, что она на глазах стареет. Да и сама она понимала это и коротала дни свои в печали и заботах о себе. Часто, разговаривая сама с собой, повторяла:

– Разве я мечтала о такой одинокой безрадостной никчёмной старости? Много горя испытала, всех родных потеряла, но тяжелее одиночества ничего нет на свете.

Перевод с балкарского Ларисы Ахатовой

Без тебя скучаю очень,
Где по листьям снова осень
И идут дожди.
Настроенье – непонятно,
Только будет все приятно:
Миг тот подожди.

Он придет рассветом ранним,
Совершенно не случайным,
Счастье принесет.
Это будет наша встреча
И в пришедший лунный вечер,
Сердце запоет

От того, что встречи радость
Принесет истомы сладость
И прекрасность дней.
И затянутся все раны,
Прелестью забьют фонтаны,
Что в душе моей.

И смогу вновь насладиться
Твоим взглядом, что искрится,
Страстно целовать
Буду я тебя, так нежно,
Без проблем и безмятежно
К сердцу прижимать.

Никуда не отпуская
И в желаньях утопая,
Буду восхищаться
Лишь тобою днем и ночью,
От того, люблю что очень –
В жизни это счастье.

Чтобы не грустить опять,
Я не буду отпускать
Тебя из объятий.

Ты прекрасней всех на свете,
Мне подарком в жизни этой –
Мне с тобой приятней,

Чем грустить опять вдали,
Тучи, где несут дожди
В ветреную осень.
Буду вечно я с тобой,
Обрету в душе покой,
Что хочю так очень!

Потому, что я люблю
И тобою дорожу,
Солнышко, что ясное.
Ты красива, спору нет,
Алый ты в душе рассвет,
В жизни – лишь прекрасное!

Желтые слетают листья,
Беспокойные, как мысли –
Осени то сказка.
В увядании природы
Все зависит от погоды,
Но в дне каждом – ласка.

Серебро дождей пускай
Лужи полнит через край

В рыжем обрамленье.
Только знаю, что за этим
Заискрится Бабье лето
Для души весельем.

В золотом убранстве кроны
У деревьев, как короны,
В царственной огранке.
Рассказать об этом просит
Наступившая вновь осень
Всех и спозаранку.

И сияет красота,
Где лазурью высота
В белом опереньи.
И летит метель листвы –
Разноцветные холсты,
В грусть или в везенье.

Паутинка серебрится,
Не дает душе сердиться,
Что дыхнет морозно.
Прелесть взгляд собой ласкает,
Сердце песню напевает,
Даже если слезно.

День сегодня начался
Там, где рыжая лиса –
Листьями по парку.
Время дивное пришло,
Размышленья принесло,
Только время жалко,

Что опять умчалось вдаль...
Вот и отгони печаль –
Наслаждайся осенью.
В ней – оранжевость рябин

И листвы горящей дым
Под поблекшей просинью.

Это время ворожбы,
Где в восторге тишины
Листьев слышен шорох.
Разноцветные мазки,
Что воздушны и легки
В мире, что так дорог...

Речки звонкое сопрано
Громко бьется в берега,
И ложатся как-то рано
Синью темной вечера.

Погружается все в тайну
И загадку полно,
Что подарено случайно,
Иль судьбою вновь дано.

Только звезды смотрят ясно
Своим взором с высоты.
Над землею не напрасно
Появился диск луны.

Он окрашен желтизной –
Клен ей это подарил,
Будто он своей листвою
В струях ветра в небо взмыл.

И роняет теперь краски
Сверху, ворожа простор.
Преисполнен нежной ласки
Листьев тихий разговор.

А о чем он – неизвестно:
О чем осень говорит.

Только вот душе прелестно,
Удивляет ее вид.

Красоты очарованье
Дарит желтый лист-луна
Там, где с осенью свиданье –
Нежностью душа полна.

Ночи словно просветленье
По бульвару от листвы.
И висит луны томленье
Над раздольем тишины.

Звезды с темного экрана –
Разноцветьем огоньков.
И звенит реки soprano
Среди желтых берегов.

Одеялом, что пушисто,
Снег ложится серебристо
Вечером пустынным.
Хочется рукой поймать
Эту с неба благодать
Росписи картинной.

Радует собой зима,
В ночь лишая напрочь сна,
В фонарях искрится.
И снежинок танец плавный,
Что сегодня самый главный,
До утра пусть длится.

Пусть сегодня наметет
С неба дивный сей полет
Белые узоры.
Встану рано и пойду,

Испугаю тишину
Там, где спят просторы.

Поздоровуюсь с зимой,
С ее дивной красотой,
Взор что так ласкает.
От нее приму в ответ
Я сосульку, как билет
В царство, что сверкает.

Снежный где проходит бал,
Там пока что не бывал:
Это интересно!
Иль приду на маскарад,
Чему тоже буду рад –
Это так прелестно!

Покатаюсь на коньках
Наяву, а не в мечтах,
Лед где бирюзовый.
Там мороз промчался бодро,
Воду заморозил ровно,
Подарив оковы.

Вот и радость для души,
Зимние что дни легли –
Будет чем заняться.
Даже пусть мороз придет,
Колкость щечкам принесет –
В этом тоже счастье.

И летит все снег пушисто,
Да ложится серебристо,
Красоту приносит.
А ее, что тут скрывать,
Сердцем чувствовать я рад,
И оно так хочет!

Радима НАГОЕВА,
член СП России

Автор книг «Уэс Гэпэхъ» («Снежные узоры»), «Лъэмыж хъыринэ» («Висячий мост»), а так же – детских книг «Данэ» («Дана»), «Дыщэнэ» («Дисана»), она является автором многих песен, готовит свой новый альбом.

Лирическая героиня Р. Нагоевой, чутко реагируя на собственные страдания и боль, ищет ответы на извечные вопросы бытия, сохраняя веру в безграничные возможности духа, в торжество добра и справедливости.

Души моей мелодия
умчится в небеса
и, солнышком согретая,
наполнит паруса
всего живого, сущего –
сквозь мириады звезд
прольется песня лучшая,
которой лучше нет.

Пожитки осень собирала:
скребла, гребла по голым веткам.
Теперь и солнца станет мало,
закружит ветер по сусекам.
И, словно тайна мирозданья,
алеют на макушке древа
два дивных плода, два мерцанья
от зноя летнего былого.
Как будто перед стужей мертвой
природа сжалилась, скорбя,
два райских вздоха в дар суровой
вдруг оторвала от себя.

Друг другу руки подаем
и прячем взоры друг от друга...

Измены не было ни в чем –
я та же светлая подруга.
Так отчего же этот лед?
Откуда вдруг ладоней вьюга?
Глядишь прохожему вослед,
что слыл немилым до порога?
Однажды так уйдешь и ты,
улыбчивый, чужой, неспетый,
в мои стихи без суеты,
как тот, в минувшее столетье.

Притворялись, лукавили оба!
Притворялись, но были на «ты».
Оба знали, как это нелепо
заиграться до самой черты!
Наши годы отмерены скупю,
наши дни безутешно кратки,
жизнь уносится звонким галопом –
мы лукавим всему вопреки.
Свет надежды ли, ложь во спасенье –
нас связали в багрянце осеннем...

Крепки засовы разума,
там нежилась душа,
куда и как неведомо
она вдруг, не спеша,
ушла: оковы скинула –
беснуется, шалит.
И я, увы, несмелая –
злой ветер не щадит.

Тесно на земле
без тебя.
Скучен старый лес,
без тебя.
Грустен листопад
без тебя.
Ветры голосят
без тебя...

Горы зорко бдят:
нет тебя!

Огня кизилового горсть
в сухих ладонях
ты протянул...
Ах, робкий гость
в моих сомненьях!
И лето бабьего был зной,
увы, напрасен –
кизила горечь мне одной
сулила осень.

Боюсь, умолкнет стих,
не станет звуков, слова.
Погаснет солнце в них –
настанет время злого...
А я хочу успеть –
луч солнца, звон дождя,
в колосьях зерна – спеть
рассвет – день ото дня!
А я должна воспеть
траву в росе студеной,
снега в зарю одеть, –
окно – в узор зеленый.
Да будет солнца луч!
Да будет к слову ключ!

Бредят думы, бредят долго,
и выходят на большак,
а подобных там немного –
в пяди каждой стыл мой шаг.
Воют ветры, веют прахом
отошедших милых дней:
не большак уже, а... плаха,
Не ходи, душа, по ней!

Все прожито. Прошло.
Теперь не страшно.
Изнемогала болью и тоской,

И в лютом одиночестве отважном
свой вдовый крест несла,
а не другой...
Звала, бывало,
но не дозывалась.
Ждала немало,
но не дождалась,
день ото дня сурово познавала,
сколь мало значит
страждущего глас.
Все было. Все прошло,
И ежечасно
судьбу благодарю,
что не напрасно...

Воротилась, меня не спросила,
мотыльковым круженьем весна.
Цветом белым сады оросила.
Нет в ночах ни покоя, ни сна.
Ах, кудесница! То ли не диво?!
Заметалась ты где... Зацвела!
Лета бабьего хмельное пиво
я успела отведать сполна...
Где, весна, тебя столько носило,
да вернулась... а я не просила!

Все уносится мысль
в ту далекую,
неизжитую юность с тобой,
где горели, любили и, падая,
расставались и... звали судьбой?
Все уносятся годы несмелые
за туманы чужие летят,
но и вьюги – седые, да белые –
не застыт того юного взгляд.

Словно бисер мысли,
снова бисер: нанизала, назвала,
и в россыпь!
Словно узел – годы!

снова узел: завязала, заплела
и бог с ним!
По туманам вышивала
в росах,
вышивала – милым нарекла...
Ты признайся, друг, в какую осень
я на бисер сглаз твой навлекла?

То был последний снег
Зимы минувшей,
твой чудился побег
от встреч не бывших.
Ах, как томился ком
пушистой неги
за призрачный за сонм
озябшей ветки.
Еще одна зима
с тобою порознь
прошла...
Сулит весна надежды прорезь.

Для тебя – без тебя и с тобой
никогда не хватает слов...
И парить могу над землей –
и гадать в лабиринтах снов!
Только вот... не имею слов
для тебя, не умею вновь.
Погоди же! Постой. Не спеши...
Зеленей моих глаз не ищи!
От тоски по тебе зелены –
в них слова утонули и сны.

Перевод с кабардинского Асият Кармовой

КАК Я ЗАДУМАЛ СТАТЬ ИЗВОЗЧИКОМ

Рассказ

Прошли те благодатные времена, когда мы беззаботно колесили по широким городским проспектам и стареньким извилистым улочкам в угоду желанным пассажирам, доставляя их из пункта «А» в пункт «Б» и обратно. Бывало, встанешь спозаранку, идешь на работу – душа радуется: ведь ты – неотъемлемая часть этого большого города великой страны, и выполняешь ты работу государственной важности... А после трудового дня, по вечерам, немного подуставший, но бодрый духом, гордый осознанием своего вклада в экономику родного края – регулярным пополнением городской казны звонкой монетой, сообщаешь хорошее настроение домашним, которые кружатся вокруг тебя, – благодать!

К сожалению, так продолжалось недолго, все хорошее почему-то всегда кончается. Подкатила неожиданная напасть: указ из городской управы: всем извозчикам сдать разрешительные документы по пассажирским перевозкам и вступить в кооперативы! Ну, надо так надо, начальству видней, с ним не поспоришь. Да и в кооперативах оказалось не так уж и плохо, хотя большая часть наших прав оказалась урезана, но, всякое бывает, свыклись... Не прошло и года, как вышел новый манифест: вернуть извозчикам отнятые права на частную собственность и средства производства, а вместе с тем обложить их контрибуцией на несколько тысяч рубликов на восстановление оной. Те, кто имел за душой денежку, решили вопрос быстро, кто нет – остался не у дел. С неподдельной грустью и завистью смотрели они на своих бывших коллег, лихо проносившихся по мостовым, напоминая о светлых днях их совместной работы. Однако неисчерпаемы народная мудрость и смекалка. По городу пронесся слухок, что в указе есть маленькая лазейка – можно заручиться письменным заверением человека, имеющего документ, и избежать контрибуций. Вот с одним из таких благодетелей я и отправился в главный департамент по частному транспортному извозу.

По просторному коридору важно прохаживались служивые люди в синих мундирах и при погонах, с толстыми папками и без них. Иногда они останавливались на минуту-другую и, понизив голоса, переговаривались между собой о чем-то совершенно секретном, быть может, даже затрагивающем интересы государства, и это придавало их беседам еще большую таинственность. Подобный уро-

вень компетенции возвышал их чувство собственного достоинства, с той же значимостью на лицах они расходились по своим кабинетам, не забывая плотно прикрывать за собой тяжелые, непроницаемые для посторонних шумов двери.

Когда подошел наш черед, мы выстроились вдоль барьера, за которым восседала женщина с таким серьезным выражением на лице, что можно было засомневаться: а посещает ли это лицо хотя бы случайная улыбка? Служительницу звали Надеждой Христофоровной. Среди извозчиков ходили слухи, что раньше она работала в одном ответственном учреждении, где всегда и во всем придерживалась мнения начальника, не докучала ему всякими проблемами, которые в конечном итоге разрешались сами собой, и это, казалось бы, бесхитрое правило принесло ей ожидаемое продвижение по служебной лестнице.

Без какого-либо интереса к посетителям она подняла голову, облила холодным взглядом и негромко, но веско произнесла:

– Говорите, я слушаю...

– Извините, через стекло плохо слышно... Что вы сказали?..

Холодные глаза чиновницы превратились в два стальных сверла, в голосе тоже прибавилось металла:

– Я слушаю вас!..

Мурашки побежали по коже, в то время как я старательно формулировал свою просьбу:

– Я бы хотел получить документ на извоз...

– Ну так получите, – невозмутимо ответила она.

На лице этой суровой женщины не дрогнул ни один мускул. Казалось, происходящее не касается ее ни в коей мере. Я попытался убедить ее в обратном.

– Может, вы не совсем поняли... – пролепетал заискивающим тоном.

– Нет, это вы не поняли! – перебила она и посмотрела на меня так, словно ее глаза-сверла распознали во мне все человеческие недостатки разом.

Я был в полном замешательстве, уже раскаиваясь, что решил предстать перед ее всепроникающим взором. Но, к счастью, она решила смилостивиться, откинулась на спинку стула и стала поучать нас, неграмотных, с чего начинать, в какой форме представлять свою просьбу, и так далее.

Ну какая же она все-таки хорошая женщина, эта Надежда Христофоровна, а некоторые этого не понимают и даже иногда обижаются, не понимают извозчики, что не может она снизойти до их уровня и разговаривать с ними на равных, и решать поставленные вопросы слишком быстро: что подумают ее коллеги, видя такое неслыханное

панибратство, несолидно все это, и потому она из кожи вон лезет, дабы приумножить свой авторитет и корпоративное реноме.

– Для получения документа, – продолжала Надежда Христофоровна, – необходимо прежде предъявить свой...

И тогда меня осенило:

– Это мой попечитель... э-э-з... поручитель. У него есть документ на извоз, – пробормотал я, представляя своего спутника.

Она как-то недоверчиво взяла документы, протянутые поручителем, и стала тщательно изучать их, один за другим. Все это время над нами висела гнетущая тишина...

– Это не документ, мне нужен документ на право извоза!

– Я не знал, что нужен именно этот документ, я сейчас же пойду и принесу этот самый документ, которого недостает! – поспешил заверить я.

Мудрая Надежда Христофоровна в упор смотрела на нас, и ее укоризненный взгляд говорил красноречивее слов: «Вот с каким материалом приходится работать!».

Я попробовал разрядить обстановку:

– Уважаемая Надежда Христофоровна... – и улыбнулся заискивающе. – У вас же есть архив, не правда ли? Так, может быть, данные на поручителя возьмем там?

– У нас-то есть, но вы знали, куда шли?!

Не выдерживая ее уничтожающего взгляда, я отвел глаза в сторону. Минутная пауза показалась бесконечной. Собеседница, очевидно, убедившись, что поставленная цель достигнута и мы окончательно подавлены ее высоким интеллектом и познаниями, достала из стола шесть бланков разных размеров и коротко бросила:

– Заполняйте.

Получив долгожданные бумаги, мы принялись тщательно их заполнять. А многоопытная Надежда Христофоровна, исподтишка наблюдая за нами и поняв, что мы можем самостоятельно справиться с заданием, решила проявить снисходительность, а заодно, чтобы другие не подумали, что это не такая уж и сложная задача, молвила:

– Ладно, верните бланки, я сама их заполню, приходите недели через две, я направлю вас к специалисту, который будет заниматься вашими делами.

«Благодетельница вы наша...» – хотел было сказать я, но мудрая женщина, распознав мои мысли и не желая их выслушивать, указала на дверь. Тем не менее, нам все же удалось кое-как ее отблагодарить, перед тем как пулей выскочить в коридор.

Когда я пришел в назначенное нам время, или чуть позже, чтобы не докучать напрасно, получив заполненные бланки, направился в означенный кабинет к уважаемому Зауру Исафиловичу.

Он, прежде чем рассмотреть предъявленные документы, оценивающим взглядом окинул меня с ног до головы, стараясь понять, что за человек стоит пред ним. Оказывается, это главная и основная часть его работы – понять и направить беседу в нужное русло, чтобы проситель сам, своим умом дошел до той истины, которая от него требуется: ох, нелегка эта работа, найти нужный подход к каждому просителю-извозчику! Но что делать, такая уж у него работа, не справится – заменят другим, поэтому и мучается он не один год, выявляя ошибки в оформленных бланках, то запятая не там поставлена, то слово стоит не в той графе...

Не все кандидаты на извоз понимают, сколь высокая ответственность ложится на его плечи, каким жертвенным уступкам подвергает он себя, достигая цели обеих сторон, но когда его дипломатия срывается и проситель не понимает своей неумной головой, чего от него хотят, приходится прибегать к испытанному методу «кнута и пряника», мера суровая, но вынужденная. Так случилось и со мной. Нет, не то чтобы я не понял или не хотел разрешить вопрос, а совершенно непреднамеренно. Заур Исрафилович стал перебирать заполненные бланки и аккуратно откладывать их в одну сторону. Последний он изучал особенно тщательно, но, не найдя никакой зацепки, стал перекладывать все в обратном порядке, иногда все же останавливаясь на каком-нибудь из них. Поняв, что все «чисто», он минуты на две впал в меланхолию, отрешенно думал о чем-то глубоко личном, как показалось мне. Затем, выйдя из этого полудремотного состояния, он с полным равнодушием спросил:

– Ты хочешь работать на его транспорте?

– Нет, у меня есть свой.

– Что?! – взорвался он. – Так зачем тогда ты подсунул мне фальшивый документ. Хочешь подвести меня под монастырь?!

От его прежней меланхолии не осталось и следа. Он был похож на рыбака, которому представилась очевиднейшая возможность поймать золотую рыбку.

– Вы только посмотрите на него, – обратился он к соседу по кабинету, – в бланке указан один знак, а работать собирается по другому. Неслыханное дело! – бушевал он, а я старался успокоить, мол, если вышла какая-то ошибка или, вернее, описка, срочно исправим!

– Какая там описка! Да это же полная фальсификация фактов, ты явно хочешь меня погубить! – заключил он и схватился за сердце. Видно, это была заранее отработанная схема воздействия на клиентов, разыгранная не единожды. По всему видать, это изобретение нравилось ему самому, в подтверждение этого, минуты через две, он принял прежний вид, не забыв понаблюдать за реакцией коллеги. В общем, как ему казалось, страху на посетителя он нагнал.

Я же стал поспешно оправдываться, дескать, нет и не было у меня никаких задних мыслей, что никогда я не замышлял ничего дурного против уважаемого всеми Заура Исрафиловича. В доказательство и дабы задобрить его, я неожиданно вспомнил, что его троюродный дядя был женат на моей двоюродной тете, а его родной брат от первого брака матери работал с моим старшим шурином, и еще что-то, что, впрочем, не возымело особого воздействия на собеседника, и тогда я вынужден был предьявить последний аргумент: бланки заполняла сама уважаемая Надежда Христофоровна!

Это его несколько обескуражило, но сдаваться он явно не собирался, мысленно и спешно, что отражалось в лихорадочном блеске его глаз, – он начал искать выход из сквернейшего положения. Все выходило за рамки системы, которую он выдумал и которая успешно работала столько лет. Сбой в программе поверг его в коллапс, но продолжалось это несколько мгновений. Затем он вскочил, как ужаленный, и побежал... к уважаемой Надежде Христофоровне. По всей видимости, в его голове уже зрел план дальнейших действий, надо было срочно спасти систему!

Они долго советовались за закрытой дверью, обсуждали возможные варианты и меры воздействия на заявителя. Так и не найдя достаточно действенных доводов, не сговариваясь, оба одновременно ринулись к самому главному. Каждый первым хотел донести до него информацию о неслыханной дерзости кандидата на извоз. О бездоказательных обвинениях в адрес респектабельного учреждения, о вольностях, позволяемых себе в суждениях, и много еще о чем... Они так старались быть первыми в служебном рвении, что неожиданно застряли в дверном проеме. Собравшись с духом, повторили усилие, чтобы прорваться внутрь. То же отсутствие результата. Поняв, что усилия напрасны, разочарованно отступили. Заур Исрафилович несколько запоздало устыдился своего поведения и уже любезно предложил даме войти первой. Нельзя сказать, чтобы он не был знаком с правилами хорошего тона, напротив, он всегда был обходителен с представительницами лучшей половины человечества. Бывало, если приходилось подниматься по лестнице, он всякий раз шел впереди, выказывая свою утонченность и джентльменские манеры, в то время как некоторые другие пристраивались сзади, тем самым смущая прекрасную даму. Он был знаком и с другими, принятыми в обиходе правилами, однако желание донести информацию из первых рук на время затмило блеск его изысканной утонченности. Все это – ради блага родного учреждения, простим же ему эту маленькую оплошность.

Самый главный же, когда ему сообщили об имевшем место ин-

циденте, немедленно пришел в такое состояние, когда он начинал побаиваться самого себя. Через минуту-другую из кабинета главного показался Заур Исрафилович, пока он успокаивался, выражение раболепства на его физиономии сменилось обычной надменностью, затем он поманил меня пальцем, призывая войти.

За письменным столом, в большом кресле, обитом черной кожей, восседал строгий сухощавый мужчина в синей униформе, на погонах – по три больших звезды в ряд; о боже, не иначе как генерал! Хозяин кабинета, доподлинно зная, что его подчиненные, как и он сам, безупречные и ответственные служащие, которые ну никак не могли допустить оплошности в работе, не утруждая себя выяснением причин инцидента, грозно спросил:

– Зачем ты вводишь моих людей в заблуждение? Тебя наверняка подбили дискредитировать доброе имя нашего всеми уважаемого учреждения! Или, хуже того, – ты сам измыслил все, чтобы причинить нам зло?! Отвечай же, я жду!

– Уважаемый самый главный инспектор, пожалуйста, не делайте поспешных выводов и позвольте мне объяснить. Я пришел с моим поручителем, с его и моими документами, хотел заполнить эти злосчастные бланки, но многоуважаемая Надежда Христофоровна сама взялась их оформлять, чтобы все было без ошибок, чтобы наверняка... понимаете... но, наверное, немного... э-э... видно, допустила небольшую неточность, – пролепетал я. – Но ведь все можно исправить...

– Что?! Я неправильно заполнила бланки? Вы только посмотрите на него! – заголосила многоопытная Надежда Христофоровна. Он набрала побольше воздуха в легкие, собираясь сказать еще что-то, но грозный начальник перебил:

– Кто заполнял бланки? – был задан строгий вопрос.

– Я... я... – засуетилась Надежда Христофоровна, но тут же нашлась: – С подачи его документов, – и показала пальцем на меня.

Лицо вопрошавшего стало еще строже. Я подумал, что сейчас разразится гром и засверкают молнии, но вместо этого самый главный инспектор укоризненно произнес:

– Вот что бывает, Надежда Христофоровна, когда хочешь сделать добро людям!

А уважаемая Надежда Христофоровна с такой любовью, так преданно посмотрела на самого главного, как собачонка на своего хозяина, сытно накормившего ее накануне, все понимающая, но не умеющая передать словами переполнявшие ее эмоции. Мы можем только предположить, какие чувства обуревали ее...

– У вас весьма запутанное дело, – продолжил самый главный тоном, не терпящим никаких возражений. – Придется мне самому

разбираться с вами и вашим поручителем. Приходите через неделю... а теперь ступайте, я вас более не задерживаю!

Выйдя на улицу и глотнув свежего воздуха, я с грустью подумал: «Надо было самому заполнять эти злосчастные бланки. Что теперь будет?..»

Еще через пару дней я встретился с моим соседом и товарищем. По выражению его лица я понял, что моя затея стать извозчиком окончательно провалилась.

– Меня вызвал Заур Исрафилович... – оправдывался между тем мой товарищ, в смущении не поднимая головы.

Но я решил облегчить ему эту задачу:

– Что поделаешь, они монополисты по пассажирским перевозкам, с ними не поспоришь. Ты хотел помочь, я не в обиде. У тебя семья, дети маленькие, кто позаботится о них, если и ты потеряешь работу?..

С тем и расстались. Я шел по улице и рассуждал: «Город большой, в стране происходят позитивные перемены к лучшему, нельзя сдаваться, нельзя терять надежду, надо продолжать искать, наверняка можно найти работу в другом месте, где нет доморощенных чиновников местного значения, подобных Надежде Христофоровне и Зауру Исрафиловичу...»

Тамара БИТТИРОВА,
доктор филологических наук

У ПОЭТОВ ЕСТЬ ТАКОЕ ПРАВО...

К юбилею С. М. Моттаевой

С. М. Моттаева

Светлана Моттаева родилась в Верхней Балкарии 12 февраля 1938 года. Родители были из числа первой советской интеллигенции. Ребенком была выслана вместе со всем балкарским народом. Семья попала в Киргизию, где она окончила среднюю школу в городе Фрунзе. После реабилитации балкарцев, возвратившись на родину, поступила в 1957 году в Карачаево-Черкесский пединститут, на третьем курсе перевелась в Кабардино-Балкарский госуниверситет. Успешно окончив его в 1962 году, начала работать инспектором школ, была завучем Верхнежметалинской средней школы, директором ШРМ в Чегемском районе КБР. С 1965 года С. Моттаева – редактор молодежных и детских передач на Республиканском телевидении, затем – главный редактор художественных программ. С 1975 по 2003 годы работала в Кабардино-Балкарском издательстве «Эльбрус», в данное время – корреспондент газеты «Кабардино-Балкарская правда».

Имя Светланы Моттаевой и значимость ее творчества в культурном пространстве республики и в целом Северного Кавказа на сегодняшний день, можно сказать, определены литературной критикой достаточно точно [1]. Трудно в многоопытной балкарской поэзии молодому автору сказать свое слово. Чтобы осмелиться на первый шаг, необходима поддержка собратьев по перу. Возможно, у Светланы не было такой поддержки. Одним словом, читатель получил возможность узнать ее поэзию с большим запозданием. Такими факторами можно объяснить то обстоятельство, что она почти 30 лет писала «в стол». Но первая же ее небольшая книга стихов «Хар кюнде» («Каждый день») явила балкарскому читателю талантливого автора, необычного своим видением мира, запоминающейся музыкой стиха. Здесь она почти в каждом стихотворении признается в любви – прежде всего к родной земле, к соплеменникам, на ее глазах возродившим оставленные на 13 лет очаги. Ведь она покидала любимые горы маленькой девочкой и вернулась к ним взрослой девушкой. Поэт с нескрываемым восторгом говорит о радости узнавания старого дома, о счастье жить в нем, о любви к любимому человеку, к сыновьям... В первой книге автора много

чувств, глубоких и искренних. Потом одна за другой стали печататься ее книги [2]. Ей подвластны многие литературные жанры, но более всего она проявила свой талант в поэзии. Светлана Моттаева – двуязычный поэт, билингвизм детерминирован ее личной судьбой: детство и отрочество прошли в изгнании, в молодости и зрелости она должна была доказывать, что она – «дочь врага народа», осужденного по зловещей 58-й статье, такая же, как все. Свои юношеские стихи начала писать на русском языке, они были наполнены радостью, светлыми и восторженными чувствами. Одним словом, автор тогда уже противопоставляла ненастной судьбе солнце и счастье, живя их ожиданием. Об этих, переполнявших ее раздумьях она не раз потом напишет, и итогом таких раздумий будут строки: *«И сердце я беру, Как Солнце, в руки, Как Дар Любви Кладу к твоим ногам» («К родине»)* [3]. Возможность самовыражения на нескольких языках раздвигает границы реализации творческого потенциала автора. Авторы-билингвы, как правило, расширяют круг своих читателей, излагая на русском языке то сокровенное, о чем поведали на родном. Как подчеркивают лингвисты, «любая оценка подразумевает ценностное отношение между субъектом и объектом. Поэтому важнейшей особенностью семантики оценки является то, что в ней всегда присутствует субъективный фактор, тесно взаимодействующий с объективным» [4]. В рассматриваемом аспекте творчество Светланы Моттаевой принципиально отличается от многих авторов. Она не повторяет себя, не переводит на русский язык свои стихи с балкарского языка и наоборот. Ее поэтический мир, созданный на основе родной речи, существенно отличается от поэзии на русском языке. На родном ее поэзия гармонична, динамична, глубока и сокровенна. Она легко и свободно пишет о повседневном и возвышенном, о трагическом и счастливом, о пути человека к истине и добру. Те же мотивы и в стихах на русском языке. Но здесь, если она пишет о возвышенном, не может удержаться от пафоса, ее лирический герой часто обращается к эллинам и грекам, в стихах с дидактическим содержанием мы обнаруживаем восточные мотивы. Идеализация прошлого в сравнении с картинками «подлунного мира» иногда характерна и для гражданской лирики. Однако в интимной поэзии автора мы ощущаем искренность чувств, здесь нет ни пафоса, ни патетики. Есть только верность и обнаженность души. Поэзия Светланы Моттаевой – это портрет сложной эпохи, эпохи перехода от одной общественной формации к другой. Поэт имела счастье жить в период обновления жизни общества и несчастье наблюдать, как во имя золотого тельца и популистской политики гибнут люди, часто безвинные, попавшие под молот истории: *«Хочу я верить, но, увы, не верю – Сомнений камень не спадет с души. Обложены, как на охоте звери, Под пулями вновь гибнут ингуши...» («Боль»)* [5, с. 316]. Это было сказано тогда, когда все были ошеломле-

ны происходящим, не находя объяснения действиям (или бездействию) властей, еще никто не смел осудить вторичный (пусть и кратковременный) геноцид ингушского народа. И после, в середине 90-х, когда появился термин «лица кавказской национальности», поэт напишет ироничные и грустные стихи: *«Я в зеркале свое лицо теперь пытаюсь изучить, оно – кавказское, увы, и как с лицом подобным жить? Я, воздававшая богам за счастье быть самим собой, теперь едва ли им воздам за эпатажный облик мой...»* («Наедине с зеркалом») [5, с. 305]. Как настоящий мастер слова, как настоящий поэт Светлана Моттаева никогда не могла быть безучастным наблюдателем, она всегда в гуще событий и имеет мужество сказать: *«И я была в толпе и с нею ликовала, когда она, скандируя «Долой», библейской мощью небо поднимала и разверзала землю под собой. И был суровый час безумного накала, Когда, верша, казалось, правый суд, под тысячами ног земля тогда стонала, высвобождаясь от тяжелых пут. И я была в толпе. И глупо ликовала. Да минул сон. И вот очнулась я – гроза умолкла – небо засияло, и все вернулось на круги своя»* («И я была в толпе...») [5, с. 324]. Здесь и желание понять происходящее, и осознание необходимости проявить свою позицию, и разочарование конечным результатом борьбы, ибо «и все вернулось на круги своя». Светлана Моттаева – мужественный поэт. Она проявляет смелость и в выборе тем для своих стихотворений и поэм, и в своих воспоминаниях, и в выборе названий для книг – «Тамга», «Сад камней», «Ёзденлик». Названия эти скорее не выбор, а вызов. Она откровенно эпатирует, называя книгу «Сад камней», ибо искушенный читатель знает, что так называется большой пласт японской культуры, так названы и поэтические сборники. Но Моттаева вводит в наш культурогенез такие, на первый взгляд, далекие от поэтических изысков понятия, как «ёзденлик» (в одном из значений – благородство), тамга – как мета времени, сад камней – как олицетворение красоты и силы родной Балкарии, ставшие метафорами, а со временем и архетипами. Что движет поэзией? Самый верный путь к ответу, наверняка, содержится в поисках любви во всех ее проявлениях, иначе нет поэзии, любовь порождает доброту и укрепляет дух, она ведет человека по жизни, иначе нет смысла жить. Такова и поэзия Светланы Моттаевой. Это чувство особенно остро ощущается в ее интимной лирике, где тысячи оттенков любви, где всегда побеждают истина и красота. «Мы скучны, когда не любим», – говорит поэт, и даже сиюминутность мира, трансформация чувств не могут омрачить существование ее лирического героя: *«Простое слово... но дорожке Его – не знать нам никогда. Любовь стара, как мир, – и все же, Как жизнь – извечно молода... Любовь! Ты с деревьями схожа: Тем – расцвести, тем – иссыхать. Согретое тобою ложе Нередко плахой может стать...»* («Любовь», пер. Л. Шерешевский) [6]. Поэт любит говорить от первого лица, в этом – проявление

гражданской позиции, утверждение своего взгляда на мир и понимание значимости поэтического слова. «У поэтов есть такое право – обращаться напрямую к Богу!» – говорит она. Не каждому дано осознать свое предназначение, значимость своего труда-творчества, Светланой Моттаевой это постигнуто в полной мере: Я свободна, как духи в зените, Мои дни – они только мои! На пороге побед и открытий... («Ода моему наваждению») [7]. Быть поэтом в Балкарии – это больше, чем судьба, это и счастье, и великий труд, это любовь народа и ответственность перед ним, ибо поэтическое слово веками определяет этническое сознание, влияет на жизнь общества и в повседневности, и «в дни тревог». Многовековой поэтический опыт народа выстроил четкую систему стихосложения, стилистические требования необычайно высоки. Каждая тема диктует свои приемы изложения, особенную архитектонику. Трудно быть новатором, непросто следовать традиции. Светлана Моттаева доказала, что она может внести новое в балкарскую поэзию, оставаясь в рамках традиций. «Будучи у своих истоков «двуязычной», она (узбекская литература – Т. Б.) всегда тяготела к языковому плюрализму и одновременно к уникальной открытости, что позволяло ей на протяжении веков не только заимствовать лучшее из соседних культур, но и обогащать их. Поэты-билингвы Лутфи, Навои, Бабур, Машраб, Нодира, Фуркат, Айни – до сих пор их не могут поделить соседние народы между собой, так органично они могли впитать в себя все лучшее из классического литературного наследия на «фарси» и тюркском языках», пишет Гуарик Багдасарова, анализируя творчество узбекских поэтов-билингвов [8].

Общественно-политические процессы последних десятилетий после распада СССР закономерно вызвали к жизни проблемы, связанные с желанием миллионов людей сохранить бесценный опыт гуманизма, интернационализма и совместного участия в создании духовных ценностей великой страны. Литература как социальный феномен наравне с другими общественными институтами активно вовлечена в этот процесс. Особенно ярко эти обстоятельства проявляются в творчестве писателей и поэтов-билингвов. Они пытаются найти и сохранить черты постсоветской идентичности, эти поиски осуществляются активно и в национальных литературах Северного Кавказа. В этом отношении творчество Светланы Мустафаевны Моттаевой представляет большой интерес как для читателей, так и для исследователей.

Источники

1. Эфендиев Ф. С. Черты времени: Рецензия на сборник стихов С. Моттаевой «Черты» // Северный Кавказ, 1997. 19 мая. Аппаева Ж. Как с богом говорю // Заман, 1998. 25 дек. Скорых А. Разбег // Советская молодежь, 1998. 25 дек. Кулиева Ж. Моттаева Светлана Мустафаевна

// Писатели Кабардино-Балкарии: Биобиблиографический словарь. Нальчик: Эль-Фа, 2003. С. 291-293. Биттирова Т. Ш. Моттаева Светлана. Очерки истории балкарской литературы. Нальчик, 2010. С. 624-629.

2. Тамга, 1983. Толган ай (Полнолуние), 1986. Сад камней, 1991. Шартгла (Черты), 1997. На балкарском и русском языках. Ёзденлик (Аристократический этикет), 1999. Избранное: Стихи и поэмы, 1999. На балкарском и русском языках. Вершины памяти и чувств: Стихи, очерки, статьи, воспоминания, 2003. Хар адам жолоучуду (Каждый человек – путник): Рассказы, 2004.

3. Моттаева С. М. Ёзденлик (Аристократический этикет), 1999. Избранное: Стихи и поэмы, 1999. На балкарском и русском языках. 353 с.

4. Жекеева Е. З., Габуниа З. М., Улаков М. З. К проблеме оценочного характера пословичной картины мира // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН, 2011. № 2 (40). С. 143. EDN: NTRDOD.

5. Моттаева С. М. Ёзденлик (Аристократический этикет), 1999. Избранное: Стихи и поэмы, 1999. На балкарском и русском языках. 316 с.

6. Моттаева С. М. Сад камней. Нальчик, 1991. 65 с. Контекст: Л. Шерешевский [6]...

7. Моттаева С. М. Ёзденлик (Аристократический этикет), 1999. 8. 8. Избранное: Стихи и поэмы, 1999. На балкарском и русском языках. 337 с.

8. Интернет-ресурс: http://guarik-guhar.blogspot.ru/2013/08/blog-post_7721.html.

Сочинения

1. Хар кюнде. Назмула. 1980.

2. Тамга: Стихи. 1983.

3. Толган ай. Назмула, 1986.

4. Сад камней: Сборник стихов, 1991.

5. Шартгла. Назмула, 1997, (малкъар эм орус тилледе).

6. Ёзденлик, Сайламала. Нальчик: Эльбрус, 1999. (Малкъар эм орус тилледе).

7. Вершины памяти и чувств: Стихи, очерки, статьи, воспоминания. Нальчик: Эльбрус, 2003.

8. Хар адам жолоучуду. Хапарла, 2004.

9. Под сенью муз. Статьи, эссе, интервью. Нальчик, 2011.

10. Во времени своем. Нальчик: Эльбрус, 2022, 720 с.

ЯВЛЕНИЕ ПОЭЗИИ

Эпоху литературного затишья, что мы переживаем, не могут не нарушить голоса поэтов и писателей, в чьих душах чувствительнее всего отзываются глобальные процессы, происходящие в нашей жизни и неузнаваемо меняющие общественное сознание. Это сродни тому, как вдруг после нескончаемой засухи неожиданно хлынул дождь. Такой живительной силой в адыгскую литературу вошла Асият Кармова. Мы познакомились с ее первой поэтической книгой «АдрыщI ныджэ». И с нею к нам явилась Поэзия!

Поэзию Асият Кармовой, не сомневаюсь, оценят по достоинству наши критики и литературоведы. Хочу сказать – это Настоящее. Перед нами открылась ярчайшая поэтическая личность. И мы вкусили наполненное самыми сладкими и здоровыми соками родной земли адыгское Слово.

Къэслыхъуэу сядэм и зекIуапIэ
Банэкъуэ лъапэ сыщIохъэж.
Къатхъэн-солыкър мэбырыбыр,
Хъэцыбанэплъыр мэтIыгъуэж.
СопщIыхъри сядэм и мэкъупIэ –
Шэдхъуреищхъэ согъээзж,
ХъэмкIутIей гульэхэр къэтIэпIу
БэрэтIинащхъэр польэлъыж.
СылыаIуэу сядэм и уэрэдхэр
Батыргъэныльэм сфIыхохъэж.
Хъэ банэ макъыр кIэлъышхыдэу,
ЕкIэпцIэ мэзым сфIыщIохъэж.

Пронзительная лирика. Разлитый по всей книге стихов поэтический воздух свеж. Художественный язык и лексический багаж автора словно не от нашего времени. С первых же стихотворений улавливается расшифровывающаяся через всю книгу глубинная драматическая интонация, свойственная, пожалуй, только высокой поэзии. Жизнь есть радость. Жизнь есть печаль.

...Къызамыгъапщэу къысщатIэгъауэ –
Зыщызохыжыр сэсымей джанэр,

Бзыпхъэ Iэшхъэншэхэм зэрагъэпцIауэ –
Хызольэфыжыр IулIэIуданэр

В книге «АдрыщI ныджэ» слово имеет конкретный вес, и его просто так не поднимешь с первого подхода. Писал явно «тяжеловес», и просто пробежаться по строчкам этого автора не удастся. От тебя требуется работа и ума, и сердца, и владение адыгским языком. Черпает автор из чудодейственного родника. И бьет этот родник из-под нетронутых доселе земель. Может это Балькыжь, и свет, льющийся на лежащее у подножья Горы счастья Къармэхъэблэ, может это колыбельная любимой наны – откуда нам знать из чего рождается поэзия?! Главное – она родилась!

...Ауэ сызипхъу дыдэу, зи псэм сырильхудар,
Уэрам зэхэкIыпIэм тес фызыжь уэршэрщ,
УкыщIызэшхыдэу – сызэрыжьэджатэр,
Ди хъэблэ фызыжьхэм я гуцэ шхыIэнщ.
Уэрам зэхэкIыпIэм ярыхэз пIанэпэм
Жьым ипхэхыжауэ тельщ мывэ джеитI
И лъэдий псыгъуитIыр къецIэфтэхыу джафэм,
Щысщ си сабиигъуэу кыхъуэпсыкI нащхъуитI...

Удивительно живописные образы! Слышишь тихие хабары пронесших на своих плечах груз прожитых лет старушек. Видишь жадно ловящую каждое их слово синеглазую девочку, отшлифованные временем валуны, пыльную улочку... Полная идиллия... правда, с грустинкой. А далее идут строки, символизирующие поэтический «родник» автора:

...Ди хъэблэ фызыжьхэм я псэ – ФОУЖЬ МАТЭР –
Куэдым ямыгъуэту зыщыстIыжа жьэгущ...

«Фоужь матэ» – вот такое ласковое, пахнущее веками и радостями адыгского бытия определение дает автор тому, что стало источником его душевной силы! Всего одно стихотворение – а будто прочитан роман. Такое эмоциональное и интеллектуальное наполнение читателю дает не каждый поэт.

В книге переплетены многие темы: женское сердце, полное сокровенных тайн и чувств, «перевернутое цивилизационными явлениями современное сознание, поиск опоры у этноса... Но сильнее всего у Кармовой проявилась та часть ее души, которая органично связана с душой родной земли.

...Хушхуэҕуэ сиҕэщ – хьэкьыу сощҕэ –
Семызэшыжу узоҕуэҕҕ:
Щҕопшакҕуи плъакҕуи кьысхуомыщҕ,
Балкь и архуанэм сыщыгъэпскҕ!
Зэхуэпсэкҕыжу псыр кьызделъэ –
Адрыщҕ ньджэм Ҕэплҕэу сихьэ-
Кьыстебгъэшашэу ди псыкьелъэр...
Архуанэ жьанэм сыщҕегъэхьэ!

Сборник стихов Кармовой еще раз убеждает нас: нет поэта без земли, взрастившей его. Они – единое целое. И это очень мощная сила. Трепетная и тончайшая субстанция – любовь к родной земле и к людям этой земли – она не тактильная у Кармовой, ею просто дышит вся ее поэзия, она есть суть ее талантливой души, любящей и страдающей. Шолохов на века запечатлел в сердцах читателей Донскую землю, в Рязанскую землю нас влюбил Есенин. А земля Зольская подарила нам замечательного поэта – Асият Кармову:

Губгъуэ джэдгыным и мэр щызу,
Си сабиигъуэ псы тҕуащҕэ!
Згъэщҕа гъэ уэгъухэм языхэзщи,
Сишэж уи унэ хьэнцэгуащэу...
Нэгъуэщҕ нэхь мыхьуми хьэнцэгуащэу,
Ди бжьэпэ нэзым сыдешэҕҕ!
Абы и нэзри схуэмыфащэм,
Мо псыхьуэ ньджэмкҕэ сешэҕҕ –
Лъэмыж хьырини, лъэмыжыжьи,
Таурыхь тҕуэтгэжурэ дикҕынщ,
Лъэс лъэмыж цҕыкҕур кьызэднэҕҕмэ,
Гъузер и псынэ дыҕусынщ...

Поэзия Кармовой по своей интеллектуальной мощи – мужская, по чувствам – женская. И эти две силы у нее очень славно гармонируют между собой. Лирическая героиня поэта открыта, неожиданно откровенна, с чем мы редко встречаемся в адыгской литературе. Она не знакома с фальшью и не особо следует традиционным критериям «права» на обнажение своей души. Чаще покинутая и страдающая, вопрошающая и ожидающая, героиня Кармовой не скрывает своих чувств. Она искренняя и красивая, наверное, потому, что любит. В этом – смысл всего, все остальное второстепенно. Это и есть жизнь, и ею переполнена душа поэта. Сколько разных жизней проживает эта душа, сколько переживает!

Удержать такую силу чувств нереально, она не могла не вылиться в поэзию, в музыку или живопись!

...Уэрауэ шьитмэ, сыщлэшэж
Уэздыгъей мэзым хэта пщылэм,
Къызэт псы фальэу, къызжеЛэж:
Тенджыз нэшхейм и толькъун гуЛэр
Си уэршэрэгъуу жэщ щлсхар,
Мэз пхашлэм мафлэ щыпхуэсцлар,
Щылыгъе техэгъуэм сыщлсхар,
Уи щлаклуэу къызумышэклар,
Пылыгъе зезыхъэу къохуэпсар,
Уигъэныбжьэгъуу къоижар,
Сыхейуэ лей къыщыгъестехбар,
Пцы япэ дьдэу щыбупсар,
Жор джафэм сыщлебупсеяр... («Уэракъым»)

Дочитайте это стихотворение... Нарастающее напряжение чувств передается удивительной внутренней мелодией, которая и подбирает себе неповторимую ритмику слова. Много стихов пишется на этой земле, но лишь те, что созданы из истинной художественной энергии, становятся поэзией.

Есть в книге у Кармовой нежная серия стихотворений...

Къэдабэ шабэу жэщ уафэр лэсэщ,
Шыгъуэгу щхъэгъубжэр, мамэ, зэлух!
Къатхъэн-солыкъур – шылэхъар плащлэщ,
Нысащлэ щыкълэу, къан укытэхщ...
Мо жыг дыкъуакъуэм, мо пкъо фыцлэжкым
Дадэ хъыринэ щысхурищлат,
Сещлэрт хъыринэ, сыщхъэбаринэт,
Щлэп класэм быдэу щхъэнтэгу пыщлат...

Дальше читатель легко дорисовывает счастливую картину детства, чередующуюся с ностальгией и всечеловеческой тоской: увы, ушедшее время не вернуть, и уже нет родного человека:

Ауэ иджыри сопщыгъ хъыринэм,
Зи бэджыхъ класэхэр къэзгупсысам.
Дадэ и лэпщэм сыщлыгъэгъжкым, –
Щлэжлэргъухъу гъуэжъкуийм селэт!
«Зыми къызжилэргъым: «Лэцэ баринэ!»
Ей, бэджыхъ тласхъэ, кхылыгъыгъэт...

ФЫншэр ехулыр кьатхьэн-солыкьуу,
Уэсэпс щхьэтепхьуэр зи данэпс фашэм,
Дадэ и макьыр сфЮшЦІ кьэІушашэ:
«Сакь! Укьохуэхьыр, нэкьуэлэн гуашэ!»

Дедушка сидит во дворе на низком стульчике, к нему подбегает внучка и что-то начинает весело ему рассказывать. Поодаль стоит бабушка и барабанит по тазику, подзывая индюшат к корму. Мама развешивает белье. Возле отца, стругающего доски, крутится сыночек. Привычная картина сельского семейного быта. Может, и незамысловатая, но полноту такого счастья или его отсутствие человек берет с собой на всю жизненную дорогу. В книге стихов «АдрышЦІ ньджэ» сознательно и несознательно ее автор воспеваает силу традиционной адыгской семьи. Вся книга стихов насыщена этой всепроникающей любовью. Нет силы мощнее, чем любовь дады и наны! Строки об этих чувствах у Кармовой в книге получились самыми трогательными.

Дыгьэ кьухьэжым и нэр тепльызэу,
Пальэншэ гугьэм кьызэпикьузу,
ЗэришэкІауэ и цыхьарышхуэр
Ди бжэщхьэІужьым тесц си анэшхуэр.
Гьуджэ-еджапІэ, гьатхэ-лэжьапІэ –
Моу сынокІуэжыр, моу сыносыжыр...
И нэкІэпс тІэкІур кьыфыІэпыжу,
Автобус блэкІхэм ящІэдэІужу,
Дыхьэ-дэкІыжхэм якІэлъыхьуапсэу,
Ди тетІысхьэпІэм тесц си анэшхуэр.
Хьидыр-Кьурмэныр – НэщІыр-уэс цынэр –
Моу сыносыжыр. Сыныдохьэжыр!
Бжьыхьэ-лэжьапІэ-щхьэегъзыпІэ...
СокІуэ, сокІуатэ, сыкьокІуэтыжыр...
Зэм сощІыІунэ, зэм сощІыІушхьэ –
Сильци архьуанэ – сыхушІэмышьэ!
ЩІыІэ техьэгьуэ зэришэкІауэ
Си нэу плъызарэ си фэу пыкІауэ,
Кьухьэжа дыгьэм и псэр дыпыхуу,
Ди бжэщхьэІу нэщІыр – Зы гуэныхьышхуэш...
(«Анэшхуэ»)

Разбить это стихотворение на строфы невозможно, это один вдох. Читаешь – и мурашки по душе... Это гимн всем каменноостским и, конечно, всем адыгским нанам! Достоинно «Няни» Пушкина, «Ты жива еще, моя старушка» Есенина.

«Дыгъэ къухъэжым и нэр теплъызэу,
Шальэншэ гугъэм къызэпикъузу,
ЗыришэкIауэ и цыхъарышхуэр
Ди бжэщхьIужьым тесщ си анэшхуэр».

Перед нами – поэт-живописец. Читатель просто видит нану, немного севший ее серый пуховый платок, деревянное крыльцо, с которого местами сошла краска, полные тоски ее глаза... Такие образы входят в сердце и там навсегда остаются. Только необычайно глубоко и тонко чувствующий человек может написать такие стихотворные произведения. Да, все чувствуют. Но не с одинаковой силой. Не как все чувствовала Марина Цветаева. Не как все она умела это передавать через художественное слово. Поэтому она и Марина Цветаева. Это от неба. Так и у Асият Кармовой. В ее поэтической натуре необычайно удачно сочетаются яркая самобытность и высокая интеллектуальность, тончайший психологизм и обнаженная эмоциональность, что делают ее поэзию не похожей ни на чью. Она у нее сродни неотполированной Жизни: и ласкает, и бьет, и возмущает, и вдохновляет, и радует, и печалит.

Къару лъэщыр щыхасэ мо уэгур –
ЖыкIэрахъуэм сыкъызыха Iэпщэр –
Псэр схэтыху къыпхуеуэну мы си гур –
ГугъэфIэну пхуэсIэтыжа напщIэр –
Си тхьэлъанэщ: къызэджемэ пIальэр,
Уи цIэрщ хьэршым тхьэлъэIуу здисхьэнур

Рожденная из глубоко личных ощущений и переживаний поэзия Кармовой охватывает многие слои этнического и общечеловеческого культурного богатства, хотя поэзия эта вся адыгская, без заимствованных у кого бы то ни было образов, отшлифованная, думаю, долгой и напряженной внутренней работой ее автора. В поэтическом слове этой молодой женщины звучит весь хор наших дедов и прадедов, наших первых поэтов, не переложивших на бумагу своих строк. В современной адыгской поэзии с таким «возрастом» художественного слова редко встречаешься. Есть много хороших поэтических произведений, но рожденных от книжных знаний, от искусственно сочиненных метафор, оттого и немного недосоленных. И это объяснимо. Этническое дерево было срублено. К счастью, остались корни, и от них побежали новые ветви. Это радость и надежда для этноса.

ФокIадэ мазэу, мэз гуэрэныгуэр
ЩызэпэпкIухьым, ушыIэджт,
Мазэ изыгъуэу си данэпс тIэкIур

Зэрыджей дэпым кыIэпыпхыжт...
Афэ пкы задэу зэщIэузэдауэ,
Си гьуджэ иплэм ущызгьэфIауэ,
ЩыхупIэ задэкIэ укьээзгьэIауауэ,
Абрэдж шу щауэр – ууанэ мыгьуэт!
Нэтыхьуей гуашэу сырамышауэ,
Балькь архьуэнэжьым сыпIимыхауэ,
АдрыщI мэзыжьым щызусыжауэ,
Щтэращтэ жэщыр си кIуэдыжыгьуэт!
(«Щтэращтэ»)

Пикантная тема. Любовно-романтическая история о свободоловбиво абреке и черкешенке-дворянке. Между строк мы прикасаемся к целому пласту истории и культуры этноса. Автор это делает блестяще. «Афэ пкы задэу зэщIэузэдауэ», «Абрэдж шу щауэр – ууанэ мыгьуэт!». Героиня говорит из той эпохи, не иначе как. В суть лексических понятий, спрессованных в каждой строке этого стихотворения, непросто сразу вникнуть. Ты возвращаешься к началу и вновьходишь в «кармовское» поэтическое пространство. И оно начинает открываться, и тебя накрывает радость от прикосновения к богатейшему адыгскому языку! Дело не только в том, что автор мастерски владеет художественным словом. За этим словом стоит незаурядная личность, заставляющая посмотреть на этот седой мир по-новому и удивиться бесчисленности его проявления в каждом из талантливых людей. Только снизошедшая сила может сотворить истинную поэзию!

Если говорить о стиле поэтической речи Кармовой, он очень привлекательный, потому что эта поэзия наполнена всем, что необходимо. Ей местами не хватает легкого течения, и, думается, это от того, что интеллект начинает доминировать над чувствами. Наслоение смыслов, пожалуй, местами перенасыщает стихотворную строку. Но этот стиль соответствует непростому поэтическому и личностному восприятию мира автором, и тем он неповторим и интересен.

КьызгурымыIуэр кьызыгурыIуэу,
Псэ зыIут закьуэ! Зы Уэрсэрыжь!
СIуэтэжыфынуш – кьысхуэгьэнаIуэ –
Кьыщыслыхьуэнур дэнэ IыIуш?

Это строки из стихотворения «Таурыхь зэхэджэ», мимо которого сложно пройти. Оно сатирическое, пожалуй, не характерное для Кармовой. Оно о нашем времени, о том, как мы, оказавшись перед ли-

цом большого Рынка, открыли в себе самые разные внутренние качества: предприимчивость и приспособляемость в их негативных проявлениях, умение трансформироваться в самые неожиданные для себя человеческие, точнее сказать, нечеловеческие формы, твердость духа или уход в депрессию. Непростые годы, последовавшие за крушением Страны Советов – они стали серьезным полигоном духовного испытания для советского народа. Найти себя в этом рыночном мире, да еще оставаться верными себе и своим внутренним ценностям, конечно, не все смогли. Людей наших ждали большие разочарования. Думаю, что эти разочарования очень болезненно и остро почувствовала и поэтесса. Что происходит? Как не потерять свое человеческое лицо? У кого найти ответы и опору? Где наши герои, где наши идеалы?

«Псэ гулээ Ыхьэм сызэпигъэзу.
Гъуэгу зэхэКыпIэр зэпызокIухъ –
Зы гъуазэ гушэ! Зы лъагъуэ клапэ!
Къыщыслыхъуэнур ЛыIущ?!
СыщIеупщIынур си куэдыкIейуэ –
Таурыхъ зэхэджэм сыхокIэрахъуэ...
(«Таурыхъ зэхэджэ»)

Ответы не находятся. Поэт выбирает острословие, которое вызывается неприятием, возмущением и протестом против всего, что не принимает душа:

ДыгъуэлI – дыгъуэшым я санэхуафэщ –
Къадэхуэ шхахуэр зэхапхъуэтэжу,
Зыхамыгъыхьэр – мэажэгъафэ.
Фэбжь зытехьахэр заусыгъуэджэу,
Эскулап нэпцIым зэхузэблокI –
Франклин-сурэтыр игъэгуфIакIэу,
Фейдэ нэлэтым уз-бын хепIыкI!
Таурыхъ къуэладжэм сигъуэщыхъауэ,
Лъэпкъыжь ЛыIущым сыхIэлъоджэж –
Къуишхуэ гуартэм дауплIэнщIауэ,
Зы Къуий Iущ ЦIыкIуи сымыгъуэтыж...

Ирония у поэта переходит в саркастический смех, («Къуишхуэ гуартэм дауплIэнщIауэ, Зы Къуий Iущ ЦIыкIуи сымыгъуэтыж»). Обесценившиеся в наш век духовно-нравственные ориентиры – тема глубоко драматическая для поэта, потому и язык, найденный к выражению этой темы, не мог быть другим.

Поэзия Кармовой многослойная и многозначная, сложная и

простая. Она про землю и небо, про душу и тело, про одного человека и про целый этнос. Читаешь и думаешь... Читаешь и наслаждаешься... Правда, нам, многим современникам автора, книгу стихов «АдрыщI ныджэ» придется читать со словарем. Уж больно много в ней исконно адыгских слов, архаичных и не очень, смысл которых мы можем не знать в силу того, что редко их слышим в той языковой среде, в которой сегодня существуем.

А Асият Кармова просто достает из своего «золотого сундука» слова-бриллианты и делится ими щедро с нами!

Эмоциональный интеллект и талант поэта Кармовой дали замечательный результат – «АдрыщI ныджэ», первый сборник стихов, в котором она взяла очень высокую художественную планку. После знакомства с произведениями Асият Кармовой остается чувство, что за прочитанным стоят еще множественные смысловые контексты. Они возвращают к себе, и ты снова и снова перечитываешь их. Это почва, из которой выросло уникальное дерево-поэзия! И от соприкосновения с этим явлением тебя наполняет радость!

*Редакция «ЛКБ» продолжает прием материалов для участия в конкурсе переводов стихов и прозы национальных авторов. Лучшие работы будут опубликованы в журнале, победитель – рекомендован в коллегии переводчиков при СП КБР.

НАРОДНЫЙ АРТИСТ

И. К. Атабиев

Указом Главы КБР Казбека Кокова от 3 ноября 2022 года за достигнутые успехи и многолетний добросовестный труд почетное звание «Народный артист Кабардино-Балкарской Республики» присвоено Игорю Атабиеву – доценту кафедры хореографии Северо-Кавказского государственного института искусств, заслуженному артисту КБАССР, Республики Ингушетия и Чеченской Республики, заслуженному деятелю искусств Республики Ингушетия, заслуженному деятелю искусств Республики Южная Осетия, художественному руководителю государственного казенного учреждения «Государственный академический ансамбль танца «Кабардинка».

Игорь Атабиев совмещает работу в прославленном творческом коллективе с преподавательской деятельностью в Северо-Кавказском государственном институте искусств, где является доцентом кафедры хореографии, преподает дисциплину «Искусство балетмейстера».

Он родился 28 января 1962 года. Трудовую деятельность начал в 1980 году в качестве артиста балета государственного ансамбля танца «Кабардинка» после окончания Кабардино-Балкарского культурно-просветительного училища. Работая в ансамбле, окончил Российскую Академию театрального искусства по специальности «Искусство хореографии».

Будучи блистательным танцором, обладая замечательной фактурой, изящной пластикой, с первых дней И. К. Атабиев становится ведущим солистом ансамбля. Сольные номера, поставленные и исполненные Игорем Атабиевым, становятся эталоном для многих артистов нашей республики, артистов ансамблей национальных танцев республик региона. Как постановщик он достиг высоких художественных результатов в сочинении танцев, в выражении своего мировоззрения через хореографические постановки.

И. Атабиев создает образы предков и современников, опираясь на народное искусство и опыт предыдущих поколений артистов и хореографов ансамбля. «Кабардинкой» Игорь Килишбиевич начал руководить в 1999 году, приняв эстафету от народного артиста РСФСР

Мутая Исмаиловича Ульбашева – выдающегося танцора, балетмейстера, хореографа, который возглавил созданный в 1998 году фольклорно-этнографический ансамбль «Балкария» и проработал в этом коллективе до конца своей жизни.

Игорь Атабиев имеет почетные звания нескольких регионов нашей страны. По несколько раз в год работает в качестве члена жюри на различных конкурсах – в Москве, Красноярске, Сочи и других городах. Игорь Килишбиевич – неоднократный участник творческих симпозиумов, посвященных истокам и проблемам русского танца, современному состоянию хореографического искусства народов России.

Ансамбль «Кабардинка» с гастролями побывал во многих странах. Творчество Игоря Килишбиевича отмечено многими государственными наградами и знаками отличия общественных организаций.

В 1985 году награжден «Почетной Грамотой Президиума Верховного Совета КБАССР» за проведение дней СССР в Иордании.

В 2007 году И. К. Атабиев подготовил культурную программу к 450-летию добровольного вхождения Кабардино-Балкарии в состав Российского государства, которая с успехом была представлена в Кремлевском концертном зале.

В декабре 2012 года награжден премией Правительства Российской Федерации в области культуры за творческие и профессиональные достижения.

В феврале 2014 года вместе с ансамблем принимал участие в церемонии официального открытия 126-й сессии Международного олимпийского комитета, а также, выдержав конкуренцию, ансамбль «Кабардинка» получил право выступать в концертной программе Олимпиады в Сочи.

В 2019 г. в ГИТИСе состоялась защита диссертации по теме «История, поэтика и типология черкесских (адыгских) танцев», И. К. Атабиеву присвоена ученая степень кандидата искусствоведения.

О жизни и творчестве Игоря Атабиева можно написать большой, красивый роман. Многотомный. Но здесь, в связи с замечательным поводом, приведем лишь несколько фактов:

2012. Игорь Атабиев и Мира Кольцова – художественный руководитель и главный балетмейстер Государственного академического хореографического ансамбля «Березка» имени Н. С. Надеждиной – стали лауреатами премии Правительства Российской Федерации в области культуры. «Березка» и «Кабардинка» вместе на сцене Дома культуры профсоюзов в Нальчике.

Артисты весь вечер танцевали вперемежку, наращивая темп – то русские шали фокусно мелькали, меняя цвета, то кинжальный бой искрил в темноте. Финал-апофеоз – совместный праздничный исламей, который открыли Кольцова и Атабиев. Красота, восторг, восторг! В зале – овации. В заключение было объявлено, что Мира Кольцова удостоена звания народной артистки КБР.

Осенью в Москве оба коллектива работали в программе, посвященной 80-летию прославленного хореографического коллектива из КБР.

2013. Министр культуры Российской Федерации Владимир Мединский поздравил Игоря Атабиева, удостоенного премии Правительства Российской Федерации в области культуры за концертную программу «Венок дружбы». Из правительственной телеграммы: «Ваши яркие творческие достижения, щедрый талант, духовное подвижничество служат благородному делу сохранения и развития отечественной культуры».

«Венок дружбы» – это не конкретная концертная программа, а, скорее, проект, отражающий итог моего труда в течение 33 лет. Около сорока моих авторских постановок «работают» в фольклорных коллективах по всей стране, и участие в конкурсе хореографов-балетмейстеров подтолкнуло меня на маленький личный подвиг – я собрал сценарии концертных программ, либретто, записи описания танцев, видеоматериал, и подал на рассмотрение конкурсной комиссии.

Материала получилось много, я даже сам удивился его объему. «Венок дружбы» – название актуальное не только для нашей республики и в целом Северного Кавказа, но и для страны, даже мира. Жюри конкурса сочло возможным отметить мою работу, и этот успех я разделяю с теми людьми, кто мне помогал, у кого я учился».

С 2013 года инициативу по организации концертов, посвящённых Международному дню танца, взял на себя Игорь Атабиев. Приглашая

коллег принять участие в совместном выступлении, он преследует цель объединения народов посредством культуры. Более десяти лет в программу майского мероприятия включаются выступления трёх государственных танцевальных ансамблей Кабардино-Балкарии – «Кабардинка», «Балкария», «Терские казаки», а также коллективов из разных регионов юга России: «Ставрополье», «Ингушетия», «Нальмэс» (Адыгея), «Тюльпан» (Калмыкия), «Нохчо» (Чеченская Республика)... Приглашения в зрительный зал получают ветераны войны и труда, ветераны ансамбля «Кабардинка», студенты института искусств, юные танцоры – участники детских коллективов и их родители, сирийская диаспора – вернувшиеся на родину предков черкесы...

«Мир, дружба – к этому мы стремимся, и друзья нас в этом поддерживают, – пояснял в 2014 г. Игорь Килишбиевич. – Концерт к Международному дню танца некоммерческий, но министерства культуры соседних регионов направляют к нам артистов, понимая большую значимость такого рода мероприятий.

Танец – душа каждого народа. Для нас важно, чтобы многогранность российской культуры видели и ценили жители нашей республики, молодежь перенимала традиции старших».

2014. Открывать культурную программу XXII Олимпийских зимних игр в Сочи (с 7 по 23 февраля 2014 г.) было доверено «Кабардинке», ансамблю «Русская песня» под управлением народной артистки России Надежды Бабкиной и Московскому государственному академическому театру танца «Гжель», художественным руководителем которого является народный артист России Владимир Захаров. Их сменили коллективы из Карачаево-Черкесии, Башкортостана, Чеченской Республики, Дагестана. Спортсмены, гости Олимпиады, волонтеры в течение двух недель знакомились с танцевально-песенным творчеством многих регионов России.

Выступала «Кабардинка» и на церемонии награждения первых победителей Олимпийских игр в Сочи на главной сцене парка, откуда велась прямая трансляция на 46 стран мира. «Мы представили свои лучшие номера: «визитную карточку» ансамбля – старинный княжеский танец «Кафа» и зажигательный перепляс, – рассказал И. Атабиев. – Дуулисты (барабанщики) ансамбля показали музыкально-танцевальную композицию «Ритмы кавказских гор». Приглашали нас и в эфир Первого телеканала, в программу Андрея Малахова.

В Доме адыга во всем присутствовал национальный колорит, люди приходили, чтобы узнать о культуре нашего народа. Мы там встретились с давними друзьями из народного самодеятельного ансамбля адыгского танца «Шапсугия» из Лазаревского района г. Сочи.

Всюду, где довелось выступать, мы устраивали «джег» – черкес-

ский танцевальный круг, и гости Олимпийского парка отплясывали вместе с профессиональными танцорами, фотографировались с ними. В Сочи было тепло, и атмосфера в Олимпийском парке была теплой, доброжелательная, праздничная.

Талант балетмейстера-постановщика, хореографа, руководителя – всё сошлось в личности Атабиева, и без любимого дела он свою жизнь не представляет. На вопрос о возможности ухода в бизнес, зарабатывания больших денег, он однажды почти с возмущением ответил: «В “Кабардинке” я с 1980 года. В 1989 – 1991 был худруком коллектива, затем работал в Москонцерте и параллельно создал нальчикский муниципальный ансамбль «Кавказ», артисты которого позднее влились в состав “Кабардинки”. С 1999 года и по настоящее время я – художественный руководитель. Пройти такой большой профессиональный путь и всё бросить? Нет, это не для меня. И конторским служащим, чиновником я себя не вижу».

Коллеги в адрес Атабиева шутят: «Танцевать он начал раньше, чем ходить, ведь его мама Нина Исмеловна была гармонисткой, так что Игорь из колыбели выпорхнул в пируэте».

Поклонники Государственного академического ансамбля танца КБР «Кабардинка» увидят новые концертные программы в постановке народного артиста КБР Игоря Атабиева. В их зрительском успехе не сомневаемся!

АВТОРЫ ИЗ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ
В СПЕЦВЫПУСКАХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЖУРНАЛОВ

В декабре Ассоциация союзов писателей и издателей представила в Москве специальные выпуски журналов «Дружба народов» и «Аврора», в которых широко представлены авторы из Северокавказского региона, в том числе произведения поэтов и писателей из Кабардино-Балкарской республики. В журнал «Дружба народов» вошли стихи Зарины Кануковой в переводе с кабардинского и Аскера Додуева в переводе с балкарского языка, а в литературно-художественный и общественно-политический журнал «Аврора» – произведения Сакинат Мусукаевой, Петра Хатуева, Юрия Тхагазитова.

Журнал «Дружба народов» впервые вышел в свет в 1939 году. В эпоху становления государства на уровне высшего руководства понимали, сколь необходимо объединение многонациональной страны в единый союз, и литературное слово, в том числе, было средством достижения этой цели. При огромном разнообразии в стране литературных журналов, «ДН» всегда отличало именно это – интерес к национальным литературам, благодаря чему многие авторы получили всесоюзную известность. Несмотря на глобальные перемены, произошедшие в стране до нынешнего времени, концепция журнала имеет под собой практически ту же основу – изучение языков коренных народов и популяризация национальной литературы. Сменяются поколения, меняются реалии времени, но сохранить классику, при этом открывая новые имена – первостепенная задача журнала. Благодаря качественному переводу, в любом уголке огромного государства на общедоступном языке можно насладиться поэзией и прозой. Председатель Ассоциации союзов писателей и издателей Сергей Шаргунов сказал: «Наша страна многогранна, мы не всегда имеем возможность побывать в разных ее уголках, но открыть книгу того или иного автора, на мой взгляд, это все равно, что съездить к нему на родину». Имена поэта Аскера Додуева и поэта, драматурга Зарины Кануковой хорошо известны в родной Кабардино-Балкарии. Их замечательные произведения – ценность национальной поэзии, теперь доступны к прочтению на страницах спецвыпуска «ДН». Благодаря добрососедским связям мы имеем представление о традициях и культуре республик Северного Кавказа. Возможно, поэтому их творчество нам более понятно и близко. В нынешнем номере можно найти произведения осетинского писателя Мелитона Казиты, ингушского поэта Исропила Татриева, дагестанских авторов Хаджи-Мурата Таибова и Магомеда Ахмедова. В рубрике «Мифы и сказания» впервые представлен осетинский

эпос «Сказания о даредзанах». А вот дальний в буквальном смысле округ представила самый молодой автор этого номера – чукотская писательница Самира Асадова описала быт и обычаи чукотских оленеводов в рассказах «Веселые праздники чаучу». Это совершенно потрясающее погружение в непривычный, неизвестный мир северного народа. Февраль – часто самый холодный зимний месяц в определенных широтах, у чаучу характеризуется как «иней на морде оленя». Уклад их жизни основывается на древних знаниях и житейской мудрости. На вопрос детей, почему вход в ярангу только с юго-восточной стороны, бабушка отвечает: «Во-первых, с юго-восточной стороны редко дует ветер, а во-вторых, оттуда поднимается солнце. Откуда поднимается солнце, оттуда начинается жизнь». Для тех, кто ищет литературу философско-религиозной направленности, в рубрике «non-fiction pro» Александр Чанцев представил новинки жанра в серии статей «Дети собрались у Божьего престола». Любителям театра будет интересна рецензия Бориса Минаева «Эпоха клоуна» на новую постановку «Гамлета».

С выходом спецвыпуска и авторов, и читателей поздравил главный редактор «ДН», поэт, прозаик, переводчик Сергей Надеев: «Журнал издается с 1939 года и основная его концепция – именно представление многонациональной литературы на русском языке. Русская литература не может развиваться без национальной, а национальные литературы не могут существовать без русской. Последние 35 лет, когда произошел упадок в школе перевода, сложилась не очень приятная тенденция, когда национальные авторы стали переходить на русский язык. Например, в Бурятии уже практически не пишут на родном языке. Это скорбные реалии. «ДН» продолжает печатать национальных авторов, хочу напомнить имена классиков, которых все знают. Это балкарский поэт Кайсын Кулиев аварские поэты Расул Гамзатов и Фазу Алиева, чукотский писатель Юрий Рытхэу, калмыцкий поэт Давид Кугультинов, татарский писатель Муса Джалиль. В нынешний номер журнала мы включили писателей в рамках действующих традиционных рубрик: проза, поэзия, жизнь в литературе, нация и мир, секреты мастерства, non-fiction. На страницах журнала встретились авторы из Улан-Удэ, Казани, Иркутска, Уфы, Сыктывкара, Цхинвала, Нальчика, Махачкалы, Анадыря, ингушского села Али-Юрт, дагестанского села Выше-Таловка. Переводы делались с аварского, башкирского, ингушского, кабардинского, балкарского, коми, осетинского, табасаранского языков. К сожалению, объем журнала не позволяет более широко представить нашу необъятную родину, но и сделанное нельзя обесценить, тем более что планы у нас грандиозные – охватить еще большее число авторов и выпустить авторские сборники».

«Аврора» – журнал, который выпускается с 1969 года, знакомит читателя с актуальными материалами в общественно-политической жизни общества, тенденциях в литературе, искусстве. Среди публикаций можно найти стихи, отрывки из произведений разных авторов, публицистику.

Особенностью журнала является то, что рубрики каждый год разные. Публикация в литературном журнале традиционно является знаком качества, признанием литературных способностей автора. «Аврора» – литературный журнал с большой историей, который вопреки тяжелым для литературной периодики временам продолжает регулярно выходить в свет. В журнале публиковались произведения Захара Прилепина, Романа Сенчина, Германа Садулаева, Виктора Пелевина, Петра Кожевникова. Специальный выпуск широко представил литературы национальных авторов. Начинается он с повести Сакинат Мусукаевой «Мать» – глубокой, полной драматизма истории женщины, потерявшей мужа и двоих сыновей, исполнявших воинский долг. Единственный оставшийся в живых, младший сын едет с журналистской миссией в охваченный войной Грозный и пропадает без вести. Женщина отправляется в путь, полная решимости найти и привезти сына домой. В разделе поэзии представлены стихи кабардинского поэта, прозаика Петра Хатуева в переводе Валерия Латынина. Замечательное творчество талантливого лирического поэта достойно внимания широкого круга читателей. Его поэзия – мир, наполненный правдивыми мыслями, яркими образами, пробуждающий сильные эмоции.

*Хвала Творцу, что уберег мне душу
От черствости и мелочных обид,
Что я заветов предков не нарушил
И жил, как кодекс нравственный велит!*

Не случайно издатели опубликовали цикл стихов Хатуева под общим названием «Спящий вулкан Кавказа». В разделе эссеистика представлен очерк Юрия Тхагазитова «Али Шогенцуков и национальный литературный процесс XX века: штрихи к научно-критической методологии», дающий представление о развитии национально-художественного мышления в кабардинской литературе.

Проза в выпуске представлена якутскими писателями Иваном Иннокентьевым, Дмитрием Наумовым и Николаем Куриловым, ингушской писательницей Эсет Теркакиевой. Тут же можно найти сатирический рассказ черкесского автора, выпускника факультета кабардинского языка и литературы КБГУ Увжука Тхагапсова «Три банки краски». Поклонников поэзии порадует разнообразие представленной стихотворной палитры поэтов из Якутии, Дагестана, Осетии и Татарстана. Раздел эссеистика поведаёт о развитии национальной ингушской литературы (Хаваш Накостоев), любовной лирике Валеха Гамзата (автор Курбан Омаханов), цветке курая, ставшем символом единения башкирского народа (Рашит Шакур).

Иллюстрации к публикациям выполнены талантливым художником Юрием Лисовским, одним из основоположников этнофутуризма. Работы художника «говорят» на языке мифов и сказаний и являются замечательным дополнением к национальной колористике произведений представленных авторов.

*Тахир ТОЛГУРОВ,
доктор филологических наук*

ПОЛЁТ СТРЕЛЫ

М. Ч. Джуртубаев

В ноябре прошедшего 2022 года ушёл из жизни Махти Чиппаевич Джуртубаев. Человек в высшей степени непубличный, но известный, тем не менее, в лицо очень многим. Человек вдумчивый, рассудительный и неконфликтный, абсолютно комфортный в личном общении. Вклад его в национальный фонд гуманитарных знаний

огромен, сравнить с ним можно работу буквально одного-двух исследователей, в то же время имя Махти Джуртубаева крайне редко встречается в победных релициях и репликах представителей официальной науки.

В иерархии академических званий и достижений Махти Чиппаевич мог занять любое, самое высокое место, но, в конце концов, учёный отказался даже от защиты кандидатской диссертации. Именно отказался, так как ему несколько раз предлагалось сделать это без представления специально написанной рукописи – протоколно подобное присуждение степени называлось «по совокупности опубликованного», а уж опубликованного Джуртубаевым хватило бы на дюжину докторских диссертаций.

Объяснения очевидного дисбаланса между реальными достижениями Махти Чиппаевича, его потенциалом и результативной отдачей от государства и социума могут быть разными – от демонстративного безразличия учёного к наградам и поощрениям, до абсолютного неумения адаптироваться к чьему-либо индивидуальному мнению, равно как и к коллективным позициям, традиционно авторитетным у нас со времён торжества идей социализма. Махти Джуртубаев являлся личностью с рельефными и нестираемыми чертами индивидуального, уникального плана. Он всегда уповал на собственное понимание ситуации, и вот этой черте его характера существовало глубокое, неискоренимое и постоянное обоснование и столь же постоянное и понятное противодействие со стороны многих коллег по филологическому цеху.

Можно долго – в соображениях корректности высказываний и их этичности – ходить вокруг и около, подыскивая слова и фразы помягче.

А можно сказать просто: Джуртубаев превосходил подавляющее большинство окружающих его людей уровнем интеллекта. И сам чётко ощущал – не показывал, но ощущал – это. Мы не знаем, тестировался ли он на показателе IQ, но мышление его поражало – как скоростью, так и глубиной. И, естественно, будучи умнее практически любого своего собеседника, он редко уступал чьему-то мнению, ограничиваясь тактичным уклонением от спора, или, в случаях, когда оппонент был ему интересен, переводя дискуссию в процесс поиска солидарного мнения.

Его исследовательская интуиция и способность к анализу были поразительны. Малейший интерес Махти Чиппаевича к научной задаче означал её значимость, его умение видеть и формулировать проблему сделали бы честь любому представителю фундаментальных направлений исследований окружающего нас мира, но он выбрал такую достаточно зыбкую и субъективную область, как национальная филология, правда, ту её сферу, что наименее подвержена влияниям и соображениям сиюминутной целесообразности.

По всей видимости, его коллег смущала и раздражала категоричность выводов и результатов анализа учёного. Она была ему свойственна. Автор этих строк помнит, как – в попытках истолковать «тёмное место» в тексте академического сборника «Карачаево-балкарский героический эпос», связанное со сценой покушения на главного героя, – впервые открыл для себя своеобразную манеру мышления Махти Чиппаевича. В сказании значилось «Пусть у клыкастого вепря клыки затупятся, пусть он останется без муравьёв». В поисках совета, я заглянул к Махти Джуртубаеву – в то время он ещё работал в институте филологии, истории и экономики (ныне КБИГИ). Его реакция была мгновенной и безапелляционной: «Не старайся, здесь что-то утраченное!». По мнению Джуртубаева, данный фрагмент не являлся иносказанием, интерпретацией символов, какой-то образной архаикой, уводящей в глубины общетюркского прошлого... Просто потеря конкретных знаний, приведшая к формированию нечитаемой кодировки. По словам собеседника, в таких случаях решение проблемы необходимо откладывать до момента обнаружения «выпавшего» звена – во избежание ложных версий и, особенно, приобретения таковыми статуса традиционных в научном пространстве. Я был смущён полной жёсткостью высказанного мнения. Но через несколько лет, совершенно неожиданно для себя, наткнулся на охотничий термин, вышедший из оборота и практически забытый балкарцами – «комулжух» («подсвинок»). Исчезающе малая разница между устным воспроизведением «комулжух» и «гумулжук» («муравей») удостоверяла проницательность Махти Джуртубаева.

Он был мастером, экспертом в деле распутывания и разрешения филологических, точнее, фольклорных загадок, и в его случае это далеко не частная черта научного мышления. Подход исследователя к интер-

претации непонятных эпизодов и деталей, как правило, вскрывал целые культурные пласты, выявлял типологическое родство различных ареалов, освещал эволюцию мышления и представлений народа. Попытаюсь пояснить примером. Широко известный фольклорный текст – короткий, но до Джуртубаева не прокомментированный:

Красная палка, ядовитая палка,

Эмегена с ног свали, палка,

Пусть его душа вылетит, как только ты тронешь его!

Яд выпускай, как только приблизишься к эмегену.

Ты ниспослана нам нашим Тейри!

Ты – копыто коня Дулдур,

Ты – челюсть старого марала... – и далее. Дешифровка описываемого объекта действительно затруднительна, и потребовала от Махти Чиппаевича фундаментального знания фольклора, материальной и духовной традиции тюркских этносов – географически весьма отдалённых от Северного Кавказа. Применяемая в языческих камланиях тюркских, монгольских и палеоазиатских сообществ Азии орба – колотушка для бубна – изначально изготавливалась не только из дерева. Она имела на одном из своих концов копыто лося или оленя, на другом – челюсть того же животного. Понятно, что приведённый народный текст представляет собой прямое описание, но понятно это стало лишь после дешифровки, проведённой Джуртубаевым. И успех её оказался совокупным результатом целого ряда компетенций, так удачно и редко сошедшихся, воплотившихся в одном человеке.

И, уж конечно, не стоит забывать, что приведённый нами образец аналитического вывода – который, естественно, предполагает предваряющий аналитический процесс, – относится ко времени торжества безусловно механистических подходов к интерпретациям фольклорных формант и этимологии примитивных сопоставлений, приводивших к анекдотическим толкованиям, таким, как объяснение балкарского названия Эльбруса – Минги-Тау – «Тысячная гора – гора из тысяч». В этом смысле Махти Чиппаевич Джуртубаев явился первооткрывателем и первопроходцем нового протокола научного подхода в национальной фольклористике, протокола, отвечающего современным требованиям, синтетического, максимально всеобъемлющего и не зависящего от вкусовых предпочтений учёного.

Слова «первооткрыватель», «основатель», «первопроходец» находятся в тесной и заметной связи с этой личностью. Речь не только о новых методах в фольклористике – заметим: в большей части разработанных им лично, отнюдь не спроецированных из мировой науки, – но и об открытии целых направлений исследовательского поиска. Нет никаких сомнений в том, что знание человека о влиянии ментальных императивов и ценностных установок на этнический эволюционный потенциал

когда-нибудь вырастут в отдельную дисциплину, так же, как выросли в неё марксистско-ленинские представления об обратном влиянии. И одним из краеугольных камней этого нового принципиального подхода будет «*Душа Балкарии*», принадлежащая перу Махти Чиппаевича. Примат духовного, доминирование этики над материальными практиками, выявленные им в некоторых элементах витальных систем балкарцев и других народов Северного Кавказа, в сущности, демонстрируют несовершенство принятого философского, онтологического воззрения на историю человечества. Как говорил сам Джуртубаев: «Не обезьяна взяла дубину, защитила детёныша и стала Номо. Она сначала стала Номо, а потом схватила дубину». И эту непривычную инверсию, свойственную мышлению учёного и воплощённую в его трудах, ещё только предстоит оценить.

Его трактовки мотивов и героев нартского эпоса поражают своей необычностью и глубиной. Взгляд Джуртубаева на соотношение солярного и хтонического миров в «*Нартиаде*», его понимание сути описываемого необычны в высшей степени. И так же доказательны. Версии учёного воспринимались бы как фантастические, если бы не точнейшая привязка их к свидетельствам текстов. Здесь возможно долго перечислять находки исследователя, их список обширен настолько, что это трудно представить, зная, насколько насыщено это поле поиска именами и работами. К слову, автора этих строк поразила и изначально привела в состояние стойкого недоверия мысль Махти Чиппаевича о «драконьем» происхождении Сосурука-Сосруко, объясняющая моменты его появления, неуязвимость, этическую амбивалентность и ряд других параметров героя. Но, как и в случае с «муравьями-подсвинками», подтверждение было найдено в неожиданном месте – в мотивах неуязвимости героев европейских эпических систем, и тогда выяснилось, что интерес Джуртубаева к архаичным формам фольклора простирается очень глубоко, во всяком случае, гораздо глубже трактовок этнических сводов и версий, уходя на горизонты ностратического мифа.

Здесь, по всей видимости, следует сделать оговорку относительно позиций Махти Чиппаевича в деле этнической идентификации свода «*Нарты*». Как бы странно это ни звучало, таковая его не интересовала. Он был увлечён фольклорными реконструкциями в среде евразийского и общемирового контекста, попытки национальной узурпации эпоса Северного Кавказа Джуртубаева попросту смешили, и его высказывания по теме являлись не более чем реакцией на ура-патриотические поползновения ряда «радетелей», более озабоченных политикой, нежели наукой.

Невозможно обойти вниманием и такую составляющую деятельности, точнее, наследия Махти Чиппаевича, как сохранение фольклорного фонда народов Кабардино-Балкарии. В самом начале нулевых годов сложилась катастрофическая ситуация, никак не транслировавшаяся насе-

лению республики: 1642 единицы хранения фонотеки КБИГИ, собиравшиеся поколениями наших учёных и не имевшие перспектив вторичной фиксации (носители фольклора, в подавляющем своём большинстве, уже покинули этот мир), оказались под угрозой исчезновения. После реконструкции здания КБИГИ магнитозаписи оказались в помещении, не обеспечивавшем необходимые условия хранения. Ленты сохли и крошились, средств и возможностей их оцифровки не было. М. Джуртубаев и А. Ципинов по взаимной договорённости начали негласную эдичионную работу, в форсированном режиме готовя издание соответствующих корпусов фольклорных текстов. К сожалению, Аслан Амербиевич не успел воплотить в жизнь это начинание. Благодаря же Махти, балкарцы и карачаевцы имеют на сегодня обширную библиотеку народных песен XV – XIX веков, и одно это должно послужить веским аргументом для официальной переоценки роли и статуса исследователя в культуре и науке КБР.

Думается, что новый взгляд на его наследие, был бы, по меньшей мере, справедлив. Ведь, в конце концов, личность, знающая себе цену, не обязана нравиться всем. Друзья и враги ушедшего учёного уже никак не влияют на масштабы и качество оставшихся после него монографий, статей и сборников. Тем более что, цenia своих близких, помня своих недоброжелателей, в поведенческих установках он никоим образом не ориентировался ни на первых, ни на вторых. И, в завершение, считаю возможным обратиться к случаю, свидетелем которого был. В частной беседе один из его бывших университетских преподавателей упрекнул Махти Чиппаевича в отсутствии внимания к советам и пожеланиям друзей и в безразличном отношении к проискам недругов. Ответ настолько понравился собеседнику, что он – известный писатель, давно отдалившийся от Джуртубаева, – тут же сообщил своему бывшему студенту об использовании его в качестве эпиграфа к одному из своих произведений. «Ты, действительно, не должен быть мне симпатичен. Хватит того, что ты умён», – добавил он. Они рассмеялись, ударили по рукам и разошлись. Автору этих строк данная фраза тоже нравится, и я хочу завершить ею разговор о человеке, достойном подробных и объёмных исследований: «Я с этим ничего не могу поделать. Я – мужчина. А жизнь мужчины подобна полёту стрелы – он не свернёт!».

*Борис ЗУМАКУЛОВ,
ветеран афганской войны,
полковник Советской Армии*

ГЕРОЮ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
М. М. УММАЕВУ – 100 ЛЕТ

*«Его имя будет жить
пока высятся наши горы...»*

23 ноября общественность Черекского района широко и торжественно отметила столетний юбилей Героя Советского Союза Уммаева Мухажира Магомедгериевича. По приглашению руководства района и администрации Селения Верхняя Балкария я принял участие в юбилейных мероприятиях.

У памятника Уммаеву состоялся митинг, после чего собравшиеся возложили цветы. Вечер памяти Мухажира Уммаева продолжился в актовом зале Верхне-Балкарской школы, носящей его славное имя. Много теплых слов было произнесено в память Мухажира, в том числе Мурадином Туменовым, Раисой Рамазановой, много сделавшими для увековечения памяти Героя; Аланом Кульбаевым, главой Черекского муниципального района; генерал-лейтенантом Борисом Аттоевым, директором школы селения Аушигер Людмилой Бадзовой, директором школы селения Верхняя Балкария Борисом Жангоразовым и другими. Выступавшие обращались к Уммаеву, веря в то, что мертвые слышат, когда о них живые говорят. Мухажир Уммаев сумел своим мужеством, отвагой поднять имя и авторитет аула Шканты и селения Верхняя Балкария выше вершин Эльбруса.

Его подвиг сегодня является примером для наших земляков, сражающихся на Донбассе, освобождая Украину от бандеровцев, как в свое время Уммаев сражался за советскую Украину против фашистов, и, как мы знаем, за проявленный героизм на земле Украины он был представлен к Звезде Героя.

Мухажир Уммаев выжил в тяжелых сражениях, вернулся весь израненный. К кровотокающим ранам добавились страдания и моральный террор депортации. Он умер в 1948 году совсем молодым. Ему было все-

го 26 лет. Уммаеву не суждено было увидеть вновь свои любимые горы, свою Балкарию, которой посвятил свои первые стихи, не ощутил он мгновений радости от восстановленной справедливости – присвоения ему звания Героя Советского Союза.

На этом вечере памяти мы все были едины в том, что имя Мухажира Уммаева

будет жить, пока живет балкарский народ, пока живет Кабардино-Балкария, пока стоят наши горы и слышится в горах родная речь.

На вечере с воспоминаниями выступила Лейля Ногерова, родная племянница Мухажира Уммаева, стихи которой с благодарностью были приняты собравшимися. Организаторы памятных мероприятий подготовили материал о жизни и подвиге нашего прославленного земляка.

Мухажир Уммаев родился в 1922 году в селении Верхняя Балкария. По национальности балкарец. Окончил педагогическое училище. В 1941 году Уммаев был призван на службу в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. В том же году он окончил Новосибирское пехотное училище.

С июля 1942 года – на фронтах Великой Отечественной войны.

Командир роты 179-го гвардейского стрелкового полка (59-я гвардейская стрелковая дивизия, 6-я армия, 3-й Украинский фронт) старший лейтенант Уммаев в боях на подступах к г. Одесса 10.4.1944 г. поднял роту в атаку и в схватке уничтожил свыше 10 пехотинцев. Рота под его командованием истребила свыше 200 вражеских солдат и офицеров и 18 захватила в плен.

На груди молодого офицера, гвардии старшего лейтенанта, были видны ордена Отечественной войны, Александра Невского и Красного Знамени, медаль «За отвагу». Этой медалью обычно награждались солдаты, в особых случаях к ней представлялись и офицеры, проявившие храбрость. Самым почетным знаком считается орден Красного Знамени, но сам Мухажир больше гордился медалью «За отвагу». В наградном листе двадцатилетнего командира написано следующее: «В бою с фашистами у села Привольное за 1630-ую высоту Уммаев Мухажир показал большое мужество и героизм, способность командовать армейской частью в самых сложных боевых условиях».

8 мая 1943 года Мухажир со своими солдатами попадает в окружение. На них наступали фашистские танковые подразделения и пехота.

В этот день подчиненные Мухажира отбили пять вражеских атак, после каждой из которых сами переходили в контратаку, нанося врагу значительные потери. В этом бою были уничтожены до 100 фашистов и подбиты более десяти единиц вражеской бронетехники. И, как всегда, Мухажир сражался в самых сложных и опасных местах. Он лично уничтожил несколько фашистов. За проявленные в этот день мужество и героизм Мухажир был удостоен ордена Красного Знамени.

...59-ая Гвардейская пехотная дивизия, награжденная орденами Красного Знамени, Суворова, Богдана Хмельницкого, вступила в ожесточенный бой за город Краматорск. В этом городе гитлеровцы были хорошо укреплены. Две вражеские пехотные роты при поддержке минометного огня предприняли контратаку против солдат Мухажира Уммаева. Несмотря на ранение, он сам становится за станковый пулемет. В этом бою две фашистские роты были почти полностью уничтожены. После этого 59-ую дивизию почетно нарекли «Краматорской», а солдаты и офицеры были удостоены орденами и медалями. А Мухажир был награжден орденом Отечественной войны I степени.

Как известно из истории Великой Отечественной войны, воины-защитники Одессы своим мужеством и героизмом удивили весь мир. Немецко-фашистские подразделения не могли взять этот черноморский порт несколько месяцев. И, чтобы не сдать его наступающим советским частям, бросили огромные силы.

10 апреля 1944 года командир пехотно-гвардейской роты Уммаев в сражении за Одессу проявил небывалую отвагу.

Под Одессой враг предпринял контратаку. Бойцы под командованием Уммаева трижды останавливали врага. Затем он повел свою роту вперед и ворвался в город. Вступая в рукопашные схватки, рота Мухажира уничтожила до 200 фашистов, Мухажир лично уничтожил 18 вражеских солдат и офицеров. 10 немцев были взяты в плен. В результате столь дерзкой и неожиданной для фашистов контратаки было захвачено огромное количество трофеев. Преследуя немцев до самого центра города, Уммаев вместе со своей ротой уничтожил еще более 100 фашистских солдат и офицеров.

В честь воинов, освободивших этот приморский город, в Москве был дан салют. Однако имя офицера-гвардейца Мухажира Уммаева, который первым в составе своей роты ворвался в город и пробился к его центру, не было озвучено ни в сводке Совинформбюро, ни упомянуто в газетах. Сами же командиры Уммаева без колебаний представили его к

званию Героя Советского Союза. Однако из-за пресловутой «пятой графы», подготовленный Указ о присвоении Золотой Звезды так и не был тогда подписан: ведь всего лишь месяц с небольшим назад народ Мухажира был оклеветан и депортирован...

После освобождения Одессы его демобилизовали, и он поехал к своим высланным землякам в Казахстан, где и умер вскоре от полученных на войне ран.

Через сорок шесть лет Президент СССР подписал Указ о посмертном присвоении Мухажире Магометгериевичу Уммаеву звания Героя Советского Союза.

Лейля Ногерова

Эти строки, как слезы к глазам, подошли.
Я пытаюсь их вымолвить снова и снова...
Ты остался в такой недоступной дали,
Что тебе не слышны даже отзвуки слова.

Круг столетья смыкается в этом году,
Только память людская не меркнет веками...
Я тебя, как обычно, поздравить приду
И украдкой поглажу могильный твой камень.

Ты сражался с врагом, защищая народ,
Шел в атаку, став частью гвардейского строя.
Справедливостью держится наш небосвод –
И однажды Звезда отыскала Героя.

Говорят, кто со славой земною знаком,
Забывает порой и о каре небесной.
Ты навеки остался простым пареньком –
Чистым искренним светом, молитвой и песней.

Ты мечтал возвратиться в родные края,
Обживая чужие степные просторы.
Возвратилась в Балкарию слава твоя,
Чтобы стали возвышенной снежные горы...

Все отдал ты, весь жар благородной души,
Но очаг свой разжечь – сил уже не хватило.
Облакам свои мысли забрать разреши,
Пусть отдаст им свой блеск золотое светило.

Жизнь твоя на земле, словно миг, коротка,
Но столетья живет благодарность людская.
И Всевышнего распорядится рука,
И навеки одарит блаженствами рая.

Не забыть никогда все, что ты испытал;
Все, что в прах повергало народы и страны.
И пускай никогда смертоносный металл
Не наносит планете кровавые раны.

Пусть обильными будут поля и сады.
И в дома, что восходят на горные склоны,
Никогда не придет черный вестник беды,
Что приносит с собою рыдания и стоны.

Пусть народ мой в достатке и счастье живет,
И гордится героев своих именами,
Свою родину – благословенной зовет,
Неизменным же – мирное небо над нами!

Я СОЛНЦЕМ НАД ЭЛЬБРУСОМ ВСТАНУ

Памяти «Кабарды» – Героя России (посмертно) Тимура Мухамедовича Тамазова, капитана, заместителя командира батальона по воздушно-десантной подготовке 237-го десантно-штурмового полка, командира штурмового отряда «Шторм» 76-й гвардейской десантно-штурмовой дивизии.

Когда паду на поле боя,
Когда снарядом разорвёт меня,
Я проросту цветами зверобоя
В горах, где вся моя родня.

Я солнцем над Эльбрусом встану
И Безенгийскою стеной,
В Азау лягу на поляну,
В мечетях отражусь луной.

Помчусь потоком ледниковым
С вершин – до голубых озёр,
В прозрачных брызгах родниковых
Сухим ветрам наперекор.

В туманной сырости Баксана,
В равнине Малки и в лесах,
В лугах весеннего шафрана
Пыльцой я стану на цветах.

В ущельях каменных Чегема,
В теснине, в водяной пыли,
По каплям соберу поэму
О красоте родной земли.

ПАРАЛЛЕЛИ В КУЛЬТУРЕ ДРЕВНИХ ГРЕКОВ И АДЫГОВ (ЧЕРКЕСОВ)

Первый человек проник из Африки через Восточную Анатолию на Кавказ и всю Евразию примерно 1,7–1,6 млн. лет назад¹. А заселение Северного Кавказа началось около 700–600 тыс. лет назад². Многочисленные следы заселения Северного Кавказа людьми с древнейших времен, начиная с периода палеолита (древнекаменного века), обнаружены во многих его регионах.

На Северном Кавказе проживали люди с самого начала истории человечества, то есть от палеолита. Древние жители Северного Кавказа – предки адыгов (черкесов) – имели тесные экономические и культурные связи с жителями областей Средиземноморья и Передней Азии³.

Эти контакты жителей Северного Кавказа с древневосточными странами значительно усилились в эпоху бронзы (конец IV – вторая половина III тысячелетия до н. э.). Свидетельством тому является знаменитая Майкопская археологическая культура, которая сложилась на Северном Кавказе в этот период. Она была создана на местной основе, при значительном влиянии переднеазиатской цивилизации.

Ученые предполагают, что в период формирования Майкопской культуры сюда проникли определенные группы переднеазиатского населения, которые принесли с собой достижения древневосточных цивилизаций, наложивших свой отпечаток на эту культуру. Здесь могли быть либо шумеры или хурриты, либо хатты Малой Азии⁴.

Следует обратить внимание и на то, что некоторые специалисты не без основания рассматривают влияние переднеазиатской цивилизации на формирование Майкопской культуры не как результат миграционных процессов с юга на север. По их мнению, Северный Кавказ в те далекие времена являлся северной периферией древневосточной цивилизации⁵.

С этим можно согласиться, если учесть, что на огромном пространстве от Малой Азии до Северо-Западного, Центрального Кавказа, северного, восточного и южного побережья Черного моря, Приазовья и Крыма в это далекое время (IV–III тыс. до н.э.) проживали близкородственные племена – древнейшие предки адыго-абхазов. В Малой Азии – хатты и каски и им родственные народы, на Северном Кавказе – синдо-меотские племена (тореты, керкеты, псессы, дандарии, синды, фатеи, ахейцы, гениохи, зихи и др.).

Позже из них сложились адыгские племена и близкородственные

им убыхи, абхазы, абазины. Они все составляли единую группу племен, имевших общее наименование, общий язык, общую культуру в целом⁶.

Как видно, одним из автохтонных и древнейших народов Северного Кавказа являются абхазо-адыги. Они испокон веков занимали самые важные в стратегическом отношении и плодородные земли края. Через их территории проходили все важнейшие торгово-экономические и военные пути. И кто бы ни приходил в этот край из других регионов, все они в первую очередь сталкивались с ними и устанавливали самые разнообразные контакты, в том числе и культурные связи.

Такие же связи устанавливали многие народы с хаттами и касками и им родственными племенами – одними из древнейших предков абхазо-адыгов, которые проживали в Малой Азии, так как этот регион тоже был важным пунктом на пути передвижения народов.

Одним из первых этносов, которые устанавливали подобные связи с предками абхазо-адыгов, были предки греков и сами греки. Поэтому неслучайно мы наблюдаем так много параллелей в культуре греков и адыгов (черкесов). Их много, прежде всего, в мифологии, фольклоре, религии, традициях, обычаях и многом другом.

Многие аспекты столь интересной и важной для науки темы, как аналогии в культуре древних греков и адыгов, затрагивали в различные периоды отдельные авторы. И, надо признать, что ими было сделано немало важных открытий. Это такие известные авторы, как Фредерик Дюбуа де Монпере⁷, А. М. Гадагатль⁸, И. В. Тресков⁹, В. И. Абаев¹⁰, В. Г. Ардзинба¹¹, О. Р. Герни¹², С. Л. Николаев¹³, Дж. Г. Маккуин¹⁴, Е. И. Крупнов¹⁵, А. Ф. Лосев¹⁶, Н. Г. Ловпаче¹⁷, Е. А. Ахохова¹⁸, А. Х. Хакуашев, М. А. Хакуашева¹⁹, В. Ф. Миллер²⁰, Л. Г. Лопатинский²¹, Балкър Сельчук²², С. Х. Хотко²³, А. М. Шаззо²⁴ и др.

Однако эта проблема остается до сих пор малоизученной в истории и культуре адыгов. В данной работе мы попытались затронуть как можно больше аспектов обозначенной темы. Прежде всего, следует отметить, что их невозможно рассматривать в отрыве от культуры хаттов и касков и многочисленных родственных им народов, поскольку они и синдо-меотские племена составляли одну группу родственных племен и их культура, традиции и обычаи были едиными или, по крайней мере, во многом одинаковыми.

Необходимо учитывать и то, что древние греки и их предки в первую очередь установили тесные контакты с хаттами, касками и родственными им племенами, а позднее, по мере продвижения греков на восток, столкнулись с синдо-меотскими племенами на Северном Кавказе. Эти связи между ними продолжились вплоть до средневековья.

Как было сказано выше, много интересного и любопытного мы наблюдаем в культуре древних греков и хаттов, касков, синдо-меотов, а

также их потомков – абхазо-адыгов. Особенно их много в мифологии, фольклоре, традициях и обычаях.

В этом плане древнегреческая мифология и адыгский нартский эпос предоставляют нам богатый и разнообразный материал. Здесь в качестве сравнительного материала мы приводим в первую очередь поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея» и адыгский Нартский эпос. В этих произведениях мы находим много примеров, где говорится о схожих, как в древнегреческой, так и в адыгской мифологии, традициях и обычаях, сюжетных параллелях.

В частности, богиня Гера – одна из жен Зевса называлась «Белорукая Гера». Так, в «Илиаде» мы читаем:

*«...И не была послушна ему белорукая Гера.
...Там удержала коней белорукая Гера-богиня,
Их отпрягла и туман вокруг коней разлила непроглядный;
На берегу Симоент им амвросию вырастил в пищу»²⁵.*

В адыгском нартском сказании «Сосуруко и Адиюх» говорится, что высоко в горах, под крутым обрывом, у верховья р. Инджиж (Зеленчук), стояла на утесе крепость. Жили в этой крепости муж и жена из рода нартов. Муж был удачлив, потому и носил имя Псабыда («крепкая душа»). Псабыда потому был удачлив, что помогала ему жена, солнцеподобная красавица Адиюх. Когда Псабыда отправлялся в походы, Адиюх садилась у окна башни и протягивала в окно свои руки, белые светозарные руки. В самую туманную ночь, когда человеку не нужны его зоркие глаза, в самый пасмурный день, когда мир исчезает в тумане, протягивала в окно Адиюх свои руки, льющие свет, и темная ночь обращалась в сверкающую, лунную, а пасмурный день – в яркий и солнечный. Оттого и звалась эта нартская женщина именем Адиюх, что означает «Светлорукая»²⁶. «Адиюх» – адыгское двухсложное слово: «Іэдий» – «рука» и «хужь» – «белый», «белая», что в переводе означает «белорукая».

Как видно, древнегреческая богиня Гера и героиня адыгских сказаний функционально близки друг к другу: белорукая Гера под Троей влияет на погоду и оказывает помощь ахейцам в борьбе с троянцами, как помогала Адиюх своему мужу переправляться через реку Инджиж после возвращения из похода. Эти совпадения не случайны. Но обращает на себя внимание и еще тот факт, что в адыгском нартском эпосе подробно поясняется, почему Адиюх называли «белорукая». Такого объяснения, почему Гера называлась «белорукая», мы не находим у Гомера в «Илиаде». У греков Гера стала богиней, тогда как Адиюх у адыгов осталась представительницей нартов. Тем не менее, в нартском сказании говорится, что она обладает такими же силами, как богиня, и может влиять на погоду и судьбу своего мужа Псабыда.

Сюжеты адыгского нартского сказания «Сосуруко и Адиюх» и гре-

ческий миф «Геро и Леандр» еще больше похожи друг на друга. Геро тоже жила у моря в одинокой башне. Она, как и Адииху, освещала факелом ночью волны моря и этим самым помогала своему возлюбленному Леандру, который переплывал море через Геллеспонт (Дарданелльский пролив) для встречи с ней. И он погибает, когда ветры погасили факел Геро, которым она освещала ему море. Как видно, эти события разворачиваются на территории Малой Азии, где проживали хатты и каски – предки адыго-абхазов. Это тоже не случайно.

Одним из ярких примеров сюжетных параллелей между произведениями Гомера и Нартского эпоса адыгов являются следующие мотивы: а) в гомеровском эпосе видим похищение Елены троянцами и войну ахейцев с последними, в результате которой Троя была разрушена до основания; б) адыгское нартское сказание зовется «Как нарты во главе с Уазырмесом освободили Сатаней, похищенную испами».

В этом сказании говорится, что представители малорослого племени испов во главе с их предводителем Белобородым, выбрав удобный случай, когда взрослые нарты отправились в дальний и долгий поход, похитили всеми любимую гуашу Сатаней. Тревога и горе охватили молодых нартов, которые не смогли защитить её. Три раза пытались они штурмовать крепость Белобородого, где держали Сатаней, но их попытки заканчивались неудачей. Тогда нарты отправились к старой вещунье Уорсар – только она одна могла помочь им советом. Она сказала, что нарты испов не одолеют, пока не пригласят на помощь храброго Уазырмеса. Но когда нарты обратились к нему за помощью, он им в свою очередь поставил условие, чтобы взяли в поход хитрого и умного Горгоныжа. В конечном итоге нарты добились, чтобы Горгоныж отправился с ними на штурм дворца испов.

Уазырмес оседлал своего пегого коня, свинопас Горгоныж сидел на кабана. А молодые нарты, прежде чем сесть на коней, сказали, что необходимо завязать лошадям морды, чтобы они не фыркали и не слышали их испы при подъезде к крепости. В пути кабан Горгоныжа, не успевая за нартскими лошадьми, пал. Чтобы не оставлять на дороге своего верного друга-кабана, Горгоныж связал его мертвого, вкинул на плечи и пошел за нартами. Перед штурмом крепости испов Горгоныж предложил Уазырмесу, чтобы он позволил ему идти впереди нартов с тушей кабана. Так и поступили. Стрелы испов падали на тушу кабана, которую держал Горгоныж, как щит, и ни одна стрела не попала в нартов. Так они разрушили крепость испов, уничтожив их, освободили Сатаней²⁷.

При внимательном сравнении этого сказания с сюжетом о Троянской войне мы находим несколько аналогий между причинами этой войны, примененными хитростями ахейцев и данайцев против троянцев.

Во-первых, Парис – сын троянского царя Приама, воспользовавшись отсутствием Менелая – царя Спарты, крадет и увозит его жену

Елену в Троию. И в адыгском сказании о захвате испами Сатаней, и у Гомера в Илиаде о похищении Елены сказано, что в первом случае отсутствовали все взрослые нарты, а Елену похитил Парис, когда её мужа не было дома.

Во-вторых, в адыгском нартском сказании вещунья Уорсар предсказала, что нарты не победят испов, если не позовут на помощь храброго и умного Уазырмеса. А он, в свою очередь, поставил условие, чтобы позвали в поход свинопаса Горгоньжа, благодаря которому они одерживают победу над испами. А в «Илиаде» у Гомера оракул предсказывает, что Троию ахейцы не возьмут, если в походе не будет участвовать Ахиллес. Его мать Фетида знала, что если он пойдет на войну, то погибнет под Троей, и по этой причине она скрывает его на острове Скирос среди дочерей тамошнего царя Ликамеда (одетого в женское платье).

В-третьих, и в адыгском нартском сказании, и в гомеровском эпосе помощников (Горгоньжа и Ахиллеса) привлекают хитростью.

Переодетый купцом Одиссей прибыл в Скирос, разложил перед дочерьми Ликамеда разные женские украшения, среди которых были щит и копье. Одиссей поручил своим спутникам разыграть под окнами царя Скироса нападение врагов. Девочки вскочили и убежали, Ахиллес, который находился среди них, переодетый в женское платье, схватил щит и копье и бросился в битву. Таким образом, он был узан ²⁸.

А в нартском сказании о хитрости, примененной в отношении Горгоньжа, говорится, что, когда в третий раз прислали за ним, посланник специально задержался в дороге. Тогда Горгоньж сердито спросил его: что так долго не шел? Тот ответил, что нарты мололи просо и он остался считать зерна. А Горгоньж тогда сказал: «Ну, раз ты можешь сосчитать зерна, значит, можешь заменить меня здесь (то есть остаться пасти его свиней – К. У.)». Так он согласился пойти в поход с нартами.

В-четвертых, по совету Одиссея, ахейцы при взятии Трои тоже применяют военную хитрость – соорудить «Троянского коня» ²⁹. В поэме «Одиссея» Гомера мы читаем:

*«...и запел Демодок, преисполненный бога;
В море отплыли данаи, предавши на жертву пожару
Брошенный стан свой, как первые мужи из них с Одиссеем
Были оставлены в Трое, замкнутые в конской утробе,
Как напоследок коню Илион отворили трояне....
Было судьбой решено, что падет Илион, отворивши
Стены коню, где ахейцы избранные будут скрываться,
Черную участь и смерть приготовив троянам враждебным.
После воспел он, как мужи ахейские в град ворвались,
Чрево коня отворив и из темного выбежав склепа;
Как, разъяренные, каждый по-своему град разорали...»* ³⁰

А при штурме крепости испов нарты тоже, воспользовавшись сове-

том Горгоныжа, пустили его самого вперед против врага с тушей кабана, которая служила щитом³¹.

Еще больше аналогий мы замечаем между гомеровским эпосом и кабардинским сказанием «Красавица Елена (в адыгских вариантах вместо Елены сказано Гуашэ, то есть, если вспомнить нартское сказание о похищении испами Саганей Гуаша, речь идет именно о ней) и богатырь- женщина».

На наш взгляд, удачно отметил эти параллели Л. Г. Лопатинский в этом же сказании. Он, в частности, указал на следующие аналогии:

1). Парис прибыл в город Менелая из Трои, а черкесский красавец купец – Дежых тоже из приморского города Шахар; этот город, по сказанию, лежал недалеко от современного Стамбула. А там жили хатты – предки адыгов. Следует отметить, что вблизи развалин древней Трои находится турецкий городок Енышехр – Новый город. Что напоминает нам Новый Илион – Новую Трою эпохи Александра Великого и Юлия Цезаря, построенную на месте развалин древней Трои или недалеко от нее;

2). Кабардинская Гуашэ принимает купца Дежыха в отсутствие мужа так же гостеприимно, как греческая Елена – Париса, уехавшего, по преданию, на остров Крит; в обоих случаях гость злоупотребляет правом гостеприимства;

3). Черкесский купец Дежых похищает Гуашэ в то время, когда она купалась в море со своей горничной – унэИут; и греческая Елена, согласно тексту александрийского ученого Ликофрона, была похищена на берегу моря, когда она приносила жертву Вакху; по «Илиаде», она дала себя похитить, обольщенная Афродитой, которой до некоторой степени соответствует роль служанки, помогавшей со своекорыстной целью увести Елену;

4). Черкесский князь Занэ по возвращении из своей послесвадебной поездки едет разыскивать сбежавшую жену, а после напрасных поисков направляется к мудрому старцу, быфыкъуэ адэ (аталыку – К. У.) своего отца, который советует искать её в чужих краях; Менелай тоже отправляется в город Пилос к мудрому старцу Нестору, чтобы у него испросить благоразумного совета;

5). Роль таинственного товарища Занэ напоминает нам роль Ментора в Одиссее: Занэ его помощник дает советы, как добыть сбежавшую жену и как отбиваться от наседавших на них врагов; в этой борьбе товарищ (гъусэ) своею богатырскою силою заменяет нашему герою сподвижников Менелая при осаде Трои; 6). В гомеровском эпосе Одиссей в первом случае одевается нищим, чтобы все выведывать во враждебной Трое. Во втором – богиня Афина, являясь как бы в роли гъусэ Занэ, прикоснулась к Одиссею волшебною тростью и превратила его в нищего, чтобы его не узнали на родном острове.

В гомеровском эпосе по этому поводу мы читаем следующие строки:
Дочь светлоокая Зевса Афина ...

*К нему прикоснулась тростью.
 Разом на плечах его, вдруг иссохшее, сморщилось тело,
 Спали с его головы златотемные кудри, сухую
 Кожею дряхлого старца дрожащие кости покрылись,
 Оба столь прежде прекрасные глаза подернулись струпом,
 Плечи оделись тряпичей, в лохмотья разорванным, старым
 Рубищем, грязным совсем почерневшим от смрадного дыма;
 Сверх же одежды оленья широкая кожа повисла,
 Голая, вовсе без шерсти; дав посох ему и котомку,
 Всю в заплатках, висящую вместо ремня на веревке,
 С ним разлучилась богиня...»³²*

И Занэ в поисках своей сбежавшей жены, по совету своего гъусэ, решил переодеться в нищего. С этой целью он отправился в город и добыл «две сумки, лохмотья, палку для защиты от собак и вскоре вместо блестящего джигита предстал сторбленный нищий, протягивающий руку за поданием»³³.

Как справедливо отмечал Л. Г. Лопатинский, во второй части кабардинского сказания сюжет, связанный с женщиной-богатырем – сестрой братьев Барахуновых, нам напоминает гомеровский рассказ о пребывании Одиссея на острове феаков при дворе царя Алкиноя.

1). В частности, он сравнивает остров братьев Барахуновых, куда Занэ специально приезжает, чтобы жениться на их сестре, с островом феаков, на который случайно попал.

2). Царь Алкиной принимает гостеприимно Одиссея и во время пира велит певцу развлечь гостя пением в сопровождении лиры. По этому поводу в поэме Гомера «Одиссея» говорится:

*«Скиптродержавных владык и судей, я прошу в мой пространный
 Дом, чтоб со мною, как следует, там угостить иноземца;
 Всех вас прошу, отказаться не властен никто; позовите
 Также певца Демодока: дар песней принял от богов он
 Дивный, чтоб воспевать, что в его пробуждается сердце»³⁴.*

В кабардинском сказании говорится, что «Зану тоже встретили братья Барахуновы радушно и здесь они только на следующее утро спросили, что он за человек, откуда он прибыл»³⁵. Такие же вопросы Одиссею задавал Алкиной. В гомеровском эпосе Алкиной спрашивает Одиссея за столом пиршества, устроенного в его честь:

*«Имя скажи мне, каким и отец твой, и мать, и другие
 В граде твоём и отечестве милом тебя величают»³⁶.*

3). Когда джегуакIуэ (народный певец) в доме Барахуновых воспевал в сопровождении звонкой апешина (Iэпэпшынэ – К. У.) события из жизни прежнего гостя Занэ в два приема, это заставляет его прослезиться³⁷. Певец Демодок при дворе Алкиноя в два приема поет о троянских событиях, прославляет подвиги Одиссея, и последний «...несказанно

растроган / Был Одиссей, и ресницы его орошались слезами ³⁸.

Далее Алкиной говорит Одиссею:

*«Также скажи, отчего ты так плачешь? Зачем так печально
Слушаешь повесть о битвах данаев, о Трое погибшей?»* ³⁹

4). Когда братья Барахуновы заметили, что песня джэгуакЛуэ приводит на Занэ тяжелое впечатление, то предложили развлечься, по обычаям старины, состязанием и играми ⁴⁰. То же самое и в гомеровской поэме предлагает царь Алкиной, заметив слезы Одиссея и поняв причину их:

*«Царь Алкиной их заметил и понял причину их, сидя
Близ Одиссея и слыша скорбящего тяжкие вздохи...»* ⁴¹.

Он далее говорит:

*«Время отсюда пойти нам и в мужских подвигах крепость
Силы своей оказать, чтоб наши гости, возвратятся, домашним
Мог возвестить, сколь других мы людей превосходим в кулачном
Бое, в борьбе утомительной, в прыганье, в беге проворном»* ⁴².

5). В этих играх, устроенных братьями Барахуновыми и феакийцами, ни Занэ, ни Одиссей не участвовали, но в конце им пришлось все-таки принять участие в метании камня.

В кабардинском сказании говорится, что ко всему Занэ молча присматривался, не принимая участия в состязании. Видя это, гости обратились к нему со следующими словами: «Дорогой гость! В наших играх ты не захотел принять участия. Вот мы теперь бросаем камни; покажи, пожалуйста, свою ловкость!»

Очнувшись от своей задумчивости, Занэ поспешил ответить: «Могу ли я отказать общему желанию всех гостей! Я готов попробовать свою силу и умение бросать камень!» С этими словами Занэ поднял с земли тяжелый камень и бросил его с размаху втрое дальше, чем удавалось бросать самым ловким из гостей. Все оцепенели от удивления, стоя неподвижно на одном месте ⁴³.

В гомеровском эпосе мы читаем:

*«Камень схватил – он огромней, плотней и тяжелее всех дисков,
Брошенных прежде людьми феакийскими, был; и с размаха
Кинул его Одиссей, жилистую руку напрягши;
Камень жужжа, полетел; и под ним до земли головами
Веслолюбивые, смелые гости морей, феакийцы
Все наклонились; а он далеко через все перемчался...»* ⁴⁴

Далее говорится, что Одиссей бросил камень дальше всех участников игр ⁴⁵.

Как видно, и в кабардинском сказании, и в гомеровском эпосе мы находим немало совпадений. Однако следует отметить, что подобие этого сказания, как, например, «О Красавице Елене и богатыре-женщине», имеется и у славян, и в немецком эпосе, и у других народов ⁴⁶.

В. Ф. Миллер отмечал, что имя Елены Прекрасной встречается во

многих русских сказках, а похищение на корабле хорошо известно из многочисленных сказок цикла Соломона. Так, в славянских сказаниях волхв, получивший от Китовраса поручение выкрасть Соломонову жену, приезжает в Иерусалим на корабле с товарищами и начинает торговать. После увоза жены Соломона он, чтобы вернуть жену, «прииде во царство Китоврасово, аки прохожей старец милостыню собирать». В. Ф. Миллер также отмечал, что сказания об увозе Соломоновой жены проникли в народный эпос югославянский и русский, и к болгарам ⁴⁷.

В заключении В. Ф. Миллер о кабардинском сказании «Красавица – Елена (Гуашэ) и богатырь-женщина» говорил: «Мы имеем, по видимому, на почве Кавказа отголоски двух песен «Одиссеи», или, говоря точнее, отголоски тех же народных сказаний, которые некогда вошли в состав «Одиссеи», так как в настоящее время вполне установилось убеждение, что вся «Одиссея» составлялась из отдельных эпических сказаний, связанных искусственно в одно целое и наслоившихся на имя Одиссея» ⁴⁸.

Исходя из всего сказанного об этом кабардинском сказании, можно предположить, что сюжеты обоих его разделов проникли к русским от адыгов.

А что касается древних евреев, немцев, болгар и чехов, то, скорее всего, к ним они проникли из Малой Азии от хаттов и им родственных народов.

В Библии отмечается, что хетты имели непосредственные контакты с израильтянами в самой же Палестине. Там уже жили хетты, когда сюда пришли израильтяне. Более того, у Соломона были хеттские жены ⁴⁹.

Вообще между хеттами и израильтянами, в том числе и их царями, были кровнородственные связи. Видимо, поэтому много общего в менталитете между евреями и адыгами (черкесами).

В Библии сказано: «И жили сыны Израилевы среди Хананеев, Хеттеев, Аморреев, Ферезеев, Евеев [Гергесеев] и Иевусеев, и брали дочерей их себе в жены, и своих дочерей отдавали за сыновей их, и служили богам их» ⁵⁰.

Например, у самого Соломона мать была хеттеянкой. Его отец, израильский царь Давид, коварным методом женился на его матери. Она была супругой Урия – одного из военачальников армии Давида и ее звали Вирсавия («дочь клятвы»). Вирсавия была необычайной красоты. Когда Давид увидел её, она настолько понравилась ему, что он пошел на коварство, чтобы жениться на ней.

В Ветхом Завете подробно описывается этот эпизод.

Военачальнику израильской армии Иоаву послал на фронт Давид письмо и послал его с Уриею. В письме он написал так: «Поставьте Урию там, где будет самое сильное сражение, и отступите от него, чтоб он был поражен и умер».

Далее в Библии говорится:

«Посему, когда Иоав осаждал город, то поставил он Урию на таком месте, о котором знал, что там храбрые люди.

И вышли люди из города и сразились с Иоавом, и пало несколько из народа, из слуг Давидовых; был убит также и Урия Хеттеянин.

И услышала жена Урии, что умер Урия, муж её, и плакала по муже своем.

Когда кончилось время плача, Давид послал и взял её в дом свой, и она сделалась его женою и родила ему сына. И было это дело, которое сделал Давид, зло в очах Господа.

И утешил Давид Вирсавию, жену свою, и вошел к ней и спал с нею; и она [зачала и] родила сына, и нарекла ему имя: Соломон. И Господь возлюбил его и послал пророка Нафана, и он нарек ему имя: Иедидиа по слову Господа».

Кстати, первый ребенок Вирсавии от Давида умер через несколько дней после его рождения. Соломон – второй ребенок от него.

В Библии также сказано о покупке земельного участка Авраамом у хеттов в Палестине:

«И умерла Сарра в Кириарф-Арбе, что (ныне) Хеврон, в земле Ханаанской. И пришел Авраам рыдать по Сарре и оплакивать ее. И отошел Авраам от умершей своей, и говорил сынам Хеттовым, и сказал: «Я у вас пришелец и поселенец; дайте мне в собственность (место) (для) гроба между вами, чтобы мне умершую мою схоронить от глаз моих». Сыны Хетта отвечали Аврааму и сказали ему: «Послушай нас, господин наш; ты князь Божий среди нас (у хаттов-хеттов, как и у их потомков-адыгов, гость всегда был священным лицом, и поэтому Авраама называли «господином»), «посланником Бога-Тхъэм и л1ык1уэ, князем Божьим» – К. У.); в лучшем из наших погребальных мест похорони умершую твою; никто из нас не откажет тебе в погребальном месте, для погребения умершей твоей».

Авраам встал и поклонился народу земли той, сынам Хеттовым; И им сказал: «Если вы согласны, чтобы я похоронил умершую мою, то послушайте меня, попросите за меня Ефрона, чтобы он отдал мне пещеру Махпелу, которая у него на конце поля его, чтобы за довольную цену отдал её мне среди вас, в собственность для погребения».

Ефрон же сидел среди сынов Хеттовых; и отвечал Ефрон Хеттеянин Аврааму вслух сынов Хетта, всех входящих во врата города его, и сказал: «Нет, господин мой (адыги гостя называют господином, посланником Бога и никогда не отказывают в его просьбе – К. У.), послушай меня: я даю тебе поле и пещеру, которая на нём, даю тебе, перед очами сынов народа моего дарю её, похорони умершую твою».

Авраам поклонился перед народом земли той и говорил Ефрону вслух: «Если послушаешь, я даю тебе за поле серебро; возьми у меня и я похороню там умершую мою».

Ефрон отвечал Аврааму и сказал ему: «Господин мой! Послушай меня: земля (стоит) четыреста сиклей серебра; для меня и для тебя что это? Похорони умершую твою».

Авраам выслушал Ефрона; и отвесил Авраам Ефрону серебра, сколько он объявил вслух сынов Хеттовых, четыреста сиклей серебра, какое ходит у купцов.

И стало поле Ефроново, которое при Махпеле, против Мамре, поле и пещера, которая на нем, и все деревья, которые на поле, во всех пределах его вокруг, владением Авраамовым перед очами сынов Хетта, всех входящих во врата города его.

После сего Авраам похоронил Сарру, жену свою в пещере поля в Махпеле, против Мамре, что (ныне) Хеврон. Так достались Аврааму от сынов Хеттовых поле и пещера, которая на нём, в собственность для погребения»⁵¹.

Аврааму досталась и всё поле, лежавшее напротив пещеры Махпела, на котором находилась дубрава Мамре. Здесь находился самый древний дуб на Земле, который был назван Дубом Авраама, или Мамврийским Дубом. Он считался священным для иудеев, христиан и мусульман. Но этот дуб высох под воздействием человека, разрушившего его корневую систему, и рухнул в 2019 году.

Что касается сказания о Елене (Гуашэ) Прекрасной, можно предположить, что первоначально это сказание возникло у хаттов. От них оно перешло к хеттам, а потом у последних переняли израильтяне, греки, а болгары – от фраков, которые имели прямую родственную связь с хаттами. Что касается русских, то, скорее всего, они его переняли от потомков хаттов – адыгов. Тем более, у последних с давних времен были самые тесные контакты с восточными славянами, в том числе и в культуре.

А к немцам оно перешло вместе с хаттами, которые мигрировали еще в III тысячелетии до н. э. в земли древних германцев и осели среди последних.

Как видно, в рассматриваемых сюжетах мы находим много аналогий, которые являются, на наш взгляд, неслучайными.

Теперь сравним древнегреческий миф «Рождение Зевса» с адыгским нартским сказанием «Детство Бадыноко». Отец Зевса Крон боялся своих детей, что они восстанут против него и отнимут власть, как он сам поступил со своим отцом Ураном. Он безжалостно проглатывал всех своих рождавшихся детей. Его жена Рея не хотела терять своего последнего ребенка и по совету своих родителей удалилась на остров Крит, и там, в глубокой пещере, родился её младший сын Зевс. Рея скрыла своего сына от мужа, а ему дала проглотить вместо сына длинный камень, завернутый в пеленки. Зевса воспитали нимфы – Адрастая и Идея. После того как Зевс вырос, он восстал против своего отца и заставил вернуть на свет проглоченных им детей⁵².

Сюжет о рождении и воспитании Зевса в античной поэзии отображен следующими стихами:

*Но наконец, как родить собралась она (Рея – К. У.) Зевса-владыку,
В Ликтос послали ее, плодородную критскую область,
Только лишь время родить наступило ей младшего сына,
Зевса-царя. И его восприняла Земля-великанша,
Чтобы на Крите широкому владыку вскормить и взлелеять.
Быстрою, черною ночью сначала отправилась в Дикту
С новорожденным богиня и, на руки взявши младенца,
Скрыла в божественных недрах земли, в недоступной пещере,
На многолесной Эгейской горе, середь чащи тенистой.
Камень в пеленки большой завернув, подала его Рея
Мощному сыну Урана. И прежний богов повелитель
В руки завернутой камень схватил и в желудок отправил.⁵³*

А в нартском сказании о детстве Бадыноко говорится, что хитрый и коварный нарт Тлабыца-Коротыш заметил, что жена Бадына беременна. Тлабыца-Коротыш предсказал, что, если у Бадынэ родится мальчик, он станет соперником своего отца. И Тлабыца решил уничтожить мальчика. Он на Хасе объявил, что был недавно у самого бога жизни-души Псатха, и якобы бог сказал, что в чреве одной женщины находится ребенок, и если родится мальчик, то в тот год, когда он (мальчик) возьмет меч, погибнут нартские мужи. И Тлабыца добавил, что эта женщина – жена Бадына. Он сказал: «Если мы не умертвим новорожденного мальчика, наступит конец века нартов».

Хаса в конце концов решила умертвить ребенка после его рождения. Нарты с помощью повитухи Уорсар выкрали новорожденного. Но когда они увидели его, им стало его жалко. Нарты решили сохранить мальчику жизнь без ведома Тлабыцы. Они положили новорожденного в дубовое корыто и оставили в ущелье. А Тлабыце они сказали, что исполнили его приказ умертвить ребенка. Мальчика подобрала старуха, которая пасла нартских гусей. Жена Бадына после долгих поисков нашла своего сына у этой старухи, но скрыла это от своего мужа. По её просьбе его воспитали в подземелье старики втайне от всех нартов⁵⁴.

В нартском эпосе о рождении Шауея «Сказание о Дабече, сыне Дабеча Куаго и сыне Куаго Карашаое» мы находим больше совпадений с сюжетом о рождении Зевса. В нем, в частности, говорится, что каждый год жена Куаго (великанша, дочь Иныжа), как только родит, тут же съедает новорожденного.

Пошел Куаго к Сатаней, которая воспитала его, и рассказал ей о нраве своей жены.

– Ладно, – сказала Сатаней, – когда придет время твоей жене рожать, дай мне знать, и я приду.

Когда пришел жене срок рожать, Куаго известил об этом Сатаней.

Она велела Куаго найти маленького щенка, прикрыла его платком и пришла к жене Куаго. Великанша ожидала, когда начнутся роды.

– Научу тебя, как легче родить, – сказала Сатаней. – Залезь на дымоходную трубу: если будешь рожать на дымоходе, тебе будет легко.

И она заставила великаншу залезть на дымоход. Сама Сатаней встала внизу под дымоходом, чтобы поймать младенца. Когда новорожденный упал в дымоход, Сатаней поймала его в подол своего платья. Щенка оставила в очаге вместо ребенка, а сама взяла младенца и убежала. Великанша сбегала вниз, набросилась на щенка, чтобы съест его, и укусила. Когда она увидела, что это не её ребенок, побежала за Сатаней, но не нашла её.

Сатаней с новорожденным ушла в горы. Сделала там медную колыбель и растила в ней мальчика. Этого мальчика назвала Карашауеом. Она растила его в горах и кормила его, пока он не превзошел в силе родную мать. Когда Карашауей стал пелуаном (силачом – *К. У.*), Сатаней привела юношу к его матери.

Великанша, увидев, что Сатаней возвращается с Карашауеом, помчалась, чтобы съест своего сына. Карашауей поймал мать, потрянул её и лишил силы. Ничего не сказала великанша, когда поняла, что не сможет съест его.

Сатаней возвратила Карашауея отцу и сама ушла ⁵⁵.

Есть этот же сюжет и в другом варианте, когда Шауей рождается от Канжа и мифического существа Лалагудже-Гуаше ⁵⁶.

И в этом случае в образе матери Шауея обнаруживаются некоторые черты персонажа древнегреческой мифологии Кроноса.

По другой версии, воспитательница (бабка-повитуха) Шауе, испугавшись гнева Нарибгей, кладет младенца в ящик и бросает в реку, чтобы скрыть ребенка от суровой матери. Нартская женщина находит и воспитывает его. Правда, этот вариант получил широкое распространение в фольклоре многих народов ⁵⁷.

Однако следует отметить, что, по мнению А. М. Гутова, появление этого мотива в фольклоре связано с древней традицией наследования. Как отмечает ученый, «естественно, что младший наследует старшему, будь это в семье, в общине или же на уровне государства. При этом, естественно, что старший стремится по возможности продлить свое верховенство, а младший – как можно скорее достичь его. Это и есть, видимо, первооснова конфликта» ⁵⁸.

Тем не менее, какие бы мотивы ни наблюдались в подобных ситуациях, факт, что эти аналогии имеются и в греческом, и в адыгском эпосах.

Когда мы говорим о Зевсе, то должны иметь в виду, что он перешел к древним грекам от хаттов через хеттов и им родственных народов. Речь идет о том, что у последних был бог Касиу и он перешел к грекам и стал Зевсом. Естественно, и мифы, связанные с ним, надо полагать, вначале возникли у хаттов, а от них перешли к хеттам.

Греческий бог огня и бог-кузнец Гефест имеет аналогию с адыгским богом огня и кузнечного дела Тлепшем. Они оба не только покровители кузнечного дела и огня, но имеют одинаковые физические недостатки.

В «Илиаде» Гомера мы читаем:

*«Спать бессмертные боги отправились, – в дом к себе каждый,
В те места, где Гефест, знаменитый хромец обоногий,
Им построил дома с великим умом и искусством»⁵⁹.*

А в адыгском нартском сказании «Железные ноги Тлепша» говорится:

*«Горе Тлепшу! Горе Тлепшу!
Весь в крови, ползет он в кузню,
В горне пламя раздувает.
Из каленого железа
Тлепш выковыывает ноги
И, к коленям прилепавши,
Снова ходит по земле»⁶⁰.*

Из этих строк видно, что Гефест и Тлепш хромают на обе ноги. Кроме этого, у обоих кузня находится в пещере, вдали от людей и т. д.

Удивительное сходство мы находим в образах Прометея греков и Насрен-жаке адыгов. Прометей, что переводится с греческого как предвидящий, провидец, был прикован к горе за то, что похитил огонь у богов и, спрятав его в стебле тростника, принес людям. Следует здесь отметить, что по приказу Зевса он был прикован богом-кузнецом Гефестом к скале на вершине Кавказских гор. Каждый день прилетал к Прометею гигантский орел и выклевывал ему печень. За ночь раны Прометея заживали, наутро мучения повторялись вновь. В конечном итоге Геракл совершил дальний путь на Кавказ и освободил Прометея⁶¹.

А в адыгском нартском сказании «Как Батараз освободил Насрена, прикованного к вершине горы», говорится, что злой Пако оставил нартов без огня и они обратились к Насрену за советом, что им делать. Он им ответил: «Я его у злого Пако отберу». А Пако за это железной цепью обвязал его и к Ошхамахо крепко приковал. Был у Пако кровожадный орел и каждый раз налетал хищник на Тхамату нартов и разрывал клювом его грудь и пил кровь из сердца Насрена, печень его клювом яростно клевал. Естественно, нарты не могли допустить этого, и в конечном итоге его освобождает Батараз. Он убивает и хищного орла, и телохранителя Пако – Смерть. Видя всё это, Пако покидает свой край, и Батараз возвращает Насрена нартам⁶².

Мы здесь видим, что и Геракл, и Батараз убивают хищных мифических орлов, мучивших и Прометея, и Насрена. Как видно, оба эти сюжета идентичны, а персонажи, фигурирующие в них, типологически близки друг к другу. Прометей и Насрен были прикованы к скале Кавказских гор.

В связи с этим представляет определенный интерес ещё один сюжет

о борьбе героя с мифическим огромным орлом, который выступает как мучитель царя Фракии – Финея. В частности, в мифе «Аргонавты у Финея» говорится, что Апполон наказал Финея за то, что он злоупотреблял своим даром прорицания, полученным от Аполлона, и раскрывал людям тайны Зевса. Поразил Аполлон слепотою Финея, а боги послали на Финея гарпий – полудев, полуптиц, которые, прилетая в его дом, пожирали всю пищу и распространяли по дому страшное зловоние. Боги сказали Финею, что он сможет избавиться от этой кары только тогда, когда придут к нему аргонавты, среди которых будут два крылатых сына Борея – Зет и Каланд. Бореады погнались за гигантским орлом, чтобы убить его, но Ирида – посланница богов остановила их, сказав, что они больше не прилетят в дом Финея. В знак благодарности он подсказал аргонавтам, как добыть золотое руно в Колхиде⁶³.

Мы здесь видим несколько аналогий между этим сюжетом и мифами о Прометее и Насрен-жаке. Эти аналогии интересны ещё потому, что миф о Финее является фракийским. Многие ученые с большой долей вероятности подчеркивают генетическое родство адыгов с фракийцами. С этой точки зрения все аналогии между фракийским и нарским мифом становятся вполне объяснимы.

Мы наблюдаем ещё одну аналогию между греческим мифом об одноглазом великане Полифеме и адыгским нарским сказанием «Как Бадыноко победил одноглазого великана». В нем сказано, как нарт Хагур со своими братьями попали в плен к одноглазому великану (Иныжь – К. У.), который жил возле леса у подножия горы под названием Черный Овраг. В плену великан съел всех братьев Хагура, но сам он, выколов циклопу единственный глаз, спрятался под брюхом длиннобородого козла и вышел из пещеры на свободу. Дальше Хагур рассказал Бадыноко, как он потерял свою руку. Когда великан понял, что Хагур его обманул и оказался на свободе, великан крикнул ему вслед, что он победил и за это великан дарит ему кольцо. Оно было настолько велико, что Хагур его надел на руку, но кольцо тотчас стало звенеть и выдало его. Великан погнался за ним, и Хагуру пришлось отрубить себе руку, на которую было надето кольцо. Так он спасся от великана, потеряв свою руку. Выслушав Хагура, Бадыноко поклялся отомстить великану за него. И он, отрубив голову великану, исполнил свое обещание⁶⁵.

А в греческом мифе об одноглазом великане сказано, что при возвращении из Трои Одиссей и его дружина попали в плен к великану – циклопу Полифему, который запер их в пещеру и пожирал по очереди. Одиссей-хитроумный нашел способ спасти себя и своих друзей. Он напоил Полифема вином, великан спросил Одиссея: «Скажи твое имя, обещаю тебе подарок». А Одиссей сказал, что его зовут Никто. Великан сказал: «Я разделаюсь с тобой последним. И это и будет моим подарком». И захохотал. Когда Полифем заснул от вина, мореходы выкололи ему един-

ственный глаз. Одиссей и его друзья покинули пещеру, спрятавшись под брюхом баранов, и спаслись от смерти⁶⁶.

Как видно из этих сюжетов, много общего между греческим мифом об одноглазом великане и нартском сказании о Емынеже. Но хочется обратить внимание любезного читателя на некоторые моменты, которые прямо не указаны в обоих мифах. Однако, при внимательном их изучении, они не могут быть не замечены. В-первых, когда речь идет о месте жительства великанов, в поэме Гомера «Одиссея» говорится:

*«Есть островок там пустынный и дикий; лежит он на темном
Лоне морском, ни далеко, ни близко от берега циклопов,
Лесом покрытый; в великом там множестве дикие козы
Водятся; их никогда не тревожил шагов человека
Шум; никогда не заглядывал к ним звероловец, за дичью...»*⁶⁷

А в адыгском нартском сказании Хагур говорит: «Прослышали мы: место, что зовется Черным Оврагом, кишмя кишит дичью. Хотя это место слыло опасным»⁶⁸.

Как видно, и в первом и во втором мифах место обитания великанов богато дичью, лесистое, здесь никто не охотится и т. д.

Во-вторых, если в греческом мифе Одиссей и его друзья покинули пещеру великана, спрятавшись под брюхом овец, то в адыгском нартском сказании Хагур покинул пещеру циклопа, спрятавшись под брюхом огромного козла. Но при этом надо иметь в виду, что Полифем, обращаясь с упреком к любимцу – барану, который вынес из пещеры Одиссея, говорит следующие слова:

*«Ты ль, мой прекрасный любимец? Зачем же пещеру последний
Ныне покинул? Ты прежде ленив и медлителен не был.
Первый всегда, величаво ступая, на луг выходил ты
Сладкорастущей травой питаться; ты в полдень к потоку
Первый бежал; и у всех впереди возвращался в пещеру;
Вечером. Ныне ж идешь ты последний...»*⁶⁹

Если исходить из того, что в отаре овец чабаны держат специально козлов-вожаков (джэдэхью – кастрированный козел – К. У.), идущих всегда впереди отары, то, очевидно, вожаком у Полифема должен был быть не баран, а козел, как это было в нартском сказании. Просто греки неудачно в данном случае заменили козла бараном-вожаком. Это говорит о том, что при заимствовании этого сюжета греками у адыгов, вожак-козел был заменен бараном. На самом деле, по всем правилам скотоводства, только козлы идут впереди отары, и поэтому любой чабан держит козлов для этих целей.

Ещё одно интересное сходство мы наблюдаем в этих двух сказаниях. И в адыгском нартском сказании, и в поэме Гомера ослепленные Иньжь и Полифем пытаются отомстить своим обидчикам (Хагуру и Одисею)

– в первом случае Иныжь следует за Хагуром по звуку кольца, надетого на его руку, а во втором случае Полифем бросает большой утес, отломленный им от вершины горы. Одисей после освобождения закричал циклопу Полифему:

*«Ты, злочестивец, дерзнул иноземцев, твой дом посетивших,
Зверски сожрать – наказали тебя и Зевс и другие
Боги блаженные». – Так я сказал; он, ужасно взбешенный,
Тяжкий утес от вершины горы отломил и с размаха
На голос кинул; утес, пролетевши над судном, в пучину
Так рухнул так близко к нему, что его черноострого носа
Чуть не расшиб; всколыхалось море от падшей громады...»⁷⁰*

Схожие черты в характерах мы обнаруживаем у греческого героя Тантала и нарта Сосруко. Мы также много общего находим в физических данных и причинах гибели последнего и греческого Ахиллеса. В частности, Тантал, возвращаясь с Олимпа, брал с собой пищу богов – амброзию и нектар. Он давал их своим друзьям. Он выдавал им также тайны богов. За это был наказан Зевсом и помещен в царство Аида⁷¹.

В поэме «Одиссея» по этому поводу сказано:

*«Видел потом я Тантала, казнимого страшною казнью:
В озере светлом стоял он по горло в воде и, томимый
Жаркою жаждой, напрасно воды захлебнуть порывался.
Только что голову к ней он склонял, упоая напиться,
С шумом она убежала; внизу ж под ногами являлось
Черное дно, и его осушал во мгновение демон.
Много росло плодоносных деревьев над его головою,
Яблонь, и груш, и гранат, золотыми плодами обильных,
Также и сладких смоковниц, и маслин, роскошно цветущих.
Голодом мучась, лишь только плодам он притягивал руку,
Разом все ветви дерев к облакам подымались темным».⁷²*

В адыгском нартском сказании «Кубок светлого нартского Санэ» боги решили преподнести Сосруко напиток богов – санэ за его мужество и храбрость. Бог Псатха преподнес кубок санэ Сосруко. Ему так понравился этот напиток, что ещё попросил, чтобы дали второй кубок. Но боги только один раз давали героям напиток. Всё же Тлепш настоял, чтобы Сосруко дали и второй кубок. После этого Сосруко сделал вид, будто засмотрелся на кадку санэ, подошел к ней, схватил её и со словами: «Пусть напиток, который вы пьете, станет напитком маленьких людей!» – швырнул кадку с вершины Ошхамахуа и добросил до земли. После этого нарты с помощью Сатаней научились из санэ делать божественный напиток⁷³.

Как видно, и в первом и во втором случаях и Тантал, и Сосруко обманули богов и передали обычным людям их секреты.

Что касается аналогии между Ахиллесом и Сосруко, то здесь мы

видим много общего. Таковыми являются мотивы чудесного рождения, уязвимого места на теле, богатырского детства, гибели героя и т. д., например, после рождения у обоих закалили тела, но у них остались уязвимые места, отчего оба затем и погибли. В частности, уязвимую пятую Ахиллеса поразила стрела Париса, а незакаленные бедра Сосруко отрезало колесо Жан-Шерх, которое сбросили великаны с горы.

Но заслуживает внимание одна аналогия, которая имеется в этих мифах. Речь идет о том, что стрела Париса против Ахилла была направлена Аполлоном, а одноглазые Иныжи предложили Сосруко оттолкнуть своими бедрами Жан-Шерх по совету колдуньи из рода Тотреша. То есть и в первом, и во втором случаях герои погибают, когда их врагам помогают Аполлон и колдунья.

Следует отметить, что образ адыгского Сосруко сочетает в себе черты и других греческих персонажей. Например, Сосруко присущи черты греческого бога Диониса. Так же, как адыгский мифологический двойник, Дионис находит виноградную лозу и учит людей виноградарству и виноделию, оба обладают даром оборотничества и магии ⁷⁴.

Греческого бога Адониса роднят тоже с Сосруко обстоятельства рождения. Например, если Адонис появляется из ствола миртового дерева, то нартский богатырь – из камня ⁷⁵. Так же, как и Прометей, Сосруко добывает огонь людям ⁷⁶.

Во многих мифах и легендах древних греков и адыгов часто фигурируют старейшины, дающие мудрые советы людям. В этом плане у греков часто выступает Нестор, а у адыгов Тхамата. Вообще культ последнего по сей день занимает особое место в общественной и семейной жизни адыгов.

Немало параллелей в обычаях древних греков и адыгов. В частности, их много в общественной и семейной жизни, военной культуре этих народов. В этом плане много примеров в поэмах Гомера «Илиада» и «Одиссея». В частности, «сладкоречивый» Нестор часто выполнял во время Троянской войны роль адыгского «джэгуакгуэ» (народного певца – К. У.), который сопровождал славных воинов во время их походов. В поэме «Илиада» мы читаем следующие слова Нестора, обращенные к воинам:

*«О дорогие герои данайцы, о слуги Ареса!
Бейтесь с врагом, не кидайтесь пока на добычу, не стойте
Сзади рядов, чтобы с большей добычей домой воротиться!
Будем мужей убивать! А потом по равнине спокойно
Сможете вы обнажать от доспехов лежащие трупы.
Так говоря, возбудил он и силу, и мужество в каждом»* ⁷⁷.

С подобными словами обращались и адыгские джагуакуа во время военных действий. Они восхваляли храбрых и смелых, порицали малодушных и трусов. Таким образом, и здесь мы видим, что храбрые ораторы

ры-джагуакуа у адыгов, и спартанцы в роли Нестора у греков выполняли во время военных походов одинаковые функции.

Говоря о военной культуре древних греков и адыгов, и здесь мы находим немало параллелей. В частности, по древнеадыгскому обычаю, если во время военных действий погибал их воин и его труп оказывался на территории, контролируемой врагами, то они должны были в обязательном порядке выволить его или выкупить. Часто бывало, что, отвоёвывая труп своего товарища у неприятеля, целая группа воинов погибала, и когда не получалось отвоевать труп воина, тогда они его выкупали.

Еще в XIX веке корреспондент газеты «Таймс» Дж. А. Лонгворт, побывавший во время Кавказской войны в Черкесии, писал: «Если кто-либо из их соотечественников (черкесов – К. У.) пал на поле боя, многие бросаются на место, где он пал, чтобы унести его тело, и героическая борьба, которая следует за этим, является обычным делом в черкасских сражениях, как это было в древние времена на полях Трои, часто порождая крайне разрушительные последствия»⁷⁸.

А Фредерик Дюбуа де Монтере, который внимательно изучал жизнь и культуру черкесов, писал, что они «...выкупают тела погибших на войне. Здесь можно вспомнить еще Гомера, который описывает сцену выкупа тела Гектора»⁷⁹.

У Гомера в «Илиаде» говорится, что Ахилл пожалел старого Приама, который привез много драгоценностей, чтобы выкупить тело своего сына Гектора, которого убил Ахилл, и отдал труп отцу. Далее в «Илиаде» мы читаем:

*«Гектора сам Ахиллес, подняв, положил на носилки;
Вместе с друзьями потом на повозку в носилках поставил.
После того зарыдал, и друга назвал, и промолвил:
«Не обижайся, Партокл, если даже и в доме Аида
Ты вдруг узнаешь, что я многосветлого Гектора тело
Отдал отцу: не ничтожными он заплатил мне дарами.
Долю достойную я и тебе из них выделю в жертву!»*⁸⁰

У древних адыгов был обычай, по которому очень серьезно осуждался человек, который проявлял трусость или малодушие во время военных действий. О таких людях народные певцы (джэгуакуэ) слагали песни, осуждавшие их. Более того, на них надевали «рубашку труса» (къэрабгъэ джанэ), или «шапку труса» (къэрабгъэ пыгъэ) и возили по селу, посадив его на осла задом наперед.

Судьбу такого труса-черкеса очень хорошо показал М. Ю. Лермонтов в своей поэме «Беглец»:

*«Гарун бежал быстрее лани,
Быстрей, чем заяц от орла;
Бежал он в страхе с поля брани,
Где кровь черкесская текла;*

*Отец и два родные брата,
За честь и вольность там легли...
С кровавой битвы невредимый
Лишь он один пришел домой...
Старуха мать ждет сына с битвы,
Но ждет его не одного!..
«Мать, отвори! я странник бедный,
Я твой Гарун! Твой младший сын;
Сквозь пули русские безвредно
Пришел к тебе!» «Один?» «Один!».
«А где отец и братья?» «Пали!..
«Ты отомстил?» «Не отмстил...
Но я стрелой пустил в горы,
Оставил меч в чужом краю,
Чтобы твои утешить взоры
И утереть слезу твою...»
«Молчи, молчи! Гаур лукавый,
Ты умереть не мог со славой,
Так удались, живи один.
Твоим стыдом беглец свободы,
Не омрачу я стары годы,
Ты раб и трус – и мне не сын!..
И наконец удар кинжала
Пресек несчастного позор...
И мать поутру увидела...
И хладно отвернула взор.
И труп от праведных изгнанный,
Никто к кладбищу не отнес...».⁸¹*

Почти такой же обычай был у древних греков. Плутарх отмечал, что спартанцы помимо песен, посвященных героям, слагали и песни, осуждавших воинов, проявивших трусость во время военных действий. В частности, он говорил, что в этих песнях «...не содержалось ничего, кроме похвал людям, благородно прожившим свою жизнь, погибшим за Спарту и почитаемым как блаженные, а также осуждения тех, кто бежал с поля боя, о которых говорилось, что они провели горестную и жалкую жизнь»⁸².

Далее он же отмечал, что «...если кто-нибудь провинился и обличен, то должен был обойти кругом алтарь, находившийся в городе, и петь при этом песню, сочиненную ему в укор, то есть сам себя подвергнуть поруганию»⁸³.

Много любопытных одинаковых примеров и высказываний у древних греков и адыгов по вопросам их военной культуры. Вот некоторые из них: «Один спартанец рассказывал матери о доблестной смерти сво-

его брата: «Не стыдно ли, – воскликнула она, – что ты упустил возможность разделить его участь!»⁸⁴

А другая спартанка, отправив в бой своих пятерых сыновей, стояла на окраине города, ожидая исхода битвы. Подошедший к городу человек на её вопрос ответил, что все сыновья погибли. «Не об этом я спрашивала, – закричала женщина, – а о нашей родине». И когда тот сообщил, что спартанцы одержали победу, она воскликнула: «Раз так, я с радостью принимаю весть о смерти моих сыновей»⁸⁵.

Аналогичные выражения часто высказывали и адыгские женщины о своих сыновьях, которые оказывались в разных ситуациях во время военных действий. Однажды черкешенка во время Кавказской войны отправила в бой трех своих сыновей, и вскоре ей сообщили, что двое из них пали смертью храбрых, а третий остался живым. Тогда она спросила того, кто сообщил эту страшную весть: «А он отомстил за своих братьев?» Тот ответил, что превосходящие силы противника не позволили сделать ему этого. Тогда она сказала: «Значит, у меня было только двое сыновей». А другая черкешенка тоже отправляя своего единственного сына на войну, повязывая его руку красным шнурком, говорила: «Помни сын мой, ты должен вернуться с этим шнурком победителем или мертвым».

По этому древнему обычаю адыгов есть любопытные воспоминания у декабриста Лорера, который воевал против черкесов во время Кавказской войны. Речь идет о разговоре, состоявшемся между Раевским и адыгским князем, который приехал к нему просить о выдаче тел убитых воинов-черкесов.

«Я никогда не забуду разговора их, – писал он, – “Зачем вы не покоряйтесь нашему великому государю, – спросил Раевский князя, – а заставляйте нас проливать кровь напрасно? Знаю, что у вас в горах скрывается англичанин Белл, мутит вас и обнадеживает помощью Англии, но верьте мне, что он вас обманывает: помощи вы ни от кого не получите, а лучше выдайте мне его с руками и ногами и получите за это много серебра от нашего государя, который очень богат”. Тогда горский князь с достоинством ответил через толмача: “Удивляюсь я словам генерала. Ежели это правда, что царь ваш так богат, то для чего же он тогда так завидует нашей бедности и не позволяет нам спокойно сеять наше просо в наших бедных горах? Ваш царь, должно быть, очень корыстолюбивый царь. Что же касается англичанина Белла, то мы не можем его выдать, потому что он наш друг и гость и много делает нам добра. И у нас, как и у вас, есть негодяи, которых можно купить, но мы, князья, дворяне, всегда остаемся честны, и нет у вас столько золота и серебра, чтоб созвать нас с пути чести”. Я заметил, что Раевскому сделалось как-то неловко, и он поторопился кончить этот щекотливый разговор, приказав выдать князю им тела соотечественников, лежавших в куче, как дрова. На нарочно присланной за ними арбе отправились покойники восвоя-

си, чтобы быть похороненными на земле, не оскверненной ногою гяура. Горцы отобрали только тела убитых пулями: смерть от штыка они считают бесчестною.

На руках у нескольких трупов я заметил красные шерстяные шнуры, и мне разъяснили, что это обыкновение соблюдается всегда при отправлении на войну. Жены и возлюбленные дают мужьям и любовникам этот амулет с пожеланием победить или умереть. Это «со щитом иль на щите», как в Древней Греции...»⁸⁶

Были еще и другие одинаковые обычаи и традиции у древних греков и адыгов в их военной культуре. Например, в годы Кавказской войны адыги, если во время боя с врагом погибал от их рук известный храбрый русский офицер, то черкесы посылали группу воинов к ним на похороны такого достойного противника, чтобы придать его земле наравне с его сослуживцами. Более того, они в знак уважения к такому человеку объявляли перемирие на три дня.

Аналогичный обычай был и у древних греков. В частности, по этому поводу мы читаем у Гомера во время выкупа Приамом тела своего сына Гектора у Ахиллеса следующие строки:

*«Сколько ты дней хоронить многосветлого Гектора хочешь?
Столь я дней от боев удержусь, удержу и ахейцев».*⁸⁷

У адыгов (черкесов) был такой обычай: вечером предводители противоборствующих сторон, после сражения днем, ходили друг к другу в гости, и обе стороны принимали друг друга по всем законам адыгского гостеприимства, а днем опять воюющие стороны продолжали бой друг с другом.

Мы также находим много параллелей в одежде, вооружении, методах ведения военных действий у древних греков и адыгов.

Говоря о вооружении, следует отметить один вид холодного оружия, на который не всегда можно обратить внимание. Это оружие было и у тех, и у других. Речь идет о небольшом ноже, который носили на поясе древние греки и адыги, помимо кинжала или шашки у адыгов или меча у греков. У адыгов он назывался «хьэджэсэ» (хаджаса), а у греков просто ножик. Об этом ноже у Гомера в поэме «Илиада» сказано:

*«Вытащил после того Агамемнон свой ножик, который
Подле меча на огромных ножнах он носил постоянно...»*⁸⁸

Что касается одежды, то спартанцы и адыги во время войны носили форму красного цвета. В частности, Плутарх писал, что «во время войны спартанцы носили одежды красного цвета»⁸⁹.

Такой же обычай был и у адыгов.

У древних греков и адыгов были одинаковые обычаи и нравы в их семейном быту. Например, были такие аналогии: правило встречаться со своей женой только тайком; право пользоваться повозками и лошадьми другого и приводить их на прежнее место; запрещение свободным, не-

женатым мужчинам заниматься какими-нибудь денежными делами; pozor быть полным и необходимость быть стройным. Также у тех и других колыбели играли магическую роль. По их мнению, качание в колыбели, сопровождаемое пением и заклинаниями, обращенными к божеству, вылечивало оспу и т. д.⁹⁰

Такие слова, как «алыдж» – эллин, «алыджыкъуэ» – сын эллина и другие прочно вошли в язык адыгов.

А имя нартского богатыря «Ашэмэз» можно сопоставить с древнегреческим именем «Акамас» (Акамазас). Раньше среди адыгов было распространено имя Парис. В адыгских мифах и легендах часто встречается слово «борей» от имени древнегреческого бога северного ветра. До сих пор у адыгов есть выражения, связанные с этим словом: «Борей жьапщэ» (ветер Борей). Слово «буря» на адыгский переводится «борэн» и т. д.

Даже в таком древнейшем традиционном институте, как кровная месть, мы находим некоторые аналогии у древних греков и адыгов. Например, они могли брать цену за кровь убитых близких и родных вместо кровной мести. В «Илиаде» Гомера по поводу обычая платы за убитого человека у ахейцев сказано:

*«Ведь даже, и брат за убитого брата
Вознаграждение берет, и отец за умершего сына!
И средь народа убийца живет, заплатив, сколько нужно».*⁹¹

В нартском сказании «Как Батараз покарал Маруко», где описывается сражение героя с отрядом убийц его отца, приводятся такие слова женщины, которых использовал Маруко в качестве живого щита против Батараза:

*«Не плати же кровью за отцову кровь.
Лучше ты назначишь нам любую цену,
Всё отца в замену мы тебе дадим!
«Хорошо!» – ответил юноша им внятно, –
Яловых ягнят мне дайте сто голов,
Чистой серой шерсти, да еще прибавьте
Светлосероватых восемьсот ягнят.
Я хочу, чтоб двери были из самшита,
Золотом обита ось арбы была,
Лестница до неба чтобы доставала.
С комариным салом чашу дайте мне
И воды студеной принесите в сите,
А еще сожгите на кургане шелк
И в отцову обувь положите пепел,
Вот чего желаю нынче я от вас».*⁹²

Правда, дальше в сказании говорится, что он ничего из всего этого не взял, сказав:

*«Эти слишком юны,
Не они убили моего отца...»*⁹³

Немало параллелей также между древними греками и адыгами в таком традиционном общественном институте, как гостеприимство. Адыгское гостеприимство, как и другие традиционные общественные институты, имеет древние традиции. Уникальность и неповторимость адыгского гостеприимства заключается в том, что важнейшие его принципы чуть ли не по пунктам совпадают с требованиями международной дипломатии и норм международного права. Например, в адыгском и вообще в горском гостеприимстве особое место занимают такие принципы международного права, как «убежище для преследуемых», «дипломатическая неприкосновенность», «уважение чести и достоинства личности» и т. д. Особенно много сходного мы находим между древнейшими формами международных связей Древней Греции и адыгским гостеприимством.

В условиях складывания рабовладельческого государства в VIII–IV вв. до н.э. в Греции образуются города-государства – полисы. Между этими самостоятельными мирками возникали самые разнообразные формы связи. Одной из таких древнейших связей и правовых норм Древней Греции была проксения, то есть гостеприимство. Проксения существовала между отдельными лицами, родами, племенами и целыми государствами. Житель какого-нибудь города (проксен) оказывал услуги и принимал как частных граждан, так и послов из другого города, и брал на себя защиту интересов данного города и нравственные обязательства быть посредником между ним и властями своего родного города.

Этот гражданин, который имел в этом городе своего приятеля-посредника, обладал многими привилегиями в сравнении с другими иностранцами. Представители власти этого города должны были защищать его интересы и даже отвечали за его личную безопасность⁹⁴.

В адыгском гостеприимстве действовали такие же принципы. Например, одним из них является защита интересов, даже жизни, гостя хозяином. Другим важным принципом адыгского гостеприимства является то, что гостем может быть любой человек, независимо от национальности, пола, политических взглядов, религиозной принадлежности и т. д. Вообще у горцев, в частности у адыгов, наряду с институтом гостеприимства был и другой древнейший общественный институт – куначество. Между гостем и кунаком (хэггэрей, ныбжьэгъу, цыхугъэ – К. У.) много общего, но есть и различия. Например, гостем называли любого, кто переступал порог дома, а кунаком называли только знакомых и друзей.

Поэтому любого гостя звали словом хэшлэ, дословно – гость. А кунака – «хэггэрей», «ныбжьэгъу», «цыхугъэ». У адыгов была особая разновидность гостей, специально приезжавших за подарком к своим приятелям. Их называли «гостем с просьбой» (хэшлэльауэ)⁹⁵.

Многое из адыгского гостеприимства мы наблюдаем у древних греков. Например, в поэме Гомера «Одиссея» мы читаем такие слова Менелая, обращенные к Одиссею:

*«Я гостелюбца, который безмерною лаской безмерно
Людам скущает: во всем наблюдать нам умеренность должно;
Худо, если мы гостя, который хотел бы остаться,
Нудим в дорогу, а гостя, в дорогу спешащего, держим:
Будь с остающимся ласков, приветно простишься с уходящим».*⁹⁶

Менелай здесь же предлагает гостям свою услугу быть их проводником, одаривает гостей подарками⁹⁷.

Сопровождать гостя до безопасного места, защищать его от неприятелей, одаривать его подарками, угощать гостя самыми лучшими блюдами и т. д. – всё это имеет место в адыгском и гомеровском эпосе.

В поэме «Одиссея» Гомера по этому поводу мы читаем:

*«Царь же повел знаменитого гостя со всеми другими
В дом свой, и сели, пришедши, они на возвышенных креслах.
Тут, обратясь к царице Арете, сказал благородный
Царь: «Принеси нам, жена, драгоценнейший самый из многих
Наших ковчеггов, в него положивший и верхнее платье
С тонким хитоном. Поставьте котел на огонь, вскипятите
Воду, чтобы гость наш омылся и, все осмотревши подарки,
Им полученные здесь от людей феакийских, был весел,
С нами сидя за вечерней трапезой и пенью внимая.
Я же еще драгоценный кувшин золотой на прощание
Дам, чтоб, меня вспоминая, он мог из него ежедневно
Дома говорить возлияние Зевсу и прочим бессмертным»*⁹⁸.

В адыгском нартском сказании «Шауей и неизвестный гость» мы также находим много примеров уважительного отношения к гостю, начиная от угощения, до оказания ему помощи в смертельной схватке с врагом⁹⁹. В частности, в сказании гость, обращаясь к Шауею, говорит:

*«Хоть я пробыл у тебя лишь половину условленного
Срока мне пора собираться в путь. Меня ждет
Неотложное дело. Если хочешь – поедем вместе.
– С радостью буду сопутствовать тебе и счастлив буду
Помочь тебе, мой дорогой гость – ответил Шауей.
Надев доспехи, гость и Шауей отправились в путь»*¹⁰⁰.

Их также немало в средствах и методах воспитания подрастающего поколения, в семейной жизни, даже в похоронных обрядах. Говоря о последнем, мы знаем, что древние греки во время похорон устраивали большие состязания молодых воинов по самым различным видам спорта: стрельбе, бегу, борьбе, кулачному бою и т. д. Например, Гомер в «Илиаде» подробно описывает эти игры, которые были устроены ахейцами во главе с Ахиллесом и какие призы назначены победителям¹⁰¹.

Адыги во время похорон известных людей и по поводу годовщины их смерти устраивали спортивные игры и скачки. Например, в Кабарде, вплоть до двадцатого века, в день годовщины со дня смерти известного

и влиятельного в прошлом мужчины устраивали пиршества, сопровождавшие скачками и другими играми, после чего раздавались призы. Некоторые авторы утверждают, что, как и греки в древности, адыги на похоронах устраивали человеческие жертвоприношения из числа пленников и рабов.

По поводу похорон у адыгов в прошлом Фредерик Дюбуа де Монпере писал, что у черкесов во время похорон устраивались «пиршества и игры», где разыгрывались призы, как на похоронах у Патрокла; несколько кусков ткани, которые держит в руке быстрый всадник, становятся наградой самым ловким всадникам, которые на своих лошадях стараются его догнать и отнять этот символ признания их превосходства в скорости. Соревнования бегунов и подобные упражнения завершает празднество»¹⁰². Далее он сообщает, что черкесы приносили «в жертву душам усопших родственников и друзей пленников и рабов, как делал это Ахилл на могиле Патрокла»¹⁰³.

Даже оплакивали умерших одинаково древние греки и адыги. Вспомним, например, как Ахиллес и его друзья оплакивали Патрокла, а Гектора – его родственники и друзья.

По поводу похорон Патрокла у Гомера в «Илиаде» мы читаем следующие слова Ахиллеса:

*«Мы на конях, в колесницах, приблизимся к телу Патрокла,
Чтобы оплакать его. Эта честь подобает умершим»*¹⁰⁴.

А по поводу похорон Гектора его отец Приам, который привез труп своего сына после выкупа у Ахиллеса, обратился к собравшимся следующими словами:

*«Дайте дорогу, чтоб мог я на мулах проехать! Потом же
Плачем насытитесь все вы, как мертвого в дом привезу я!»*¹⁰⁵
Далее говорится, что «распустился народ и открыл им дорогу.
К славному дому Приама привезши, на ложе сверленном
Тело они положили. Певцов, зачинателей плача,
Возле него посадили, которые с грустным стенаньем
Песни плачевные пели, а жены им вторили стоном»¹⁰⁶.

И у адыгов так же оплакивали умерших. Слагались специальные песни-плачи (гъыбзэ). Таким образом, и здесь мы находим много аналогий.

Много общего также в политической жизни Древней Греции и адыгов. В частности, любой важный вопрос последние решали на Хасэ, на всенародных сходах (Пэклу). Кстати сказать, это слово переняли греки у адыгов, вернее у их предков – хаттов, преобразив его в «Раку–Ракос» На них выступал любой желающий мужчина и отстаивал свое мнение. Всё это проходило под открытым небом. По этому поводу Фредерик Дюбуа де Монпере писал, что черкесы любое административное дело передают на решение народного собрания или совета, который проходил в лесу.

Он говорил, что князья, дворяне, даже крепостные имеют там решающий голос¹⁰⁷.

Аналогично решали важные вопросы жизни и в Древней Греции. В этом плане достаточно вспомнить всеобщее собрание ахейцев под Троей, где решался вопрос вернуться им на родину или дальше продолжить осаду. На этом собрании любой желающий выступал и говорил, что хотел. Даже доходило до рукоприкладства. Например, Одиссей ударил скипетром по спине Терсита, который предлагал снять осаду Трои и вернуться домой¹⁰⁸.

Однако следует здесь отметить, что, в отличие от греков, адыги и их древние предки никогда не позволяли себе ни рукоприкладства, ни оскорблений по отношению к любому выступающему на таких собраниях. И каждый адыг, независимо от его социального статуса, обязан был выполнять любое решение народа.

Как было сказано выше, немало аналогий также в методах и средствах воспитания подрастающего поколения у древних греков и адыгов. Например, многие авторы сравнивают спартанское воспитание с народной педагогией (этнопедагогией) адыгов. Один из основателей спартанского государства Ликург (IX–VIII вв. до н. э.) бывал в Малой Азии, где изучал творения Гомера, жизнь местных племен, в том числе хаттов, касков, и, вернувшись в Спарту, создал стройную систему государственности и воспитания подрастающего поколения. Он сам принадлежал к дорийцам, которые переселились в Спарту. Дорийцы, то есть спартанцы, были профессиональными воинами. Поэтому вся система воспитания спартанцев была подчинена военному делу.

Точно в таком же положении находились адыгские дворяне и князья, и у них вся система воспитания тоже была направлена на подготовку профессиональных воинов. В феодальной Черкесии более 30% её населения составляли профессиональные воины, главным образом из князей и урков (дворян).

В предписании Ликурга говорилось о воспитании будущих воинов храбрыми и смелыми. Мальчиков с раннего детства воспитывали переносить холод, голод, жару и другие лишения. Их обучали с детства искусству воровства, учили добывать себе пищу. По достижении двенадцатилетнего возраста они получали только один хитон (платье) на целый год. Они ходили босыми и почти голыми. В присутствии старших от младших требовалось почтительное отношение к ним и молчание. Когда их спрашивали, они должны были отвечать лаконично и четко. С детства учили мальчиков владению всеми видами оружия, в том числе холодного, навыкам верховой езды.

Всё это напоминает нам систему воспитания адыгов и требования адыгского этикета (Адыгэ Хабзэ). По законам аталычества, адыгские князья и дворяне отдавали своих детей на воспитание в чужие семьи.

О том, что у греков и у адыгов детей воспитывали вне дома родителей, мы можем судить по различным мифам и сказаниям этих народов. Вспомним хотя бы воспитание Зевса, Ахилла, Адониса, Гефеста, Диониса, Яссона и других персонажей греческой мифологии. Сосруко, Бадыноко, Шауейя, Батаразы и других из адыгского нартского эпоса воспитывали такими же методами.

Вообще у горцев, в частности у адыгов, был целый институт воспитания детей – аталычество. Так воспитывались вышеперечисленные герои-нарти. Этот институт просуществовал вплоть до девятнадцатого века. У адыгов (черкесов) воспитанника-мальчика называли «быфыкьюэ», девочку – «быфыкьюэпхью», воспитателя-мужчину – «быфыкьюэ адэ», а женщину – «быфыкьюэ анэ». К сожалению, гораздо позже это адыгское слово «быфыкьюэ адэ» было заменено тюрским словом «аталык», и этот древний институт стал называться «аталычество».

В Спарте физическое воспитание осуществлялось параллельно с интеллектуальным и эстетическим воспитанием мальчиков. Этот процесс завершался в двадцатилетнем возрасте в качестве ирена – зрелого юноши. Интеллектуальная подготовка спартанцев предусматривала знание нескольких военных и религиозных песен, умение читать, писать, а также знание традиций и обычаев, истории Спарты, религий, обрядов и т. д. Мальчиков подвергали двойному суровому испытанию. Сначала их сильно секли розгами перед алтарем Артемиды: эту экзекуцию юноша должен был вынести без малейшего стоны. Второе испытание юноши проходили перед самым концом обучения, перед тем, как их принимали в ирены. Это была так называемая криптия. После успешного прохождения этих испытаний юношу переводили в статус мужчины. И они потом допускались к трапезам мужчин – фитидиям¹⁰⁹.

В такой же форме готовили адыги мальчиков. Но, в отличие от греков, адыги никогда не прибегали к физическому наказанию детей, в том числе мальчиков, на протяжении всего процесса воспитания.

К совершеннолетию в присутствии всего села их подвергали проверке. Для этой цели создавалась специальная комиссия из самых уважаемых людей. Проверяли их физическую подготовку, обязательное знание всех тонкостей адыгского этикета (Адыгэ Хабзэ), умение излагать свои мысли лаконично и логично, умение петь и танцевать, умение ездить верхом, владение всеми видами оружия и т. д. Кто прошел успешно такую комплексную проверку, объявлялся взрослым человеком, то есть совершеннолетним.

Ритуал посвящения в совершеннолетие заканчивался тем, что рядом с посвященным ставился длинный шест – «кьюраг». Его поздравляли с совершеннолетием и объявляли, что он стал полноценным членом общества. Особо отличившиеся, ловкие, умело владеющие всеми видами

оружия, знающие в полном объеме требования адыгского этикета, получали от старейших право танцевать с избранной девушкой ¹¹⁰. Его поздравляли со словами: «Дынохуэхъу, къурагъ кызыэраупсеям щхъэкIэ!» («Поздравляем с тем, что рядом с тобой поставили шесть!»). Кстати сказать, такими словами адыги до сих пор поздравляют юношу, у которого женился старший брат. Мол, твоя очередь на женитьбу подошла, так как ты стал уже совершеннолетним.

В Спарте новорожденных детей подвергали проверке их физического здоровья. Если видели, что ребенок нездоров или слаб, то его умерщвляли.

Адыги тоже строго следили за состоянием физического здоровья ребенка. В этом можно убедиться, если обратиться к нартскому эпосу. Например, в адыгском нартском сказании «Детство Шауея» говорится, что жена Канжа Нарыбгея всякий раз, когда начинались роды, ложилась перед пылающим очагом, и ребенок падал прямо в огонь. Когда малютка метался и кричал, погибая в пламени, мать говорила: «Этот не достоин быть моим сыном, он горит в огне». Так жена Канжа рожала девять раз, и все девять сыновей её погибли в пламени очага ¹¹¹.

В нартском сказании говорится, что Нарыбгея при очередных родах по привычке легла перед пылающим очагом. Сатаней подбежала к огню, подставила подол, чтобы подхватить рождающегося ребенка. Но мальчик, прорвав подол Сатаней, упал в самую гущу огня. Его пеленало пламя, но он не плакал. Рдеющие угли забавляли его, он перебрасывал их и смеялся.

Взглянув на него, мать сказала с гордостью: «Наконец-то я родила достойного сына, он будет храбрым нартом, возьмите его».

Сатаней воспитала мальчика на ледяной вершине Ошхамахо (Эльбруса). Она вырезала изо льда колыбель и, уложив ребенка, поставила колыбель перед входом в ледяную пещеру. Студеная вода заменяла ребенку материнское молоко. Из мальчика Сатаней вырастила настоящего пелуана (силача). И она вернула его матери. Нарыбгея, как и в сказании о сыне Куаго Карашауея, схватив сына за руку, сжала ее изо всей силы, но сын лишь усмехнулся и покачал головой: «Нет, мать, я не из тех, кого ты заставляешь садиться наземь. Будь со мной осторожней!» – и, схватив руку матери, сжал её так, что Нарыбгея присела от боли ¹¹².

В Спарте тоже мальчики проводили первые годы жизни в родительском доме, а при достижении семилетнего возраста само государство воспитывало их ¹¹³. Здесь необходимо отметить в связи с этим одну особенность системы воспитания адыгов. Речь идет о том, по адыгскому этикету все общество принимало участие в воспитании детей. Например, любой взрослый человек имел право делать замечание, воспитывать чужого ребенка, который совершал неблагоприятные поступки, а его

родители не имели морального права встать на защиту своего ребенка и противоречить тому человеку, который сделал замечание его ребенку. Защита своего ребенка в таких случаях воспринималась крайне отрицательно и считалась плохим тоном. Такие родители становились предметом всеобщего осуждения.

Точно такие же обычаи были и у спартанцев. Например, по этому поводу Плутарх писал, что «если кто-нибудь наказывал мальчика, и он рассказывал об этом своему отцу, то, услышав жалобу, отец считал бы для себя позором не наказывать мальчика вторично. Спартанцы доверяли друг другу и считали, что из верных отеческим законам не прикажет детям ничего дурного»¹¹⁴.

В Спарте и у адыгов (черкесов) исключительно почитались люди старшего поколения. Молодые люди в их присутствии громко не разговаривали, не вступали в их разговор, при встречах с ними уступали дорогу, когда старшие подходили к ним, они вставали и предоставляли им почетное место и т. д. По этому поводу тот же Плутарх писал следующее: «Молодые спартанцы должны были почитать и слушаться не только собственных отцов, но и заботиться обо всех пожилых людях; при встречах уступать им дорогу, вставать, освобождая место, а также не поднимать шум в их присутствии.

Таким образом, каждый в Спарте распоряжался не только своими детьми, рабами, имуществом, как это было в других государствах, но имел также права и на собственность соседей. Это делалось для того, чтобы люди действовали сообща и относились к чужим делам, как к своим собственным».¹¹⁵

Спартанское воспитание особенно близко к адыгским традиционным общественным институтам наездничества.

Итальянский автор Ксаверио Главани, в частности, отмечал, что в Черкесии «с наступлением весны молодые дворяне образуют общества в 50–100 человек. Они посылают в другие округа отряды отборных наездников, которые подкрадываются к селениям, прячутся в кустарниках, а вечером, когда дети отправляются по воду, набрасываются на них, выбирают самых красивых девочек и мальчиков и мчатся с ними обратно в свой край. Захваченные обращаются в рабство и продаются. Обычай этот у них существует издавна. Когда спрашивал у одного черкесского бая, – продолжил Главани, – почему позволяют подобные набеги дворянству. Он ответил мне: «Помимо всего остального прочего, это дает нам возможность развивать воинственный дух молодежи»¹¹⁶.

Он далее отмечал, что это все напоминает времена Ликурга в Спарте, где мальчиков воспитывали подобным образом. В Спарте тоже существовал корпус «всадников» из дорийцев, своего рода корпорации «сверстников», среди молодежи в возрасте 20 лет. «Всадники», помимо

охранительных функций, занимались грабежами, воровством, и они себе добывали пищу на пропитание ¹¹⁷.

Говоря об аналогиях в культуре древних греков и адыгов, нельзя не упомянуть об одном их древнем обычае. Речь идет о прощании с жизнью престарелых людей. В адыгском нартском сказании «Как Бадыноко ввел в стране Нартов новый обычай» говорится, что был у нартов старый обычай, но плохой обычай, когда мужчина становился таким дряхлым, что не мог уже вытащить тремя пальцами меч из ножен, не мог сесть без чужой помощи на коня, не мог натянуть лук, чтобы подстрелить дичь, не было у него уже силы, чтобы надеть на ноги ноговицы, чтобы держать грабли в руках, чтобы сложить копну сена, не было уже у него силы, чтобы не дремать, охраняя стадо, – сажали этого дряхлого старца в плетеную корзину и выносили из селения и подымали на вершину Горы Старости (по-адыгски эта гора называлась «Жьыгъейбг» – составлено из трех слов: «жы» – старость (старый), «гъей, гъейн» – оплакивать, «бгы» – гора, то есть «Гора, где оплакивают стариков» – К. У.). К плетеной корзине приделывали большие каменные колеса и спускали корзину вниз по обрыву – в пропасть. Так поступали со стариками и старухами.

И в Древней Греции с пожилыми людьми поступали точно так же. Например, жители Сардинии, когда у них старели их родители, начинали думать, что те уже достаточно пожилы, отводили их к тому месту, где намереваются похоронить, и, вырывши там яму, сажали на её краю тех, кто собирается умирать, а потом каждый из них коленом ударял своего отца и сталкивал в яму ¹¹⁹.

Определенный интерес представляет в этом обычае обоих народов и то, что, когда стариков отправляли в иной мир подобным способом, о котором сказано выше, и пожилые люди уходили из жизни, они смеялись.

В частности, у греков, когда стариков сталкивали в яму, они радовались, что идут на смерть, как блаженные, и погибали со смехом и благодушием ¹²⁰.

В вышеупомянутом нартском сказании тоже говорится: скрывая свою печаль, сплел Бадыноко из хвороста корзину, посадил в неё отца, поднял Бадына на вершину Горы Старости, приделал к корзине два огромных каменных колеса и толкнул корзину с горы. У самого края пропасти корзина внезапно остановилась, зацепившись за пень. Ветер стал её качать над бездной, белая борода Бадына развивалась на ветру, и старик не выдержал, засмеялся.

– Отец, чему смеешься? – спросил Бадыноко.

Бадын, не переставая смеяться, ответил:

– Я подумал, что, когда ты одряхлеешь и твой сын сбросит тебя с Горы Старости, твоя корзина так же зацепится, быть может, за этот самый пень. Разве это не смешно? ¹²¹

Данная легенда с некоторыми вариантами была перенята не только греками, славянами, в том числе украинцами и другими европейцами, но она перешла к индусам, а от них к японцам. У последних она называется «Убасуте» или «Оясуте» – «отказ от старухи».

Немало параллелей у них в религиозных верованиях и обрядах. Многие их языческие божества выполняют одинаковые функции. В частности, если взять, к примеру, греческого бога вина, виноделия и изобилия Диониса и адыгского божества плодородия и земледелия Тхагаледжа, то они оба выполняют почти одинаковые функции. Кстати сказать, Дионис, по легенде, родом из Фракии. Как было отмечено выше, многие авторы подчеркивают генетическую связь адыгов с фракийцами¹²².

Дионис и нартский Шауей появились на свет при одинаковых обстоятельствах. Как известно, у Диониса родители были Зевс и Семела. Зевсу настолько она понравилась, что он приобрел человеческий облик, и от него Семела забеременела. Однажды, по совету Геры, она попросила Зевса показать его истинное лицо. И когда Зевс выполнил её просьбу, Семела начала гореть в его огне. В этот момент Зевс вынул из ее живота ребенка и donaшивал его в своем бедре. И, когда срок подошел, ребенок появился на свет и его воспитали нимфы в пещере. И сын нартского Канжа Шауей появился на свет при подобных обстоятельствах, то есть он при рождении упал в огонь, и оттуда Сатаней его забрала и воспитала в одной из пещер Гуашхьэмахуэ¹²³.

Еще больше общего между Дионисом и нартским Тхагаледжем. Поэтому неудивительно, что много интересного и общего в обрядах, связанных с ними. В этом плане можно привести, к примеру, два любопытных сельскохозяйственных обряда древних греков и адыгов. Речь идет о празднестве в честь Диониса – «Великие Дионисии» у греков и сельскохозяйственный языческий праздник адыгов «ВакГуэихъж» (дословно – возвращение с пахоты, то есть завершение весенних пахотных работ – К. У.), где главным действующим лицом выступает Ажэ-къафэ (дословно – «танцующий козел»). Любопытно то, что и в греческом празднестве «Великие Дионисии» главным действующим лицом выступает «танцующий козел».

Праздник «Великие Дионисии» возник около 500 года до н. э. Во время этих празднеств выступали хоры, наряженных в козышкурах певцов и исполняли особые гимны-дифирамбы; их начинал запевала, а хор ему подпевал; пение сопровождалось пляской «козлоногих» сатириков. Из этих дифирамбов создавалась трагедия. Кстати сказать, само слово «трагедия» (трагедиос) переводится как «песнь козлов»¹²⁴. Из этих праздников родились первые театральные представления – комедия и трагедия¹²⁵.

¹ Любин В. П., Куликов О. А. Евразия изначальная (последние открытия на Кавказе). // Вестник древней истории. М. 1993. №1 с.173-174; Любин В. П., Аутлев П. У., Несмеянов Г. П. и др. Неандертальцы Гупского Ущелья. Майкоп, 1994. С. 5–13.

² Голованова Л. В., Дороничев В. Б. Ашель Северного Кавказа. Вторая Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар, 1993. С. 27–28; Любин В. П., Куликов О. А. Евразия изначальная (последние открытия на Кавказе). // Вестник древней истории. М., 1993. №1. С. 174.

³ Адыгская (черкесская) энциклопедия. М., 2006. С. 61.

⁴ Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975. С. 409.

⁵ Трифонов В. А. Некоторые вопросы переднеазиатских связей Майкопской культуры. // Краткие сообщения института археологии. М. 1987. №192. С. 18–26.

⁶ Дьяконов И. М., Хлародин А. // Вестник древней истории. 1995. №1. С.13.

⁷ Фредерик Дюбуа де Монпере. Путешествие по Кавказу к черкесам и абхазцам, в Колхидию, Грузию, Армению и Крым. // АБКИЕА. Нальчик. 1974. С. 435–457.

⁸ Гадагатль А. М. Героический эпос. Нарты и его генезис. Краснодар, 1967.

⁹ Тресков И. В. Фольклорные связи Северного Кавказа. Нальчик, 1993.

¹⁰ Абаев В. Избранные труды. Том 1. Владикавказ, 1990.

¹¹ Ардзинба В. Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. Л., 1982.

¹² Герни О. Р. Хетты. М., 1987.

¹³ Николаев С. Л. Северо-Кавказские заимствования в хеттском и древнегреческом. Древняя Анатолия. М., 1985.

¹⁴ Маккуин Дж. Г. Хетты и их современники Малой Азии. М., 1983.

¹⁵ Крупнов Е. И. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957.

¹⁶ Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957.

¹⁷ Ловпаче Н. Г. Мировоззрение древних адыгов и хаттов. // Мир культуры адыгов. Майкоп, 2002. С.23–34.

¹⁸ Ахохова Е. А. Природа теонима «Тхэ» (бог); базовые гипотезы. // Мир культуры адыгов. Майкоп. 2002. С.112-117.

¹⁹ Хакуашев А. Х., Хакуашева М. А. Греко-адыгские античные связи; конкурирующие гипотезы. // Мир культуры адыгов. Майкоп. 2002. С. 382–387.

²⁰ Миллер В. Ф. Красавица Елена и богатырь-женщина. Фольклор адыгов. Нальчик 1979.

²¹ Лопатинский Л. Г. Кабардинское сказание «Красавица Елена и богатырь-женщина» по сравнению с эпосом Гомера, песнями Троянского цикла, нибелунгами и сказаниями других народов. Фольклор адыгов. Нальчик, 1979.

²² Балкэр Сельчук. Нартхэр Натэрхэр Ануннаххэр. Налшык, 2017.

²³ Хотко С. Х. Адыги. Этногенез, историческая этнография, политическая история. Т. 1. Этногенез и культурное наследие. Майкоп. 2021.

²⁴ Шаззо А. Этимология черкесского слова «Бог» восходит к эпохе матриархата. URL: <http://www.natpressru.info/index.php?newsid=7592>;

- ²⁵ Гомер. Илиада. – Л., 1949. С. 122.
- ²⁶ Нарты. Кабардинский эпос. М., 1957. С. 122
- ²⁷ Нарты. Кабардинский эпос. М., 1951. С. 346–349.
- ²⁸ Гомер. Илиада. М.-Л. 1949., С. 12.
- ²⁹ Эдит Гамильтон. Мифы и легенды. М., 2004. С. 275–280.
- ³⁰ Гомер. Одиссея. М. 1986. С. 83–84.
- ³¹ Нарты. Кабардинский эпос. М., 1951. С. 346–349.
- ³² Гомер. Одиссея. М., 1986. С. 140.
- ³³ *Лопатинский Л. Г.* Кабардинское сказание «Красавица Елена и богатырь-женщина» по сравнению с эпосом Гомера, песнями Троянского цикла, нибелунгами и сказаниями других народов. Фольклор адыгов. Нальчик, 1979. С. 371.
- ³⁴ Гомер. Одиссея. М., 1986. С. 74.
- ³⁵ *Лопатинский Л. Г.* Кабардинское сказание «Красавица Елена и богатырь-женщина» по сравнению с эпосом Гомера, песнями Троянского цикла, нибелунгами и сказаниями других народов. Фольклор адыгов. Нальчик, 1979. С. 374.
- ³⁶ Гомер. Одиссея. М., 1986. С. 84.
- ³⁷ *Лопатинский Л. Г.* Кабардинское сказание «Красавица Елена и богатырь-женщина» по сравнению с эпосом Гомера, песнями Троянского цикла, нибелунгами и сказаниями других народов. Фольклор адыгов. Нальчик, 1979. С. 385.
- ³⁸ Гомер. Одиссея. М., 1986. С. 84.
- ³⁹ Там же. С. 85.
- ⁴⁰ *Лопатинский Л. Г.* Кабардинское сказание «Красавица Елена и богатырь-женщина» по сравнению с эпосом Гомера, песнями Троянского цикла, нибелунгами и сказаниями других народов. Фольклор адыгов. Нальчик, 1979. С. 376.
- ⁴¹ Гомер. Одиссея. М., 1986. С. 75.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ *Лопатинский Л. Г.* Кабардинское сказание «Красавица Елена и богатырь-женщина» по сравнению с эпосом Гомера, песнями Троянского цикла, нибелунгами и сказаниями других народов. Фольклор адыгов. Нальчик, 1979. С. 376–377.
- ⁴⁴ Гомер. Одиссея. М., 1986. С. 77.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ *Лопатинский Л. Г.* Кабардинское сказание «Красавица Елена и богатырь-женщина» по сравнению с эпосом Гомера, песнями Троянского цикла, нибелунгами и сказаниями других народов. Фольклор адыгов. Нальчик, 1979. С. 365–389.
- ⁴⁷ *Миллер Ф.* Красавица Елена и богатырь-женщина. Фольклор адыгов. Нальчик, 1979. С. 348–350.
- ⁴⁸ Там же. С. 352–353.
- ⁴⁹ Библия. Ветхий завет. Третья книга Царств. Гл. XI.1.
- ⁵⁰ Библия. Ветхий завет. Книга судей, 3:5, 3:6.
- ⁵¹ Библия. Ветхий Завет. Бытие, Гл. 23 (1–20).
- ⁵² *Кун Н. А.* Легенды и мифы Древней Греции. Владикавказ, 1993. С. 5–7.
- ⁵³ *Лосев А. Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. С. 248–249.

- ⁵⁴ Нарты. Кабардинский эпос. М., 1951. С. 139–146.
- ⁵⁵ Нарты. Адыгский героический эпос. М., 1974. С. 310.
- ⁵⁶ Бухуров М. Ф. Сюжетный состав сказаний цикла о Шауе в адыгском нартском эпосе. Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 6160. ч.2. Тамбов: Грамота, 2016. С.10–13.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Гутев А. М. Народный эпос: Традиция и современность. Нальчик, 2009. С. 39.
- ⁵⁹ Гомер. Илиада. М.-Л., 1949. С. 35
- ⁶⁰ Нарты. Кабардинский эпос. М., 1957. С.337–338.
- ⁶¹ Мифы Древней Греции. М., 2008. С. 72–74.
- ⁶² Нарты. Кабардинский эпос. М., 1951. С. 281–286.
- ⁶³ Кун Н. А. Легенды и мифы Древней Греции. Владикавказ, 1993. С. 193–194.
- ⁶⁴ Нарты. Кабардинский эпос. М., 1951. С. 182.
- ⁶⁵ Там же. С. 179–181.
- ⁶⁶ Мифы Древней Греции. М., 2008. С. 132–134.
- ⁶⁷ Гомер. Одиссея. М. 1986. С.87.
- ⁶⁸ Нарты. Кабардинский эпос. М., 1951. С. 180.
- ⁶⁹ Гомер. Одиссея. М., 1986. С.94.
- ⁷⁰ Там же. С.95.
- ⁷¹ Кун Н. А. Легенды и мифы Древней Греции. Владикавказ. 1993. С. 93.
- ⁷² Гомер. Одиссея. М., 1986. С.120.
- ⁷³ Нарты. Адыгский эпос. Нальчик, 2012. С. 290–291.
- ⁷⁴ Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. С. 142–144.
- ⁷⁵ Хакуашев А. Х., Хакуашева М. А. Греко-адыгские античные связи; конструирующие гипотезы. // Мир культуры адыгов. Майкоп, 2002. С. 384.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Гомер. Илиада. М.-Л., 1949. С. 131.
- ⁷⁸ Лонгворт Дж.А. Год среди черкесов. Нальчик, 2002. С. 219.
- ⁷⁹ Фредерик Дюбуа Де Монпере. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазцам, в Колхидию, Грузию, Армению и в Крым // АБКНКА. Нальчик, 1974. С. 452–453.
- ⁸⁰ Гомер. Илиада. М.-Л., 1949. С. 531.
- ⁸¹ Лермонтов М. Ю. Сочинения. Т. 1. Поэма «Беглец». М., 1988. С. 551– 554.
- ⁸² Древние обычаи спартанцев. // Плутарх. Застольные беседы. Л., «Наука», 1990. С. 332.
- ⁸³ Там же. С. 331
- ⁸⁴ Изречения спартанских женщин. // Плутарх. Застольные беседы. Л. «Наука», 1990. С. 337.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ Унежев К. Х. История Кабарды и Балкарии. Нальчик, 2005. С. 233–234
- ⁸⁷ Гомер. Илиада. М.-Л., 1949. С. 533.
- ⁸⁸ Там же. С.73.
- ⁸⁹ Древние обычаи спартанцев. // Плутарх. Застольные беседы. Л. «Наука», 1990. С. 333
- ⁹⁰ Намиток А. Происхождение черкесов. Париж, 1939. Фр. пер. на русск. – архив КБНИИ. Инв, №1104-Р. С. 167.

- ⁹¹ Гомер. Илиада. М.-Л., 1949. С. 201
- ⁹² Нарты. Кабардинский эпос. М., 1951. С. 280
- ⁹³ Там же.
- ⁹⁴ *Унежев К. Х.* Культура адыгов (черкесов) и балкарцев. Нальчик, 2003. С. 355–359.
- ⁹⁵ Там же. С. 366–372.
- ⁹⁶ Гомер. Одиссея. М., 1986. С.153.
- ⁹⁷ Там же.
- ⁹⁸ Гомер. Одиссея. М., 1986. С. 82.
- ⁹⁹ Нарты. Кабардинский эпос. М., 1957. С.487–496.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 491.
- ¹⁰¹ Гомер. Илиада. М.-Л., 1949. С. 491–502.
- ¹⁰² *Фредерик Дюбуа Де Монпере.* Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазцам, в Колхидию, Грузию, Армению и в Крым. // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 452.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ Гомер. Илиада. М.-Л., 1949. С. 483.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 535.
- ¹⁰⁶ Там же.
- ¹⁰⁷ *Фредерик Дюбуа Де Монпере.* Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазцам, в Колхидию, Грузию, Армению и в Крым. // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 447.
- ¹⁰⁸ *Кун Н. А.* Легенды и мифы Древней Греции. Владикавказ, 1993. С.242–245.
- ¹⁰⁹ *Винничук Л.* Люди, нравы, обычаи Древней Греции и Рима. М., 1998. С. 200.
- ¹¹⁰ *Унежев К. Х.* Культура адыгов (черкесов) и балкарцев. Нальчик, 2003. С. 251–253.
- ¹¹¹ Нарты. Кабардинский эпос. М., 1957. С. 461–467.
- ¹¹² Нарты. Кабардинский эпос. М., 1951. С. 435–441.
- ¹¹³ Герои Греции в войне и мире. «Скорина», М., 1992. С. 10–16.
- ¹¹⁴ Древние обычаи спартанцев. // Плутарх. Застольные беседы. Л., «Наука», 1990. С. 332.
- ¹¹⁵ Там же. С. 331–332.
- ¹¹⁶ Ксаверио Главани // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 162, 163.
- ¹¹⁷ *Унежев К. Х.* Культура адыгов (черкесов) и балкарцев. Нальчик, 2003. С. 244–247.
- ¹¹⁸ Нарты. Кабардинский эпос. М., 1951. С. 213.
- ¹¹⁹ *Лосев А. Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. С. 137.
- ¹²⁰ Там же.
- ¹²¹ Нарты. Кабардинский эпос. М., 1951. С. 213–214.
- ¹²² *Трахо Р.* Черкесы. Нальчик. 1992. С. 10.
- ¹²³ Балкхэр Сельчук. Нартхэр Натэрхэр Ануннакхэр. Нальщыч, 2017. С.100–102.
- ¹²⁴ *Кун Н. А.* Легенды и мифы Древней Греции. Владикавказ, 1993. С.51–53.
- ¹²⁵ Мифы Древней Греции. М., 2008. С. 62.

Баева Ромета Хасанбиевна, родилась в 1964 году в поселке Залукокоаже Зольского района КБР. С 1981 по 1986 гг. обучалась на историко-филологическом факультете КБГУ. С 1987 по 2010 гг. работала в образовательных учреждениях республики преподавателем русского языка и литературы. Живет в г. Нальчике.

НОМЕР РАЗ

Рассказ

Приехав на лето в родное село из столицы, она, как с корабля на бал, попала на похороны – Лаура, старшая сноха соседки Розы – скоропостижно умерла на сорок пятом году жизни. Смерть её имела странную предысторию, не чуждую конспирологических теорий – кошмары бедной Лауры не закончились и после кончины. Накануне этого прискорбного события младшей невестке Лауре приснился сон, о котором она не преминула поведать всем встречным и поперечным, по цензурным соображениям опустив некоторые малозначительные подробности.

Якобы ночью к ней в спальню пришли две огромные крысы и, поднявшись на задние лапки, принялись к спертому воздуху, насыщенному, несмотря на открытое настежь окно, черт знает чем (на ужин бог послал Лауре молодую картошечку с чесночком, а мужу, крме всего прочего, и чарку отменного самогона).

Грызуны, однако, и не подумали уйти прочь, а с легкостью запрыгнули на широкую кровать и, обгоня друг дружку, бодро побежали по тонкой простынке, коей по причине невыносимой жары укрывались супруги. Подобравшись к лицу женщины, покрытому толстым слоем чудодейственной омолаживающей смеси на основе майонеза, крысы тут же полезли дегустировать аппетитно пахнущую субстанцию. Проснувшись от щекочущих прикосновений усов, Лаура, улыбаясь, протянула руки и с томной негой шепнула:

– Заур, наконец-то...

Но супруг с виртуозными переливами храпел рядом, бессовестным образом манкируя исполнением супружеских обязанностей, и Лаура, с досадой отвернувшись от Заура, вдруг узрела в душной темноте какую-то старуху с косой.

Она стояла возле кровати, перекинув через костлявое плечо вполне мирное сельскохозяйственное орудие с таинственно мерцающим в темноте металлическим лезвием, и сквозняк осторожно перебирал складки её чёрного балахона, словно опытный карманник в переполненном людьми общественном транспорте.

Лаура протяжно зевнула, решив, что во сне к ней заявила покойная свекровь, частенько достававшая её даже с того света советами по поводу разного рода хозяйственных моментов. Но, обратив внимание на чересчур субтильное, в отличие от свекрови, телосложение гостьи, сонная Лаура протёрла глаза: перед ней стояла смерть собственной персоной. Объятая невыразимым ужасом, она широко разинула чётко очерченный белой каймой майонеза чёрный рот, как безумный киношный Джокер – Эйнштейн преступного мира – и завизжала жутким нечеловеческим голосом.

Вибрирующие звуковые волны в панике разлетались в разные стороны и, многократно отразившись от стен и потолка, исчезали за открытым окном – этот вопль вполне мог дать сто очков вперёд даже пронзительному бабьему визгу самого непоследовательного последователя киднеппинга, с которого сын Эбenezера Дорсета одним цветущим утром пытался невинно снять скальп. Испытав чудовищный акустический удар, сравнимый с пролетом реактивного самолета в опасной близости от ушной раковины, резвившиеся на подушке грызуны попадали вниз и, тяжело шмякнувшись на колючий палас, уползли под кровать, волоча отнявшиеся от небывалой нервной встряски ноги. Подброшенный визгом бестолковой жены чуть ли не до потолка, десантник Заур (бывших десантников не бывает – это всякий знает) совершил довольно жёсткую посадку посреди постели. Прошедший не одну горячую точку вздвэзшник, не раз смотревший смерти в глаза, едва успев приземлиться, в этот раз взглянул в пустые глазницы и, не к месту помянув мать Лауры, рухнул обратно на смятые простыни.

Однако запредельные звуковые колебания ничуть не поколебали решимость выдавшей виды смерти. Она лишь повела курносый носом, явно страдая от спёртого воздуха, где ощутимо доминировал чесночный дух, и, наклонившись к перепуганной насмерть женщине, приступила к выполнению своих прямых обязанностей. С помпой, приличествующей ситуации, как старый ленинец, декламирующий патриотические стихи на юбилее незаслуженно забытой партии, она произнесла:

– Вставай, Луара! Твой час настал!

Онемевшая было Лаура обрела дар речи и торопливо замахала на незваную гостью руками:

– Это не я! Я не Луара, я Лаура!

– Ну что вы все цепляетесь за эту жизнь! – с досадой протяну-

ла смерть, воздевая к небесам незанятую инструментом долгопалую кисть, будто призывая в свидетели того, кто в недобрый час сотворил этот мир и управляет им по своему божественному, но непостижимо-му замыслу.

– Я не Луара! – стуча зубами, твердила Лаура, немилосердно брыкая подозрительно притихшего десантника Заура.

Смерть поставила блеснувшую узким лезвием косу в угол и, отойдя к светлому проему окна, принялась торопливо шарить по карманам своего чёрного одеяния, ворча голосом свекрови:

– Лу... Луа... Лаура... Черт бы вас побрал с вашими дурацкими именами!

Наконец костлявая обнаружила нужную бумагу, опровергнув беспочвенные земные чаяния об отсутствии бюрократии хотя бы в небесной канцелярии, греющие сердца ещё живущих, и сердито ткнула ею под нос своей предполагаемой жертве:

– Вот, смотри! Ахметова... Луара Арсеновна, улица Ленина, двадцать шесть!

Лаура с облегчением закудахтала:

– Это не тот дом! Здесь Ленина, двадцать пять! А я Даурова Лаура Руслановна! По мужу, да, Ахметова... Я сейчас паспорт покажу!

– Не надо! – раздраженно отмахнувшись от нее, ночная гостя поправила свой балахон и, тихим свистом призвав компаньонов – еле отошедших от нервного шока грызунов – направилась к двери, буднично закинув на плечо свой смертельный атрибут.

На пороге смерть оглянулась:

– Слушай... как тебя там... Лаура, если по чесноку, злоупотребляешь ты чесноком-то... Даже в чистилище воздух чище! Так недолго и лапы склеить – смотри, в следующий раз не отвертись!

Вечером того же дня бедной Луары не стало. Это мистическое совпадение с пророческим сном Лауры было единственным предметом обсуждения собравшихся в большом количестве соболезнующих, особенно им не давали покоя две крысы – трактовка их символического значения вызывала бурные, неутихающие дискуссии.

Однако явление Валентины на похоронах слегка подкорректировало это житейское представление, где новопреставленным, даже самым важным, увы, уготована роль лишь внесценических персонажей.

На смену протяжному вою Мельпомены пришла тихонько дремавшая до сей поры Талия-озорница, и лица присутствующих, сбросивших принужденные трагические маски, расцвели приторно-сладкими улыбками:

– Валентина, девочка моя, ты всё ещё не замужем?

– Почему ты до сих пор одна? Моя дочь на пять лет младше тебя, а у неё уже трое детей...

– Неужели там, в столице, на ярмарке невест, нет подходящих женихов?

– Так сколько тебе уже стукнуло?

– Валентина, хочешь, познакомлю с троюродным братом? Он, правда, сидел двенадцать лет... Не думай, ничего серьезного, какой-то незначительный проступок... Кто в молодости не ошибался!

Валентина, уже привыкшая к радостям урбанизации в виде наплевательского отношения народа к каждому индивиду, в полной растерянности отмалчивалась, смущённая столь живым интересом к своему семейному статусу.

– А вот надо было выйти замуж за моего сына, – моложавая, опрятная старушка, остановила на Валентине ласковый взгляд ничуть не поблекших живых глаз.

Валентина узнала мать Артура и поспешно перевела разговор:

– Где он сейчас? Как он?

Сияя материнской гордостью, старушка поведала, что все её пятеро сыновей прекрасно устроены, в том числе и младшенький Артур. Он обеспечен, управляет где-то в столичном регионе... агро... как это называется... агропромышленным комплексом, женат и имеет троих детишек. Памятуя о прощальном обещании Артура, Валентина с любопытством спросила:

– А дочери есть у него?

Старушка прижала благоухающий цветочным ароматом платочек к ясным голубым глазам в сетке мелких морщинок и ответила:

– Нет, дочка, у него только три сына. А что?

– Ничего, – разочарованно протянула Валентина.

Поздно вечером она в одиночестве сидела на лавочке у ворот, вслушиваясь в укоризненное шушуканье старых серебристых тополей, помнивших те времена, когда почти каждый вечер под ними маялись отвергнутые ухажеры.

Неслышно ступая мягкими домашними тапками, подошла мама, присела с ней рядом и, обняв за плечи, вздохнула:

– Знаешь, доченька, я уже боюсь на улицу выходить: все только и делают, что достают меня вопросами о твоём замужестве... Валечка, дочка, что с тобой происходит? Ты же у меня умница и красавица! Неужели так трудно найти мужа? Тебе уже скоро тридцать лет, пора, пора замуж, наконец! Твоя бедная бабушка так и не дождалась правнуков, хочешь и меня лишить внуков?

Причитая вполголоса, мать скрылась за воротами. Остро чувствуя собственную ущербность, Валентина с тоскливой безнадёжностью посмотрела в бархатное южное небо, откуда так же ущербно светила

краюха месяца с рассыпанными далеко вокруг крошками звёзд. Ночные светила насмешливо перемигивались, глядя с недосыгаемой высоты на старую деву, вековуху, не сумевшую найти на всей планете, к слову, не самой маленькой даже в Солнечной системе, какого-нибудь заваливающего представителя не самой прекрасной половины человечества.

Отмахнувшись от надоедливо пищавшего перед самым носом комара, она вдруг вспомнила прочитанную когда-то в детстве сказку о прекрасном юноше, заколдованном ведьмой в отместку за неосмотрительно отвергнутую им любовь. Мстительная фурия наложила на белокурого красавца принца страшное заклятие: он будет находиться в образе гнусного насекомого до тех пор, пока какой-нибудь добрый человек не поделится с ним своими внутренними ресурсами, пожертвовав на благое дело всего три капли крови.

Находясь под впечатлением этой душеспасительной истории, маленькая Валя напрягала последние силы, не прерывая кровавый пир каждого очередного вампира с суставчатыми ногами, присосавшегося к её нежному телу. Заканчивалось это всегда одинаково: словно припозднившийся завсегдатай пивнушки, комар с сожалением покидал насиженное место и, с трудом подняв раздувшееся, переполненное юной кровью брюхо, тяжело взлетал, словно перегруженный бочками с брызгой громоздкий транспортный вертолёт Ми-26.

Забыв о зудящей ране, Валентина с надеждой следила за его прерывистым полетом, но волшебное перевоплощение в голубоглазого и белокурого юношу в пурпурных одеяниях, очевидно, происходило в недоступных для неё местах...

А время, возница беспечный, торопливо несется вскачь – с тех пор прошло почти двадцать лет, но принца все нет! А она тоскует о человеке, который, наверное, и думать забыл о её существовании... Ох, Саня. Саня...

– Где же ты, мой прынец на белом коне?

Вдруг в узком переулке истерически взвизгнули тормоза, и, подняв тучи теплой июльской пыли, перед Валентиной остановилась роскошная белая машина. Иномарки к тому времени еще в небольших количествах колесили просторы отечества, но Валентина, заметив блеснувший на капоте логотип в виде трёхлучевой звезды – синоним быстрой езды – идентифицировала транспортное средство как детище самого узнаваемого в мире немецкого концерна.

Из машины с видимым усилием вылез дородный мужчина, сверкнув гладко выбритой крупной головой при свете неполной луны, которая еще со времен солнца нашей поэзии и несравненного дивного гения служит заменой тусклых фонарей.

– Берова! – воскликнул гость.

Вглядевшись в рыхлое, рано обрюзгшее лицо с оттопыренной толстой нижней губой и немилосердно косящим правым глазом, Валентина признала Аслана, бывшего учителя-трудолика.

После окончания школы в районном центре Аслан навострил было лыжи на исторический факультет местного вуза, однако родная тётка, которая уже третий десяток лет в поте лица возделывала ниву среднего образования, удержала его от этого опрометчивого шага.

Облюбованное им направление считалось кузницей партийных кадров и гарантией всякого рода привилегий, коими безнаказанно пользовалась правящая элита, неустанно трубя с трибун об идеалах всеобщего равенства и социальной справедливости. А посему ярко освещенные коридоры исторического факультета, за редким исключением, освящали своим присутствием лишь прыщавые отпрыски функционеров – более или менее ответственных чиновников.

– Даже не думай! – увещевала его тётка, имевшая привычку говорить правду всем в лицо, невзирая на лица. – Мой сын поступал туда шесть раз! Подумай, шесть раз! А он не тебе чета – читает днями и ночами...

Аслан подал документы в сельскохозяйственный институт, но и тут ему не повезло: на пути к вожденному высшему образованию встали паукообразные, в чьи искусно сплетённые сети он угодил, как жалкая букашка. Потный от напряжения абитуриент так и не смог припомнить ни одного представителя этого повсеместно распространённого класса, несмотря на активные телодвижения и говорящие пассы экзаменатора, который довольно удачно изображал человека-паука, страстно желая заарканить потенциального студента на крайне непопулярное ветеринарное отделение.

Перед Асланом забрезжила радужная перспектива службы в армии, ограниченный контингент которой как раз в этот момент с переменным успехом душил душманов и прочих непримиримых, прочно увязнув в чужой и совершенно чуждой стране.

Откосить от службы не помогло и врождённое косоглазие – даже самые скромные отступные, стыдливо озвученные весьма интеллигентным военкомом, оказались неподъёмными для его матери, в одиночку поднимавшей сына.

Узнав, что педагогическим работникам даются некоторые послабления в виде отсрочки от выполнения ратного долга, уклонист пришел на поклон к тётке. Та – ну как не порадеть родному человечку! – без труда устроила любимого племянника учителем труда – на самую невзыскательную должность, стоящую в негласном образовательном табеле о рангах где-то рядом с техническим персоналом. Должность, весьма кстати и полностью игнорируемую контролирующими органами.

В учебном плане старшекласников этот полезный предмет уже не

значился, поэтому Валентина видела нового учителя, полноватого и быковатого, только пару раз мельком.

Однако так случилось, что всеми любимый историк по прозвищу Чингачгук неожиданно выбыл из сплочённых педагогических рядов по причине обильных плановых возлияний в честь Дня птиц. Трепетные чувства Чингачгук питал и к другим заметным событиям, наподобие бостонского чаепития или годовщины панамских мучеников. Но с особым пиететом он относился к общенациональному празднику, весьма популярному на просторах Отечества – в память об июльском событии, когда в ответ на августейший совет вместо хлеба утолять голод гораздо более калорийными пироженками, разъярённые парижане снесли не только Бастилию, мрачный оплот абсолютной монархии, но и неудачливые головы самих монархов...

Когда сварливая скво Чингачгука со знанием дела озвучила суровую правду о состоянии жестоко терзаемого абстинентным синдромом супруга, завуч метнулась к телефону, дабы призвать другого историка – работавшего на полставки заслуженного ветерана труда. Пассионарный пенсионер, однако, в категорической форме отказался сеять в этот день разумное, доброе, вечное, поскольку уже сеял на своем приусадебном участке семена кукурузы элитного сорта «Ледяной нектар», отличавшегося наряду с высокой урожайностью весьма капризным характером.

Так, за неимением других свободных учителей, отчаянно трусившего молодого трудовика, ничтоже сумняшеся, запустили в 10 «А».

– Здраштуйте! Меня зовут Аслан Инзрелович! – зашлёпал он, с трудом удерживая в повиновении отвисшую нижнюю губу, вдобавок ко всему еще и пришепётывая. Один из передних зубов, маленький и ущербный, смущённо прятался за спины своих здоровых собратьев, образуя внушительную щель, совершенно несовместимую с правильной артикуляцией. И хотя на побледневшем от испуга лице, как глубокие карстовые озера, плескались красивые тёмно-синие глаза, один из которых, к сожалению, сильно косил, – это уже не спасло безнадежно испорченного впечатления.

Стараясь не обращать внимания на приглушённые смешки, трудовик достал с полки первый попавшийся учебник по истории средних веков для седьмого класса под редакцией Е. В. Агибаловой и без всяких излишних антраша и предисловий принялся зачитывать параграф о причинах возникновения непреодолимых противоречий в стане спянной железом и кровью католической церкви.

Вполуха слушая его косноязычный лепет и хихикая, десятиклассники уютно разбились на группки и занялись своими делами, гораздо более интересными, чем средневековые внутрицерковные распри.

Провожаемые скорбными укоризненными взглядами великих

исторических деятелей разных эпох, из конца в конец кабинета, увешанного картами и диаграммами, летали записки со скоростью, которой позавидовал бы недавно ставший полноценным янки Ян Кум – отец современного ватсапа.

Радостное племя мальчишек самозабвенно резалось в морской бой, вполголоса комментируя наиболее удачные выстрелы корабельных оружий. Звучно шлёпая по столу измочаленными от частого употребления картами, несколько отъявленных двоечников и хулиганов играли в дурака и попутно дурачились. Добросовестно обработав слюнными железами клочки бумаги, – в дело шли непринуждённо вырванные из рабочих тетрадок листки – они обстреливали одноклассниц тяжёлыми, как свинцовые дробины, пулями (изготовить плевалку из шариковой ручки – раз плюнуть). То и дело какая-нибудь девчонка, попавшая в зону поражения, подсакивала как ужаленная и оборачивалась, сверля угольями пылающих глаз задние парты, испокон веков носившие гордое название восточного полуострова, славного изысканными продуктами воспроизводства осетровых вкупе с гейзерами и ледниками. Обитатели задворков к тому времени уже искусно притворялись с головой погруженными в игру, и пламя, так и не возгоревшись от искры, быстро сходило на нет до следующего меткого плевка.

А девицы, ахая и охая, снова принимались перелистывать затертые до дыр страницы модного журнала, кочевавшего, как переходящий выпел ВЛКСМ, по всем партам. Сие глубокое творение вместе со стопкой безумно популярных самоклеящихся картинок с красавицами разных мастей привез счастливой Светке брат, благополучно отслуживший в армии, в самой западной группе войск.

Между тем, в процессе своего архиувлекательного чтения трудовик столкнулся с такой важной в церковной иерархии фигурой, как Римский Папа. Озадаченно шлёпнув губами, словно одряхлевший генсек, не сумевший разобрать заковыристое слово из накарябанного помощниками доклада, он запнулся, не понимая, как такое обыденное для русскоязычного слуха понятие могло затесаться в западноевропейскую историю.

Повествуя о славных деяниях очередного папы, в очередной раз утопившего в крови злосчастное население ближневосточных стран, трудовик, не мудрствуя лукаво, скороговоркой выпалил «папА» и бодро пошлёпал дальше – но жужжавший по своим делам класс насторожился, почуяв поживу.

Сидевший за первой партией Мурик, гордость школы, спортсмен, комсомолец и, наконец, красавец, только что пустивший на дно вражеское плавсредство, потрянул непослушными чёрными кудрями, как молодой Вольтер, и с нескрываемым сарказмом юноши-максималиста переспросил:

– Кто-кто?

Здоровое лиловое око горе-педагога заматалось по портретам государственных деятелей в поисках подмоги, но те лишь презрительно поджали губы – и Аслан бросился прямо в омут с головой:

– Римский папá!

Нечаянный, изысканно-аристократический галльский вариант произношения более чем привычного слова вызвал неудержимый хохот в классе.

Эпичное ударение рикошетом ударило и по начитанному оппоненту Аслана: корчась от смеха, Мурик наклонился чересчур резко и с громким стуком крепко приложился лбом к столешнице. Из глаз новогодним фейерверком посыпались багрово-красные искры, при виде которых, очевидно, позеленел бы от зависти многомудрый немецкий ученый-универсал, первым наблюдавший явление искусственного электрического свечения.

Тогда засмеялись даже те, у кого пассаж трудовика не вызвал особого ажиотажа, – камчатские долгожители, двоечники и нарушители дисциплины, злорадствуя, загоготали нарочито громко, мстя Мурику за ту непростительную и непосредственную лёгкость, с которой он прогрызал крепкими молодыми зубами неподатливый гранит науки.

– Мурик сегодня в ударе! – сквозь смех заметила Светка, оторвавшись от голубоглазой красотки в умопомрачительной удлинённой юбке-миди.

Аслан, за минуту до этого испытавший приступ жгучей личной неприязни к потерпевшему, тоже отметился серией судорожных выдохов, которые и смехом-то можно было назвать с большой натяжкой, – однако и это стало тяжким оскорблением для Мурика.

Ощупав внушительную шишку на лбу, он мрачно уткнулся в парту, обдумывая, чем бы ответить Чемберлену, в сотый раз изучая вырезанную кем-то на многострадальной столешнице надпись «KISS» с багряными молниями вместо двух букв S, угрожающе изломанными наподобие летучих стрел огнеопасного бога Зевса. Возмущённый разум Мурика кипел – казалось, эта скандальная западная рок-группа сбацила у него в голове целую композицию из своих полусадистских виршей, тонущих в грохоте электрогитар и к тому же имеющих идеологическую подоплеку, совершенно несовместимую с моральным обликом пламенного комсомольца.

Прозвенел звонок, и Аслан, бросив на стол раскрытый учебник, рванул к выходу, искренне и честно торопясь унести ноги от страшных старшеклассников. Но отравленная стрела, пущенная мстительным Муриком, всё-таки настигла его:

– До свидания, Аслан НЕзрелович!

Аслан Инзрелович вздрогнул всем своим крупным телом и спот-

кнулся, будто и в самом деле в его полную лодыжку хищно впилося какое-либо обоюдоострое оружие из внушительного арсенала колюще-режущих предметов. Мечтая убить пересмешника, не оглядываясь, вляпавшийся в историю трудовик выскочил за дверь и побежал по шумному коридору, прихрамывая, как неудачливый кентавр Хирон, случайно раненный своим легендарным учеником, в аккурат перед совершением им очередного, пятого подвига.

Еле дождавшись конца учебного года, Аслан бросил школу, напроць разочаровавшись в системе советского образования, категорически не справлявшегося, по его мнению, с воспитанием учащихся в духе высокой морали и нравственности, но полученная после злополучного урока кличка Незрелович приклеилась к нему намертво...

Да, тогдашние школьники за метким словом в карман не лезли, и имя, припечатанное ими, оставалось с человеком до конца, как удостоверение личности, – куда до этой креативности нынешним одноклочным тиктокерам-лайкоголикам...

Этот самый Незрелович стоял сейчас перед Валентиной, солидный, самоуверенный и, судя по маячившему в темноте красавцу-автомобилю, весьма успешный.

Непринужденно кося правым глазом, Аслан, ослабившись, оглядел, будто огладил, ладную фигуру бывшей ученицы:

– Ты ещё не замужем?

Чаша терпения Валентины, клокоча и клубясь, как своенравная Нева во время очередного наводнения, наполнилась до краев, выплеснув на лысую голову Аслана всю желчь, накопленную за этот безрадостный, бесконечный день:

– Я не замужем! В столице женихов нет! Если у вас есть знакомые рецидивисты, прошу их зря не беспокоить!

– Такие люди! И без женихов! – не моргнув лиловым глазом, воскликнул заметно повеселевший гость и, не сказав больше ни слова, вскочил за руль и сорвался с места, окутав Валентину очередной порцией удушливой пыли.

Недоумевая, она смотрела ему вслед, пока легкое авто не скрылось за поворотом, подсакивая на ухабах огоньками задних подфарников. Но не прошло и десяти минут, как в начале улочки снова запрыгали дальние огни, разрезая тьму, словно световые мечи в руках джедаев, рыцарей-мироотворцев, спешащих на битву со вселенским злом.

Снова взвизгнули тормоза, и взметнулось облако пыли. Незрелович распахнул белую дверцу, чуть не сбив с ног девушку выпущенными на волю децибелами, в реве которых захлебывались и тону-

ли веселые ребята с розовыми розами – подарком к тридцатилетию одноклассницы (и, приходится думать, интеллигентным намёком на подозрительный возраст Валентины). Вполне довольный произведённым эффектом, мужчина жестом волшебника, прилетевшего в голубом вертолёте, подхватил с сиденья огромную охапку роскошных красных роз, как потом выяснилось, экспроприированных им у местного предпринимателя.

Вечером следующего дня он появился у ворот Валентины с таким же букетом, и, необычайно ласково встреченный её матерью, попросил отпустить дочку на банкет по случаю дня рождения одного общего знакомого.

Рассовывая длинные прочные стебли с твердыми, как канцелярские кнопки, шипами во все имеющиеся подходящие емкости, Валентина исподтишка разглядывала своего нежданного ухажера.

Кося лиловым глазом, как фантомный рыжий конь заслуженного мушкетёра-боярина, он сидел на стуле, услужливо подставленном матерью Валентины, закинув ногу на ногу, и, оттопырив нижнюю губу, попыхивал тонкой дамской сигаретой с ментолом. Надетый на голое тело сине-белый спортивный костюм, украшенный, по моде тех лет, яркими принтами и сетчатыми вставками в самых неожиданных местах, весьма удачно смотрелся с начищенными до блеска черными лакированными туфлями.

В кучерявых зарослях груди виднелась золотая цепь толщиной с руку годовалого карапуза, вскормленного питательным материнским молоком, короткие пальцы, тоже не лишённые растительности, были унизаны массивными перстнями, а на обоих запястьях сверкали совершенно одинаковые часы из белого металла («Ролекс», как она узнала потом, – символ не только роскоши, но и понтов).

Так начались эти странные отношения, закончившиеся через три месяца браком, хотя Валентина изначально понимала: это замужество не что иное, как самоубийственный прыжок в воду, по словам перемудрившей с выбором милого друга героини из мрачноватой комедии блестящего поэта-полиглота и талантливого дипломата.

Анжела, узнав о её решении, долго кричала в трубку:

– Валентина, не смей! Я бы ни за что не вышла за него! Это жестокая ошибка! Он тебе не пара!

Пара или не пара – но Валентина на всех парах летела навстречу судьбе.

Осенью, в беспросветно дождливый серый день по райцентру проехала вереница машин, украшенных вымокшими бумажными цветами и лентами, и остановилась у недавно отстроенного кафе с

зеркальными окнами и мраморными полами, в которых отражались бесчисленные огни хрустальных люстр.

Стараниями Аслана был устроен пир горой, плескалось мутное разливанное море контрафактного шампанского – пугливый кооператор, послушный, как агнец, своему незавидному жребию, по первому требованию жениха презентовал ему указанное количество бутылок.

Атлетического вида мужчины, поголовно бритые и одетые в дорогие спортивные костюмы, – невиданная доселе историческая общность, новые русские кавказской национальности – демонстрировали друг другу поражающие воображение ювелирные изделия: перстни, часы и тяжёлые, словно вериги ветхозаветных юродивых, уродливые цепи, считавшиеся в те лихие времена металлическим эквивалентом мужского достоинства.

Потребляя спиртные напитки в немыслимых количествах, они непринуждённо делились изобретёнными ими приёмами незаконного обогащения за счёт обалдевшего от беспредела населения, которые, несомненно, привели бы в ступорозное состояние известного автора четырёхсот способов относительно честного отъёма денег у их счастливых обладателей.

Далеко за полночь два приятеля приволокли Аслана домой – супруг чересчур увлёкся, наполняя свой изумрудный кубок золотистым вином и поднимая его за здоровье возлюбленной. Еле-еле уложив основательно заложившего за воротник новобрачного поперёк широкой супружеской кровати, дружки побрели восвояси. Полностью потеряв навыки ориентирования в замкнутом, равно как и в открытом пространстве, – следствие пагубного влияния этанола на клетки коры головного мозга – приятели попытались покинуть любовное гнездышко через небольшой встроенный шкаф. Широко распахнув скрипучие дверцы этого венца позднесоветской архитектуры, усталая пара тупо уставилась куда-то в его глубину, забитую разного рода хозяйственной рухлядью, будто неожиданно узрев мистические порталы в обетованный, волшебный мир Нарнии.

Кроме новой хозяйки и совершенно беспомощных мужчин, в доме никого не было: гости разъехались, а мать Аслана отошла в мир иной два года назад. Делать было нечего – Валентина, как Ариадна, путеводная звезда переменчивого Тесея, вывела застенчиво жавшихся к стенке приятелей из запутанного лабиринта двухкомнатной квартиры. Один из дружков, более потасканный и менее адекватный, тяжело плюхнулся за руль иномарки, заляпанной грязью, как навозный жук, только что покинувший уютные, теплые недра слоновьей кучи. Чихнув пару раз и кашлянув охрипшим мотором, машина понеслась по улочке, выбрасывая из-под колес фонтаны грязной жижи, и скрылась в туманной пелене ноября.

Закрыв на ключ входную дверь, Валентина вернулась в спальню и со вздохом посмотрела на распостёртого на кровати человека. После некоторых сомнений она стянула с бессознательного тела белую спортивную куртку с подозрительными бурыми пятнами, сняла часы с обеих запястий и туфли, оставив только штаны и тяжёлую цепь, таинственно мерцавшую на волосатой груди в приглушенном свете новых двойных бра.

Новобрачного весь остаток ночи рвало осетриной, видимо, второй свежести, реквизированной вместе с остальными разносолами у местного ресторатора. Чтобы рвотные массы не попали в дыхательное горло, став причиной летального исхода, Валентина неусыпно бдела возле его постели – молодую жену не очень привлекала перспектива стать вдовой сразу после свадьбы наподобие курляндской самодержицы, божьей милостью призванной на царство ввиду полного династического безрыбья.

Чувствуя непреодолимую потребность в опорожнении желудка, Незрелович вскакивал с такой прытью, что Валентине не всегда удавалось поймать упругую, пахучую струю медным тазиком, – тогда она отмывала потертый паркет, подоткнув подол длинного шелкового пеньюара (необходимого аксессуара любой кавказской невесты вне зависимости от социального статуса и материального достатка).

За таким увлекательным занятием, которое, правда, не соответствовало общепринятым представлениям о романтической ночи любви, Валентину застал блёклый ноябрьский рассвет.

Когда первый луч солнца блеснул из-за усталых бледных туч и коснулся опавших щек мужчины, уже покрытых двенадцатичасовой щетиной, он тяжело поднялся с перины и, не открывая глаз, более всего похожий на безобразное творение доктора Франкенштейна, прошлёпал к приткнувшемуся в дальнем углу столику с фруктами, конфетами и прочими необходимыми атрибутами первой брачной ночи. Безошибочно нашарив графин с водой, Незрелович в несколько звучных бульканий опрокинул в себя всё его содержимое и вновь рухнул на кровать, предварительно дохнув на Валентину таким перегаром, будто во рту у него после длительного перехода переночевал не один эскадрон летучих гусар.

До летального исхода, к счастью, дело не дошло: Аслан проснулся после обеда, долго сидел в ванной, затем, не глядя на жену, разбравшую вещи, прыгнул в машину и умчался в неизвестном направлении.

Уже ночью, после того как молодые познали сладостной любви венки и прочие брачно-постельные тайны, Незрелович, принявший свой обычный самоуверенный вид, подложил под спину пуховую подушку в вышитой индийской наволочке и, прикурив от золотой зажигалки, хмыкнул:

– Никогда бы не поверил, что ты девштенница...

– Девштва! – передразнила его оскорблённая Валентина.

Стремительно повернувшись к ней, новоиспеченный муж неожиданно влепил ей хлесткую пощечину и шлёпнул губами:

– Заткнись!

Валентина, ожидавшая чего угодно, но не оплеухи после ночи, так сказать, любви, вскочила и, накинув на себя пеньюар, выпрямилась, глотая злые слезы:

– Всё, Аслан, сходила замуж – и довольно! Я домой.

Толстая нижняя губа Аслана отвалилась, глаза заволоклись слезами – довольно резко для своего веса он спрыгнул с постели и рухнул перед женой на колени. Рыдая, словно заблудший грешник при виде геенны огненной, он хватал её за руки, обильно смачивая их скупой мужской слезой, и ползал за ней по скрипучему старому паркету, моля о прощении.

Пресловутое проклятие конформизма тут же обрело зримые формы и сказала своё веское слово: Аслан просто не в себе, а её скоропостижное возвращение в отчий дом вызовет множество ненужных сплетен и кривотолков. И Валентина, дрогнув, отступила, решив, что она обязательно бросит мужа, если он ещё раз поднимет на неё руку.

После этого случая Валентина как-то предложила Аслану исправить прикус, но, едва взглянув ему в лицо, которое, мгновенно гневом возгорая, на глазах превращалось в оскаленную маску, быстро прикусила язык.

ПЕВЕЦ ГОР И КАМНЕЙ

Стать одной из ключевых фигур балкарского изобразительного искусства художнику Хызыру Алимовичу Теппееву позволили его высокий профессионализм, тонкий эстетический вкус, но, главное, созданный им собственный живописный язык, который помог передать балкарское мировидение и миропонимание.

Х. А. Теппеев. «Уход»

Он пришел в искусство Кабардино-Балкарии в годы перестройки, когда в стране сложился благоприятный климат для появления национальных художественных школ, возникла новая стратегия развития искусства, ориентированная на собственное этнокультурное наследие, началось активное возрождение духовно-религиозных идей ислама. Эти веяния в искусстве коснулись и Теппеева: в его творчестве все больше и больше стала проявляться этнокультурная самобытность. Эти качества его искусства, несомненно, способствовали формированию этнической идентичности балкарской живописи.

Хызыр Теппеев получил основательное академическое образование в Институте живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина, однако его нормативность не помешала в дальнейшем в его стремлении обрести собственный художественный язык, ориентированный на балкарскую ментальность. И если часть молодых художников, его сверстников, в эти годы обратилась к актуальному искусству, он не изменил традиции классического искусства, однако приложил все усилия к тому, чтобы своим произведениям придать балкарский колорит. Х. Теппеев стремился к тому, чтобы живопись нашего края обрела собственную этническую окраску, отличную от живописи других народов региона, потому был озабочен не только содержанием своих картин, но и серьезно занимался решением формальных задач, тщательно выбирая приемы и средства выразительности, которые бы помогли ему наилучшим образом справиться с возникавшими творческими проблемами. В попытке построить собственную художественную систему он успешно соединял особенности разных художественных стилей и направлений и трансформировал их таким образом, чтобы отразить в своих произведениях балкарскую

ментальность. И это ему вполне удается, поскольку он чувствовал себя свободно в контексте мировой культуры и был способен легко адаптировать особенности различных направлений в живописи к специфике балкарского менталитета. В поисках национальной формы своей живописи ему помогло также прекрасное знание истории и культуры балкарцев.

*Х. А. Теппеев. «Кавказский пейзаж
лицом на Север»*

как архетипы, как изобразительный знак народа. Балкарские артефакты предстают у него в самых разных контекстах. Касается это, к примеру, кийиза, кухонной утвари, других предметов быта, традиционной балкарской каменной кладки «хуна», башенных и мемориальных построек или террасированных аулов. Изобразительная ткань его полотен порой обогащается мусульманской и языческой символикой, балкарскими орнаментами.

У Теппеева нет шаблонных схем мышления. К примеру, в картине «Ковровщицы», выбрав канонический, архетипический сюжет – валяние кийиза, он восстанавливает историко-культурную функцию кошмы, ее сакральное значение. Его мастерицы в едином порыве, в едином ритме, с благоговением и внутренним трепетом выкладывают на войлочном ковре традиционные балкарские орнаменты, так, что их работа превращается в священнодействие, по сути дела, воспринимается как своего рода процесс программирования судьбы народа в узорах. Художнику удается передать типические черты лиц балкарских женщин, ритмичные движения рук, выработанные тысячелетней практикой. Его героини тщательно и скрупулезно выполняют стоящие перед ними задачи, понимая, что от их терпения и добросовестности будет зависеть будущее народа.

К мотиву кийизов обращаются многие балкарские художники. Именно в этом бытовом предмете наиболее отчетливо отразилась ментальность балкарского народа, он стал подлинным маркером культуры

балкарцев. Вообще балкарские артефакты у многих художников вводятся в самые разные контексты, но тем не менее повседневная жизнь горцев обычно предстает в них не в бытовом понимании, а как бытие. Постоянно варьируется эта тема и в творчестве Теппеева, который умеет очень точно соединить новаторские живописные приемы с тонким пониманием специфики национального. Бытовое событие живописец способен возвысить до священнодействия, до ритуально-символического уровня.

Огромный интерес художник испытывает к Корану и исламскому вероучению. Весьма оригинальны его жанровые полотна, апеллирующие к этой тематике. Глубоким смыслом наполнено живописное полотно «Мост Сират», в котором он стремится «запечатлеть» трансцендентный характер ухода человека в потусторонний мир. По исламскому вероучению, смерть – это переход души человека по очень тонкому, не превышающему толщины волоса, и острому, как лезвие ножа, мосту, зависшему над огненной геенной. Пространство картины сформировано художником по принципу «верх-низ», «тьма-свет». Огонь преисподней рождает не светлые чувства, не радостное ожидание, а предстает как устрашающее зрелище, поскольку пламя имеет не божественное происхождение, а является исчадием ада. Героиня Теппеева страшится неизвестности, но, отдавшись на милость Аллаха, собрав все физические и духовные силы, не питая никаких иллюзий, обреченно, но, тем не менее, не теряя последней надежды на спасение, решительно ступила на мост Сират, попадая из ночной тьмы на территорию с адским свечением. Надо отметить, что Теппеев в этой картине, как, впрочем, и во многих других своих полотнах, рассыпает по ее поверхности узоры, характерные для балкарских кийизов. Здесь они как бы служат для его героини не только ориентиром, определяя ее путь из этого мира в потусторонний, но и оберегом, придающим ей равновесие и защищающим от падения в огненную геенну.

Работы Теппеева по мортальным мотивам носят всегда депрессивный характер. Траурные церемонии, сцены ухода из здешнего мира в инобытие изображены в строгом соответствии с мусульманскими канонами. При этом он всегда изображает путь не в рай, а в ад, встреча с которым страшит его персонажей, как, впрочем, и его самого.

В одном из вариантов «Ухода» запечатлен процесс перехода умерших в мир потусторонний, когда каждый из них, влившись в общий поток, но в то же время оставаясь в одиночестве (по принципу «каждый умирает в одиночку») поэтапно трансформируется, в конце пути превращаясь в мусульманское надгробие. И вновь мы видим сложное ритмическое взаимодействие между ушедшими из жизни и балкарскими узорами, которые как бы направляют движение умерших в иной мир. Типажи, созданные Теппеевым, легко узнаваемы в своей этнической не-

повторимости, их отличают специфические национальные характеры, строй мыслей и чувств.

Хызыр Теппеев, как правило, занимается разработкой сложных тем и сюжетов. Многие его работы свидетельствуют о его стремлении создать глубоко философское, экзистенциальное по содержанию произведение, причем обязательно отражающее балкарскую ментальность. И действительно, его образы носят характер подлинных, национальных благодаря тонкому пониманию этнической специфики жизни родного народа. Оттого подтекст его картин глубок, а семантика сложна и многозначна.

Не только морально-нравственное, но и социально-политическое звучание обрела картина Х. Теппеева «Кавказский пейзаж лицом на Север», посвященная депортации балкарского народа. Как и весь балкарский народ художник воспринимал акт выселения родного народа с исторической родины как Апокалипсис. При одном воспоминании о депортации перед глазами и тех, кто был сослан, и тех, кто знает об этом лишь по рассказам старших, выплывают страшные картины выселения, которые навечно запечатлены в генах балкарцев. Тема депортации стала своего рода источником, из которого не только Хызыр Теппеев, но и другие балкарские художники черпают идеи и образы, созвучные их представлениям о трагических перипетиях судьбы родного народа. Работая над картиной «Кавказский пейзаж лицом на Север», он стремится запечатлеть видение событий тех дней глазами балкарцев, с точки зрения балкарской ментальности, подчеркнув эти отличия от других народов.

У Теппеева – это не реальный пейзаж с географической привязкой, а условный, вымышленный метафизический пейзаж – символ Балкарии – с ее террасированными аулами, старинными башнями и мемориальными сооружениями. Он искусно соединил в картине природные и архитектурные мотивы, подчинив их единому ритму задуманной композиции. Автор переносит нас во времена депортации, когда стабильный балкарский мир в одночасье был насильственно разрушен. Безошибочно выбирая нужный модус, он стремится максимально точно выразить глубину драматизма ситуации, которая в полной мере будет понятна лишь представителям народа, испытавшим не себе все ужасы депортации. Брошенный на произвол судьбы домашний скот – такого у балкарцев не могло быть никогда. Они ценили его как основу своей жизни, на нем зиждилось благополучие народа. Домашние животные всегда был главным богатством балкарцев, поскольку обеспечивали их питанием, одеждой, служили транспортным средством, их можно было продать, обменять на все необходимое в быту. В общем, для них это было «наше все». И вдруг – ситуация, когда скот оказался бесхозным, никому не нужным.

Отчаяние и гнев несправедливо изгнанных из родных мест горцев спроецированы автором на лишившихся присмотра и заботы домашних

животных. Они так же, как и депортированные люди, не просто страдают, а обречены на гибель. Животные то ли обращаются к Богу, проклиная тех, кто лишил их надежной заботы и ухода, то ли взывают к своим кормильцам, умоляя их вернуться. Эмоциональная окраска полотна, свидетельствующая о катастрофе, произошедшей в жизни людей и животных, подчеркнута и колоритом, когда в приглушенные тона живописного полотна яростно врываются яркие кровавые пятна. Автор очень тщательно отобрал каждую деталь в картине, чтобы максимально углубить трагический смысл картины.

В перестроечный период особенно быстро пошел процесс восстановления связей с мусульманством и утраченными корнями архаической культуры балкарцев. Пластическое искусство этого времени буквально пронизано воспоминаниями о мифах и легендах. Обращение к национальной архаике, интерес к прошлому, потребность отыскать корни духовности родного народа,

Х. А. Теппеев. «Мастерицы»

прикоснуться к тайне его бытия привели Хызыра Теппеева к теме священного для горцев дерева Раубазы – символа языческой Балкарии. Художник пытается погрузиться в пространство мифа, представить жизнь балкарцев в религиозном контексте, в магическом измерении. Обращаясь к архетипическим мотивам, он одухотворяет природу, стремится выявить связи человека с высшими духовными сущностями в представлении балкарцев-язычников, показать способы общения людей с духами Раубазы. В этой картине он черпает информацию из глубинных архивов миропредставления горцев. Интерес к этой теме у него не случаен: язычество у балкарцев сохраняется в известной мере и сегодня, органично сплетаясь с исламом.

Поиски путей национальной культурной самоидентификации заставили его взяться за кисть, чтобы написать такие полотна, как «Наследство», «Бог чабанов», в которых он создает своего рода ассоциативное поле, рождающее образы Балкарии. Горы для него – это код балкарского сознания, архетип, глубоко символический образ, главное богатство народа. Высокий профессионализм помогает ему искусно передать национальное мировидение и мироощущение родного народа. Его герои всегда отличаются подлинно национальным характером.

Исламский подтекст можно обнаружить у Х. Теппеева в работах, прежде всего касающихся Турции, где художник прожил порядка двух

десятилетий, занимаясь не только собственным творчеством, но и обучая своих учеников изобразительному искусству в рамках классической академической системы, по которой сам учился в стенах Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Репина. В этих произведениях непременно присутствуют мечети, мусульманская символика, маркирующие исламский мир.

Значительный интерес представляют работы Х. Теппеева, в которые органично включены произведения изобразительного искусства по принципу «картина в картине». В них «картина в картине» предстает как элемент интерьера или натюрморта, а герои полотна тесно связаны с миром обеих картин, что позволяет автору расширить семантическое поле произведения, его содержание и смысл. А поскольку работы его полисемантически, то весьма трудно определить заложенные в них смыслы. Реалии времени находят свое воплощение в зашифрованных образах, в которых всегда хранится какая-то тайна. Не случайно во многих из его такого рода работ присутствуют карты, как намек на неизвестное будущее.

В портретных образах, созданных Х. Теппеевым, личность человека предстает во всей сложности и противоречивости. Автору удается заглянуть в души своих героев, он умеет передать уникальность их переживаний. В любой работе ощущается его личная оптика восприятия своего героя. Умело акцентирован взгляд, выражение лица, поза, состояние души. В художественном сознании Х. Теппеева, прежде всего отраженном в его автопортретах, полнейшая внутренняя сосредоточенность, уход в себя. Оттого его произведения отличаются таинственной гипнотической силой воздействия.

Природный дар позволил Хызыру Теппееву не только самому работать над созданием художественных произведений, но и успешно заниматься преподавательской деятельностью. Несколько лет он вел занятия в Детской художественной школе города Нальчика, а после отъезда в Турцию преподавал в частной художественной школе.

Хызыр Теппеев мечтал вернуться на родину в Нальчик и продолжить работать здесь, но безвременная кончина не позволила реализовать многие его замыслы. Но и то, что он оставил нам в наследство, обладает огромной ценностью.

Будучи неординарной личностью, талантливым художником, своеобразно мыслящим человеком, тем не менее, Хызыр Теппеев не был избалован наградами, не удостоился регалий, но влияние его творчества на развитие изобразительного искусства Кабардино-Балкарии было и остается весьма значительным.

В УНИСОН СО ВРЕМЕНЕМ

Известный врач-офтальмолог Марат Анатольевич Афаунов с будущей профессией определился еще в школьные годы. И это не удивительно, ведь его отец – Анатолий Ламанович Афаунов был выдающимся офтальмологом, как говорится, врачом от Бога. Свой природный талант он приумножил, окончив в 1958 году Северо-Осетинский государственный медицинский институт и проработав четыре года заведующим Урухской амбулаторией, а затем продолжив обучение в ординатуре Ленинградского мединститута имени И. Павлова. С 1969 года по 2006 год Анатолий Ламанович возглавлял отделение микрохирургии глаза Республиканской клинической больницы в Нальчике. Он фактически стоял у истоков такого направления в офтальмологии как микрохирургия глаза, был первым, кто внедрил на Юге России имплантацию искусственного хрусталика в глаз. Защитил кандидатскую диссертацию, был назначен главным офтальмологом КБР. Научные и практические достижения А. Л. Афаунова были отмечены почетным званием «Заслуженный врач КБАССР». В области микрохирургии глаза он активно трудился на протяжении 50 лет до выхода на пенсию.

Анатолий Ламанович пользовался огромным уважением и среди коллег, и среди пациентов. От знакомых, впрочем, и незнакомых людей его дети слышали исключительно положительные отзывы о деятельности Анатолия Ламановича, что, конечно же, не могло не оказать влияния на выбор ими будущей специальности. Их мать Зоя Хамурзовна, учительница кабардинского и русского языков, всячески поддерживала мужа не только в его работе, но и заботилась о том, чтобы главным авторитетом для детей всегда оставался отец. И он действительно стал для них образцом для подражания. Вполне закономерно, что двое его детей – старшая дочь Мадина и сын Марат пошли по стопам отца. Мадина окончила медфак КБГУ, ординатуру МНТК «микрохирургия глаза» им. Федорова. Трудовую биографию начала в глазном отделении РКБ в Нальчике, сейчас живет и работает в Калининграде. Вслед за ней профессию врача-офтальмолога выбрал и Марат. Жена Марата, Залина Борисовна, тоже трудится в этой области, она – нейроофтальмолог в отделе нейрохирургии РКБ. Ныне они представляют второе поколение офтальмологов в семье Афауновых. Вторая же дочь Анатолия Ламановича – Марина избрала для себя профессию экономиста, и этот выбор тоже был поддержан семьей.

Медицинским работником Марат успел стать еще до поступления на медфакультет КБГУ. Учась в старших классах, по совету отца он

устроился на работу санитаром в приемное отделение РКБ, чтобы более глубоко, а главное, всесторонне, так сказать, с самых низов познать специальность медика. Но вот школа окончена, и в 1990 году без особого труда он поступает в КБГУ на медицинский факультет, который окончил в 1996 году. Участь в университете, Марат Афаунов получил глубокие знания по избранной специальности, и до сих пор с благодарностью вспоминает своих преподавателей.

В том же, 1996 году М. Афаунов поступил в ординатуру Российской медакадемии последипломного образования в Москве, а в 1998 году стал аспирантом этого учебного заведения. Его научная и практическая деятельность позволила ему в 2001 году защитить кандидатскую диссертацию на тему «Клинические и судебные медицинские аспекты ожоговой травмы глаз». Были опубликованы и другие его научные труды, имеющие большую научную и практическую ценность: «К вопросу о сроках проведения судебно-медицинской экспертизы при ожоговых повреждениях глаз», «Дополнительные критерии для судебно-медицинской оценки тяжести вреда здоровью при ожоговой травме глаз», «Взаимосвязь клинических исходов ожоговых повреждений глаз с судебно-медицинской оценкой степени тяжести причиненного вреда здоровью», и другие.

В Нальчик М. Афаунов вернулся, так сказать, остепененным врачом и сразу начал практиковать в Чегемской районной больнице и параллельно работал в качестве врача экстренной службы РКБ. В это время его отец возглавлял отделение микрохирургии глаза РКБ. Когда в 2006 году Анатолий Ламанович уходил на пенсию, министерство здравоохранения КБР сочло необходимым найти ему замену в лице Марата Афаунова, поскольку он к тому времени успел получить ученую степень, имел солидный стаж медицинской практики, был врачом высшей категории и, кроме того, обладал организаторскими качествами.

Став во главе отделения, М. Афаунов, разумеется, не стал менять сложившуюся и вполне оправдавшую себя систему функционирования отделения. Рабочий день у Марата Анатольевича всегда начинается раньше положенного по графику, а покидает он отделение только тогда, когда убедится в том, что здесь все в порядке. В кабинете его застать не так просто: ведь ему необходимо оперировать больных, нужно обойти все палаты, чтобы убедиться в том, что у больных не возникло никаких проблем. В поле его зрения попадает буквально все: цепкий взгляд заведующего не пропустит недоделок. Но, конечно же, на первом месте всегда остаются больные. Марат Анатольевич доступен для пациентов отделения в любое время дня и ночи. Даже если в данный момент его нет в отделении, при малейшей необходимости, бросив все дела, он мчится в больницу. Да и вообще, где бы ни находился, чем бы ни за-

нимался, всегда в подсознании у него мысль о состоянии его больных.

– Марат Анатольевич, – рассказывает его бывший пациент Исмаил Азретович Хаджиев, – доктор, чуткий и внимательный к нуждам больных. У него без всякого преувеличения образцовое отделение: в палатах, процедурных кабинетах, коридорах, туалетах, столовой, других помещениях царят безупречная чистота и порядок. Дисциплина самая строгая: никто из медперсонала никогда не опаздывает, каждый всегда находится при деле. Если возникают какие-то вопросы, любой больной, а при необходимости и его родственник, имеют возможность попасть к заведующему на прием.

Впрочем, Марат Анатольевич не ждет, чтобы его приглашали в палату, а совершает ежедневный обход больных, не только осматривая их, но и беседуя с ними. По признанию пациентов, лечебным свойством обладают и беседы с ним, которые благотворно воздействуют на их моральное и психологическое состояние, порой отвлекая от неприятных мыслей и страхов. Больные непременно подчеркивают тот факт, что у М. Афаунова необыкновенно светлая аура, обладающая целительной силой. Он всегда выглядит спокойным, уравновешенным, умеет со всеми найти общий язык, в общем, старается сохранять гармонию с окружающими людьми и миром.

Специалист по-настоящему увлечен своей профессией, достиг в работе значительных успехов. В одинаковой степени в этом сыграли роль как его талант врача и незаурядные организаторские способности, так и самодисциплина, профессиональная вооруженность, трудолюбие и, разумеется, высокие нравственные качества, позволившие ему завоевать любовь пациентов и уважение коллег. Подчиненные Марата Анатольевича, в первую очередь, подчеркивают такие черты его характера, как обязательность, требовательность, прежде всего, к себе самому. Строг и одновременно справедлив он и с медперсоналом. Сегодня возглавляемое М. Афауновым отделение представляет собой слаженный, работоспособный, профессионально подготовленный коллектив. Молодые врачи, начинавшие свою трудовую биографию под его началом, уже успели стать зрелыми, опытными специалистами. И в этом, конечно же, большая заслуга их наставника. Повышают свой профессиональный уровень и врачи со стажем.

Сам же он лечит всегда успешно. Как хирург, имеет крепкие нервы, обладает руками, способными выполнять операции виртуозно, с ювелирной точностью. Все отмечают его прекрасную хирургическую технику. Такого уровня профессионализма достигают далеко не все врачи, и путь к этому достаточно сложный.

– В отделение микрохирургии глаза РКБ за 2021 год обратилось за медицинской помощью 6408 пациентов, – рассказывает заведующий, – из них госпитализировано почти 2500, прооперировано более 2100, в

том числе и мной порядка 500 человек. Также по высокотехнологичной медицинской помощи в 2022 году мной проведено 350 оперативных вмешательств.

Особенно непросто ставить диагноз и оперировать в экстремальных условиях, когда медлить нельзя, поскольку пациент может лишиться зрения. Травмы глаз чаще всего происходят из-за баловства детей или в новогодние праздники из-за петард, фейерверков и т.д. Как опытный и профессионально вооруженный хирург М. Афаунов моментально ориентируется в ситуации и немедленно приступает к операции.

– Чаще всего травмы получают дети, нередко и из-за беспечности и безответственности взрослых, – рассказывает Марат Анатольевич. – Помню, мне пришлось оперировать четырехлетнюю девочку, которая поранила глаз, играя с маникюрными ножницами, которые легкомысленно дала ей мать. Глаз, как орган, мы ей спасли, внешность ее не пострадала, но зрения на один глаз она лишилась, и всю жизнь упрекает в этом свою мать. Думаю, такие примеры должны стать уроком для других. Немало серьезных случаев с травмами глаз происходит в новогодние праздники. Был случай, когда от неудачного запуска фейерверка разбилось окно квартиры, и осколок стекла попал в глаз девушки. Нам удалось полностью сохранить ее зрение благодаря тому, что моментально приступили к операции. Однажды к нам привезли маленького мальчика, которому его одноклассник нечаянно попал в глаз карандашом. После операции ему пришлось пройти серьезный курс реабилитации, только благодаря этому он не утратил зрение.

У М. Афаунова было немало уникальных случаев, когда приходилось оперировать больных в экстраординарных обстоятельствах, то есть принимать мгновенные решения. Однажды во время операции у одной пациентки случился сердечный приступ, и пришлось прибегнуть к помощи кардиолога. Было упущено более двух часов времени. И хотя был немалый риск, Марат Анатольевич продолжил операцию, которая благодаря его мастерству прошла успешно. Что касается операций очень пожилым людям (некоторым бывает даже за сто лет), то их он воспринимает как вполне обыденные.

Приходилось М. Афаунову делать операции и при весьма деликатных обстоятельствах, побуждавших пациентов скрывать свое имя. Он не вникал ни в причины сложившейся ситуации, ни в морально-нравственные стороны жизни пациента, никогда не пытался установить личность человека, считая, что долг врача – помочь любому человеку, а все другие проблемы должны рассматривать соответствующие органы. Были в его практике и другие нестандартные случаи, и каждый раз, по его признанию, приходилось пользоваться методом интуиции и клинического анализа и принимать неординарные решения.

Сейчас в мире появляются все новые и новые методы лечения в офтальмологии. Чтобы не отстать от сегодняшних достижений медицинской науки, Марат Анатольевич ежегодно проходит курсы по повышению квалификации, принимает участие в научно-практических конференциях не только в нашей стране, но и за рубежом. Конечно же, он старательно изучает новейшую медицинскую литературу по интересующим его вопросам, просматривает множество специальных журналов, делится опытом с другими врачами.

В большой степени хирург-офтальмолог зависит от технических возможностей медицинского оборудования, хотя для успешной операции недостаточно даже самой классной аппаратуры: важны квалификация офтальмолога, качество его работы. Потому он полагается в работе не только на хирургическое оборудование, но и на клиническое мышление. И, конечно же, хорошую службу ему служит его тонкая интуиция врача и высокий профессионализм. Прекрасное знание специфики работы позволяет ему оказывать пациентам квалифицированную практическую помощь. Основательная теоретическая подготовка, многолетний опыт, постоянная работа над собой дают возможность легко ориентироваться в лабиринте современных оперативных методов. В собственную лечебную практику он старается внедрять все самое новое.

В Кабардино-Балкарии вряд ли у кого-то возникают сомнения в выборе лучшего офтальмолога. Без колебаний они обращаются к заслуженному врачу КБР, кандидату медицинских наук, врачу высшей категории Марату Анатольевичу Афаунову. Он известен как один из самых уважаемых в республике врачей, который заслуженно приобрел широкую популярность и безупречную репутацию среди населения республики, высокий авторитет у коллег и составляет серьезную конкуренцию даже крупным специалистам из столичных клиник.

*Д. А. ТЕУВАЖУКОВА, Т. Г. ТЛУПОВА,
Л. Л. АРУТЮНЯН, Р. М. ЗАХОХОВ, З. Н. ЛОВПАЧЕ
КБГУ, Нальчик*

ВОЗРАСТНАЯ МАКУЛЯРНАЯ ДЕГЕНЕРАЦИЯ – ВАЖНАЯ ГЕРОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА, АКТУАЛЬНОСТЬ РАЗРАБОТКИ НОВЫХ МЕТОДОВ РАННЕЙ ДИАГНОСТИКИ

Рост числа лиц старших возрастов является показателем прогрессирующего старения населения. Актуальность этой геронтологической проблемы выражается, в первую очередь, в ухудшении здоровья, эта группа населения становится более уязвимой. Главной проблемой остается рост заболеваемости пожилых людей, отсутствие или недостаточная эффективность как социальных, так и медицинских услуг, в том числе ранняя диагностика геронтологических офтальмопатологий [1, 2, 3].

В связи с этим возрастает потребность граждан пожилого и старческого возраста в соответствующей медицинской помощи, должны совершенствоваться мероприятия социальной и психологической поддержки, развития системы долговременной геронтологической помощи и ухода. Эксперты в этой области предлагают разрабатывать мероприятия по оказанию комплексной медицинской или долгосрочной помощи с учетом состояния здоровья пожилых людей, их функциональных возможностей, условий окружающей среды [4, 5, 6]. В условиях прогрессирующего старения населения назрела необходимость дифференцированного подхода к работе с пожилыми людьми, требуется совершенствование геронтологической помощи. Однако, как показывает практика, в настоящее время остаются традиционными общие принципы оказания помощи пациентам старших возрастных групп, специализированные гериатрические подходы в ведении таких пациентов фактически не применяются. В то же время, увеличение абсолютного числа людей пожилого, старческого возраста и долгожителей значительно повышает нагрузку на учреждения здравоохранения и социального обслуживания населения, что свидетельствует о важности обучения основам современной гериатрии всех специалистов, которые работают с пациентами старших возрастов.

По мере старения организма ухудшается работа всех органов и систем. Возрастные изменения затрагивают и глаза. Большое влияние на состояние органа зрения оказывают сопутствующие хронические заболевания, особенно ишемическая болезнь сердца, артериальная гипертензия, сахарный диабет.

Наряду с такими геронтологическими проблемами, как катаракта, глаукома, возрастная макулярная дегенерация (ВМД) стала занимать важное место в системе профилактики и ранней диагностики офтальмопатологий.

ВМД вызывается повреждением кровеносных сосудов, питающих макулу. Возникшая ишемия приводит к ее разрушению. Это влечет за собой размытость изображений, текста, невозможность чтения. Искажение формы и цвета предметов, ухудшение распознавания лиц, появление слепых пятен создает проблемы для лиц старших возрастов в повседневной жизни, они ограничены в общении с родными, и, что особенно важно, теряют собеседников, которые очень нужны им в их возрасте. ВМД очень тяжело поддается лечению, так как причины ее возникновения обычно лежат вне органа зрения и связаны с возрастным нарушением кровообращения. Поэтому очень важна ранняя диагностика этого тяжелого геронтологического заболевания.

Основным методом клинического и экспертного исследования зрительных функций является определение остроты зрения. Для воспроизводимости результатов данного исследования, проводимого разными лицами, в том числе в разных странах, необходим высокий уровень его стандартизации. Будучи бесспорными в отношении тестовых знаков –оптотипов – и способов их предъявления, они оставляют открытыми вопросы световых условий, исследования контраста знаков и фона.

Поиск диагностических методов, позволяющих выявить начальные проявления различных видов офтальмопатологии, имеет актуальное значение, так как лучшие функциональные исходы лечения глазных болезней наблюдаются при раннем, своевременном выявлении, и, что особенно важно, на ранних стадиях заболевания.

Исследование состояния зрительных функций имеет решающее значение, потому что основным методом клинического и экспертного исследования является определение остроты зрения, которая зависит от многих факторов: степени освещенности, физического контраста, уровня эмоционального напряжения и функционального состояния человека.

Возрастающая стоимость диагностических обследований, таких как флюоресцентная ангиография глазного дна, ультразвуковые исследования кровотока в сосудах глаза, оптическая когерентная томографии, диктует необходимость разработки наиболее простых, доступных, быстрых методов скрининговой оценки функционального состояния органа зрения с целью ранней диагностики его патологии.

Важность и актуальность исследований этой проблемы не вызывает сомнений. Поэтому в основу наших исследований легло исследование остроты зрения в зависимости от освещенности тестов.

Цель исследования

Оценить актуальность возрастной макулярной дегенерации, как важной геронтологической проблемы, предложить простые высокоинформативные методы ранней диагностики и изучить влияние различных световых условий на разрешающую способность зрения, оценить их значение в клинике.

Материал и методы исследования

Исследования лиц, страдающих различными видами возрастной макулярной дегенерации, проводились в Отделении микрохирургии глаза Республиканской клинической больницы г. Нальчика. Были сформированы группа А (контингент здоровых лиц) и группа В (пациенты отделения микрохирургии глаза с различными формами ВМД) – по 50 человек каждая.

Офтальмологическое обследование включало исследование по общепринятым методикам (остроты зрения по таблицам Сивцева-Головина, рефракции, тонометрии и т.д.).

Для проведения эксперимента нами был разработан специальный прибор (Патент РФ № 2269921) [7]. Устройство для определения остроты зрения имеет два датчика (освещенности тестов ОТ и освещенности окружающего поля), два регулятора освещенности (окружающего поля и тестов), индикатор освещенности (оценивающий освещенность в цифровом выражении), вместо электрической лампы в 40 Вт в устройстве используется галогеновый источник света (230У 50УУ), позволяющий добиться высокой освещенности тестов (до 1000 люкс). Тест-карта содержит таблицы опто типов с малым (0,05) шагом, ее размер соответствует двум форматам А4, в связи с чем и размер самого устройства меньше стандартного в два раза.

Преимуществом его являются относительно небольшой вес, размер, возможность его переноса и измерения разрешающей способности зрения в любых условиях освещенности, что экономически выгодно. Для статистической обработки материала использовали ЭВМ (математический пакет “Mathcad PLUS 6.0”).

Результаты исследований

Группа А – контингент здоровых лиц, и группа В – больные с сухой формой макулодистрофии. Острота зрения их при обычном обследовании составляла 0,7-1,0 (среднее $0,79 \pm 0,27$).

Полученные результаты представлены в таблице.

Таблица. Зависимость остроты зрения от освещенности тестов у здоровых лиц и при ВМД

Группы	Освещенность (Лк)													
	50		100			200			300			400		
	М	$\pm\sigma$	М	$\pm\sigma$	t	М	$\pm\sigma$	t	М	$\pm\sigma$	t	М	$\pm\sigma$	t
А	1,13	0,18	1,42	0,22	3,81	1,64	0,24	6,36	1,81	0,26	8,04	1,83	0,24	8,73
В	0,76	0,20	0,76	0,23	0	0,78	0,26	0,33	0,78	0,26	0,33	0,80	0,26	0,66

Как видно из таблицы, острота зрения у здоровых лиц (контрольная группа А) плавно повышается соответственно усилению освещенности тест-объекта от $1,13 \pm 0,18$ (при 50Лк) до $1,83 \pm 0,24$ (при 400Лк) т.е. на 0,7, что подтверждается коэффициентом достоверности t.

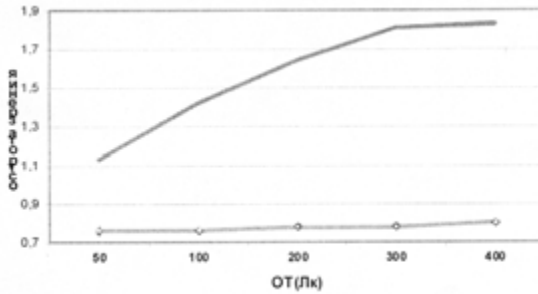

Рис. Зависимость остроты зрения от освещенности тестов у здоровых лиц и при ВМД (--- у здоровых, -□--□- при ВМД)

Интересны показатели остроты зрения у больных с макулодистрофией. Этот показатель стабилен независимо от ОТ, достоверности различий не выявлено. Определена величина повышения остроты зрения от минимальных значений до максимальных соответственно усилению ОТ от 50 Лк до 400Лк (приращение функции δ) в норме и при ВМД. У здоровых лиц оно равно 0,6, при макулодистрофии – 0,04. Важно отметить, что все исследования проводились у лиц с начальными, невыраженными проявлениями рассматриваемых патологических процессов, при достаточно высоких и сохранных зрительных функциях, что особенно важно для ранней диагностики.

Таким образом, прогнозирование величины остроты зрения, которое возможно при использовании предлагаемого нами устройства для определения остроты зрения (Патент РФ № 2269921) может помочь в ранней диагностике возрастной макулярной дегенерации. Отсутствие достоверных различий величины остроты зрения при изменении ОТ и минимальные значения δ характерны для патологического процесса в макуле.

Выводы

1. Возрастная макулярная дегенерация (ВМД) занимает важное место в структуре геронтологических офтальмопатологий, что указывает на актуальность разработки методов профилактики и ранней диагностики данного заболевания.

2. Разработанный для эксперимента специальный прибор (Патент РФ № 2269921) «Устройство для определения остроты зрения» позволяет выявить изменения остроты зрения уже на ранних этапах развития ВМД.

3. Предлагаемые методы исследования остроты зрения без использования дорогостоящей аппаратуры являются высокоинформативным скринингом глазных болезней, могут помочь в ранней диагностике различных видов геронтологических офтальмопатологий.

Литература

1. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 29.01.2016 № 38н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «гериатрия»: электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420339190> (дата обращения: 23.05.2019)/

2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.02.2016 № 164-р «Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года»: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW193464/ (дата обращения: 23.05.2019).

3. Уход за ослабленными пожилыми людьми: Российские рекомендации. М.: Человек, 2018. Фармакотерапия у лиц пожилого и старческого возраста: метод, руководства [Электронный ресурс]. 2018. URL: http://rgnkc.tu/images/projects_documents/Farmacoterapiya.pdf (дата обращения: 23.05.2019).

4. Седова Е. В., Палеев Ф. Н., Старцева О. Н. Основы гериатрии для врачей первичного звена. Учебно-методическое пособие. Москва, 2019.

5. Основные рекомендации Минздрава РФ и Рос. геронтол. науч.-клин. центра по физической активности для пожилых людей [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosminzdrav.ru/news/2016/08/16/3116> (дата обращения: 23.05.2019).

6. Ильницкий А. Н., Прощаев К. И. Специализированный гериатрический осмотр // Геронтологический журнал им. В. Ф. Купревича. 2012. № 4-5. с. 66-84.

7. Глухова Т. Г., Чернышева С. Г., Розенблюм Ю. З. Устройство для определения остроты зрения. Патент РФ №2269921 от 17.05.2004. Опубл. 20.02.2006. Бюл. № 5.

В номере:

Искренность и глубина. К юбилею А. Додуева. <i>Статья</i>	2
<i>Аскер Додуев. Стихи</i>	5
<i>Анатолий Лагулаа. Ануаа-рху. Родина – одна... Рассказы</i>	15
<i>Инвер Шеуджен. Стихи</i>	30
<i>Лариса Маремкулова. Мухамед Керефов: о юбилеях и памяти... Статья</i>	36
<i>Мухамед Керефов. Волку – волково (перевод Л. Маремкуловой). Рассказ</i>	40
<i>Зейтун Толгуров. Рассыпавшиеся бусы (перевод Л. Ахаевой). Рассказ</i>	49
<i>Исмаил Бейтуганов. Горькая доля матери. Солнце любит, когда ласкаешь сироту. Одиночество (перевод Л. Ахаевой). Рассказы</i>	65
<i>Валерий Шипилов. Стихи</i>	77
<i>Радима Нагоева. Стихи (перевод А. Кармовой)</i>	80
<i>Анатолий Камбиков. Как я задумал стать извозчиком. Рассказ</i>	85
<i>Тамара Биттирова. У поэтов есть такое право... Статья</i>	92
<i>Салисат Хагундокова. Явление поэзии. Очерк</i>	97
<i>Ирина Вольская. Народный артист. Очерк</i>	106
<i>Лиλιана Шорданова. Авторы из Кабардино-Балкарии... Статья</i>	111
<i>Тахир Толгуров. Полет стрелы. Статья</i>	114
<i>Борис Зумакулов. Герою Советского Союза М. М. Уммаеву – 100 лет. Статья</i>	119
<i>Вениамин Узлев. Я солнцем над Эльбрусом встану. Стихи</i>	124
<i>Кашиф Унежеев. Параллели в культуре... Статья</i>	125
<i>Ромета Баева. Номер раз. Рассказ</i>	161
<i>Жаухар Мустафаева. Певец гор и камней. Статья</i>	175
<i>Жаухар Аппаева. В унисон со временем. Очерк</i>	181
<i>Д. А. Теуважукова, Т. Г. Тлупова, Л. Л. Арутюнян, Р. М. Захохов, З. М. Ловгаче. Возрастная макулярная дегенерация... Статья</i>	186

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета

В номере использованы фотографии А. Елканова

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.

Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ 07-00126 от 11.01.2018 г.
Подписной индекс П5892

Компьютерная верстка *Ш. С. Ахматова*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Сдано в набор 30.12.2022. Подписано к печати 03.02.2023.
Выход в свет 27.02.2023. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 12,0.
Тираж 1030 экз. Заказ № 218. Стоимость одного номера по подписке
через ФГУП «Почта России» – 41,77 руб., за 6 мес. – 125,31 руб.

В розницу – цена свободная.

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.
Тел.: главный редактор – 40-28-49,
редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,
сайт: pressa.smikbr.ru,
e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано в ООО «Издательство «Южный регион»,
357600, Ставропольский край, г. Ессентуки, ул. Никольская, 5а

*Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электрон-
ной версией.*

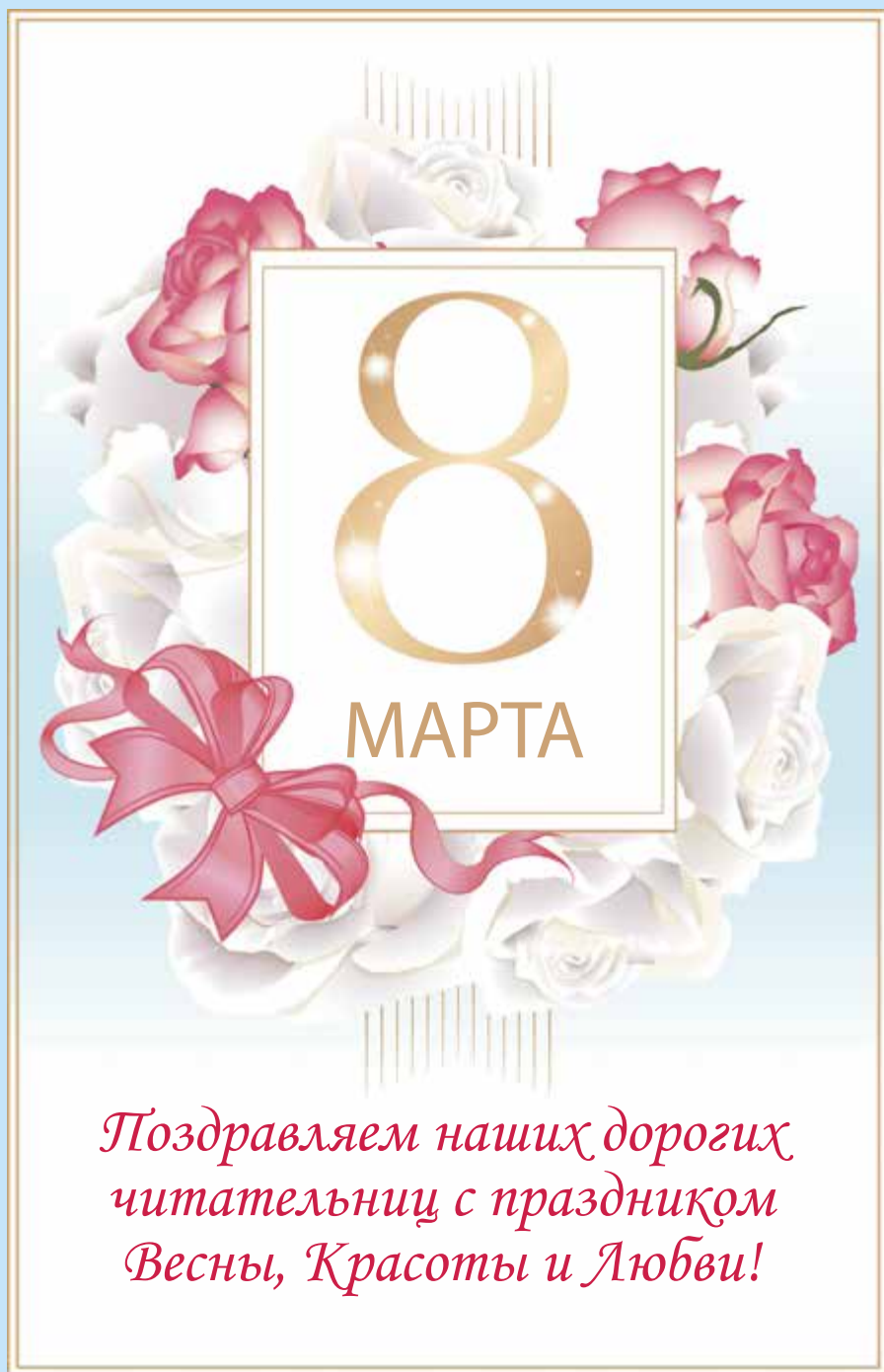
*Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензи-
руются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей
может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут
ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не
принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке.
При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-
Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превыша-
ющем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных
(ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер
контактного телефона).*

По инициативе Союза писателей КБР и при финансовой поддержке Министерства культуры республики изданы сборник произведений молодых поэтов и писателей «Время слова», а также коллективная монография «Культурное единство и эстетическая уникальность литератур народов России».

Презентация книги «Время слова» состоялась в рамках фестиваля «Литературное единство народов России», который прошел 30.11.22 в городском центре эстетического воспитания детей им. Казаного Жабаци.

Автором проектов выступил председатель Союза писателей КБР Ю. М. Тхагазитов.

*Поздравляем наших дорогих
читательниц с праздником
Весны, Красоты и Любви!*